

Рита Навьер

Моя любовь, моё проклятье

«Литнет»

2018

Навьер Р.

Моя любовь, моё проклятье / Р. Навьер — «Литнет», 2018

Ремир руководит крупной компанией. В его жизни нет места сбоям и неожиданностям. До тех пор, пока на собеседование не приходит Полина – девушка из прошлого, его первая любовь и первое разочарование. Восемь лет назад она жестоко посмеялась над чувствами влюблённого мальчишки, а сегодня даже не вспомнила его. У Полины больной ребёнок, и ей очень нужна работа. Только как поступить ему? Отыгаться за былое унижение? Простить и забыть? Или, перешагнув гордость, помочь? Новая история:

© Навьер Р., 2018

© Литнет, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	24
Глава 4	29
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	45
Глава 8	52
Глава 9	56
Глава 10	63
Глава 11	68
Глава 12	73
Глава 13	76
Глава 14	81
Глава 15	87
Глава 16	94
Глава 17	101
Глава 18	106
Глава 19	109
Глава 20	113
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Глава 1

Глава 1

И эти губы, и глаза зелёные...

(Д. Сэлинджер)

Наше время

По вторникам с самого утра и до десяти ноль-ноль весь головной офис погружался в состояние, похожее на предштормовое затишье. Коридоры пустели, в курилке и кофе-баре - ни души, все сидели по своим кабинетам, молились, пили корвалол и готовились к неизбежному - к локальному мини-апокалипсису, который так или иначе затрагивал всех и каждого от первого зама до уборщицы.

Ну а в десять начинался, собственно, сам шторм, эпицентр которого приходился на переговорную. Там, в просторном зале, напоминавшем стеклянный куб, каждую неделю Ремир Долматов проводил планёрки, а по сути - устраивал своим замам и руководителям отделов эпические разносы. Те потом, мало-мальски отдышавшись, отыгрывались на своих подчинённых. Поэтому в офисе все без исключения крепко не любили вторники.

Руководители же переговорную называли не иначе как пыточная. И хуже пыточной было лишь одно место - кабинет самого Долматова. Ибо на планёрках боялись и страдали все вместе, коллективно, а это всё же не так страшно, как оказаться с ним, разгневанным, наедине. К счастью, к себе на ковёр он вызывал не так уж часто. Народу и вторников вполне хватало, чтобы держаться в тонусе и не халтурить. Мало-мальски расслаблялись лишь тогда, когда Ремир отчаливал в командировки или вдруг срывался в короткий отпуск. Такие дни для всех в конторе становились самыми сладкими праздниками. Жаль, редкими.

Этот вторник ещё и начался недобро - Ремир задерживался. Алина, его секретарша, сообщила, что босс стоит в пробке и осторожно, полущёпотом поделилась: «По голосу очень злой».

Все присутствующие обречённо переглянулись. Виктор Романович, административный директор, промокнул лоб платком. И так-то само по себе крайне нервировало сидеть в этом коробе из стекла и хрома под мириадами точечных светильников, словно ты - часть, крохотная деталька какой-то идиотской инсталляции. А ждать лишнюю минуту, две, десять, когда начнётся четвергование... Это сводило с ума.

Влад Стоянов - коммерческий директор - нервно теребил обручальное кольцо и метал гневные взоры то в Касымова, начальника маркетинговой службы, то в Оксану Штейн, главу продажников. Остальные и вовсе тряслись. Только технический, Максим Астафьев, со спокойной сосредоточенностью листал какие-то свои бумаги. А чего ему бояться? Он - единственный, кого босс никогда не прижучивал.

У Стоянова завибрировал сотовый. «Идёт!», - предупредила Алина. И напряжение в переговорной моментально достигло апогея. Даже точечные светильники над головами, казалось, стали гореть ярче.

Стеклянные двери распахнулись, и на пороге возник он, как всегда грозный до сердечных колик и до внутреннего трепета великолепный. Наследный принц в костюме от Brioni, брамин мира телекоммуникаций, бескомпромиссный деспот, зачем-то наделённый манящей и жгучей ориентальной красотой.

Смоляные волосы размётаны, но в этой кажущейся небрежности явно чувствовалась рука дорогого стилиста. Тёмные, как расплавленный горький шоколад, глаза горели демоническим огнём. Так, наверняка, взирали на войско персидских сатрапов Александр Македонский, прежде чем блестяще и стремительно разгромить их. Давний шрам на скуле босса и чёрные брови врзлёт лишь усугубляли картину.

Все собравшиеся вмиг замерли и на несколько секунд перестали дышать. Кроме Астафьева. Тот, взглянув на Ремира, улыбнулся краешком губ.

Уверенной и неспешной поступью хищника босс прошествовал к своему креслу во главе длинного стола, обдав присутствующих облаком изысканного парфюма.

Долматов требовал от персонала строжайшего соблюдения дресс-кода. Никаких джинсов, футболок, толстовок, свитерков. Никаких пёстрых расцветок и лишних оголений. Даже сорокоградусная жара - не повод заявляться на работу с голыми плечами и без капроновых колготок или же без пиджаков и галстуков. При этом сам он почти никогда не носил галстуки и даже верхние пуговицы рубашек, непременно белых, расстёгивал. А иной раз, вот как сегодня, и пиджак снимал. Тонкая полупрозрачная ткань рубашки обтягивала широкие плечи, крепкие литые мускулы, стройный торс, заставляя женскую половину метаться между чувствами и инстинктами.

Первым отчитывался Виктор Романович, административный. Его Долматов частенько щадил, всё-таки у того возраст. Но на этот раз и ему досталось. Виктор Романович разволновался и запутался в цифрах.

- Что за лепет? - рявкнул Ремир. - Какого чёрта у нас на балансе до сих пор числится эта развалюха в Могоче? Я велел продать! Или на худой конец передать муниципалитету. Почему не сделано?! Слушаю!

Виктор Романович шёл красными пятнами и заикался, но ему не сочувствовали, потому что он сейчас оттерпит, а потом каждому придётся вот так же.

На десерт Ремир оставлял обыкновенно продавцов и маркетинг. Тем более там было где разгуляться.

- Ваши пос-материалы - отстой! - припечатывал он Касымова. - В следующий понедельник предоставить новые макеты. И если опять будет такая же туфта, уволью за профнепригодность.

Касымов удручённо молчал, понимая, что после планёрки будет ещё второй раунд от Влада Стоянова. Правда, после Ремира это так, щекотка...

- Теперь ты, Штейн! - обратился он к начальнице отдела продаж. - Ну, давай пройдемся по основным пунктам.

- Мы заключили... - дрожащим голосом начала Оксана Штейн, подглянув в ежедневник.

- Меня твои записки не интересуют. Меня интересуют только факты. А факты таковы: за минувший месяц у двух наших ключевых клиентов наблюдается существенный спад трафика. Это значит что?

- Что им, наверное, какой-то другой оператор предложил попробовать свои услуги...

- Именно! - щёлкнул пальцами Ремир. - Сообразил-таки, Стоянов? А до этого о чём думал? Куда смотрел? В танчики рубился на рабочем месте? Штейн! Касымов! Два самых главных клиента уходят из-под носа! А вы умудрились это прошляпить! Вы хоть знаете к кому? Знаете, какие там тарифы? Какие условия они предложили? Нет? А что вы сделали, чтобы не дать клиентам уйти? Ничего? Тогда зачем вы вообще мне нужны?! Немедленно выяснить и завтра утром предоставить полную картину. Иначе я не понимаю, за что вы тут все получаете зарплату.

Ремир разошёлся.

- А ты, Штейн, объясни, почему дебиторская задолженность не снизилась, а даже наоборот приросла на три процента?

- Ремир Ильдарович, у нас не хватает людей в отделе, - отчаянно выпалила она. - Мы разрываемся! Иванова в декрете, Тишанина уволилась, Долгова ногу сломала, второй месяц на больничном. Мы реально просто разрываемся!

Ремир неожиданно прервал свою отповедь и, выгнув вопросительно бровь, повернулся к кадровичке Супруновой, дородной тётке с отёчным лицом.

- Что у нас по кадрам? Почему вакантные места до сих пор вакантные?

- Эм-м... я же вам пересылаю все резюме. По вашему требованию. И всех, кого вы одобрите, приглашаю на собеседование. Вы же сами их всех забраковали.

- Ну так ещё бы! Из твоих кандидатов можно смело ярмарку дураков устраивать. А мне нужны звёзды! Или хотя бы рабочие лошадки, а не серая, никчёмная масса. Мне вас-то, дармоедов, по горло хватает. Пусть хоть труженики тыла будут на высоте. И какого черта ты, Супрунова, сидишь и выжидаешь, когда к тебе в руки приплывёт золотая рыбка? Начни наконец действовать. Рекрутинговых агентств полно... В общем, сегодня до четырёх жду новый список кандидатов. Достойных, чёрт возьми, кандидатов, а не тех залётных куриц, что ты мне наприсылала. И если снова я не найду никого стоящего, пойдёшь уже в эти рекрутинговые агентства сама в качестве соискателя. Ясно? А теперь все вон!

Это его грубое «А теперь все вон!» никто и не подумал воспринимать, как оскорбление. Привыкли, во-первых, а во-вторых, после планёрки оно, хоть какое грубое, казалось долгожданным кличем, дарующем свободу, пусть и относительную. Лишь Макс Астафьев задержался, когда все остальные устремились чуть ли не наперегонки к стеклянным дверям.

- Рем, обсудим последнюю милю* до Зелёного Берега?

* Последняя миля - канал, соединяющий оборудование клиента с узлом связи оператора.

Без пяти четыре от Супруновой по почте пришло сообщение: *«Уважаемый Ремир Ильдарович, отобрала несколько кандидатов. Прошу просмотреть и обозначить наши следующие действия».*

В аттаче - винrarный файл. В архиве - длиннющий список.

«Это несколько?! Вот же дура! - выругался про себя Ремир. - Поди насобирала всех подряд откуда только можно в надежде хоть с кем-нибудь угадать».

От нечего делать он всё же просмотрел присланные резюме. 80 % - мальчишки и девочки, амбициозные и высокомотивированные. 20% - тёти и дяди под сорок и за сорок, с опытом, образованием и, вне всякого сомнения, какими-то проблемами. Ибо кто в сорок ищет работу с нуля?

Ну и кого тут выбирать? Старую лошадку, что борозды не портит? Или глупого, но резвого жеребца?

Ремир флегматично, на автомате открывал вордовские файлы с резюме. Скептически кривился и тотчас закрывал.

«Одно и то же! Они там что, по одинаковому сценарию их заполняли? Все сплошь обучаемые, коммуникабельные и стрессоустойчивые. Тоска...».

В раздражении он щёлкнул следующий файл и, даже не успев прочесть имя-фамилию, не успев разглядеть маленькое фото, почувствовал, как ёкнуло сердце. Его сердце! Оно, в принципе, не ёкало никогда и ощущалось ну... таким мощным, исправным мотором, который знай себе молча качает кровь и никак хозяина не беспокоит. Разве что чуть накидывает пульс после кардиотренировок, но это стандартное, естественное явление. Как у всех. А сейчас... сейчас не просто же ёкнуло, а задрожало, заметалось вдруг в груди и никак не успокоится.

Ремир отметил, что даже дыхание сбилось, и в висках застучало, потому что в строке ФИО смертельным капканом цепляло взгляд: Горностаева Полина Андреевна. И фото её, несо-

мненно её. Да она почти и не изменилась за минувшие восемь лет. Те же спутанные каштановые кудри ниже плеч. Те же зелёные раскосые глаза. Тот же вызов во взгляде и затаённое обещание греха. А губы... ещё более чувственные и порочные, чем тогда... И сразу на ум полезло: «И эти губы, и глаза зелёные». Вроде так у Сэлинджера?

Откуда ты только всплыла, чёртова Горностаева Полина Андреевна!

Попалась же ему эта Горностаева Полина Андреевна! Да и какая, к чертям, Полина Андреевна? Просто Польша. Однако Польша не Польша, а почву из-под ног она у него выбила. Ведь столько лет прошло! Он и думать забыл про неё, про всё вообще. А тут одного взгляда хватило, и давно затянувшийся рубец неожиданно вскрылся и снова закровоточил. И в груди печёт от вспыхнувшей жгучей ненависти.

Ох, как же он тогда её ненавидел! До скрежета зубовного. Прямо задышался от дикой ярости, которой так и не нашлось выхода.

Никто и никогда ни до ни после не сумел причинить ему такую боль, как эта дрянь. Даже вертихвостка мать, которая за спиной отца, как оказалось, напропалую крутила шашни с одним из его охранников. Даже этот самый охранник, который стал ему отчимом, когда отец погиб, и едва не разорил отцовское предприятие на пару с беспутной матерью. Даже новые одноклассники, которые поначалу как только не издевались над ним. Но со всеми он справился и расправился, всё преодолел, а вот про неё забыл. Не сразу, естественно, но всё же забыл. И чёрт бы с ней, с этой глупой, жадной, мелкой потаскушкой. Руки ещё марать. Но с собой-то что делать? Думать же ни о чём другом не мог. Вон и запланированный вечер коту под хвост. Наташа, его нынешняя подруга, наверняка обиделась, когда он выставил её за дверь. Но на это плевать, это мелочи. Подуется и назад прибежит.

Но так ведь и работа в голову не лезла! А у них с Максом такой ответственный проект в разработке. Тут нужна, просто необходима холодная голова. И никакие лишние мысли недопустимы.

Внутри жгло беспощадно, мучило, не давало покоя, как будто он заново испытал то нестерпимое унижение... Проклятье! Избавиться от этого терзающего чувства, как уже знал Ремир, можно лишь одним способом: наказать обидчика. Отплатить той же монетой. Отомстить и забыть. Так учили и отец, и дед: око за око. Так Ремир поступил и с отчимом, и с горсткой директоров, два года разговаривающих отцовскую компанию, и с одноклассниками, и ещё с одним подонком. Ну а теперь настал её черёд. Сама виновата. Не стоило ей вновь появляться у него на пути.

Глава 2

Глава 2.

Восемь лет назад

Отец погиб, когда Ремиру только-только исполнилось шестнадцать. Нелепый несчастный случай. На одной из базовых станций случилась крупная авария. Он помчался разбираться и погиб. И некого винить, разве только скользкую после дождя дорогу, ночной туман и горный серпантин. Отцу было сорок девять, полгода не дотянул до юбилея.

Мать, конечно, поплакала на похоронах, уж как положено, даже сподобилась надеть траур, хотя не выносила чёрный цвет. Ну а потом (и недели не прошло) в их огромном доме в Солнечном поселился дядя Толя. Он расхаживал по дому в отцовском халате, сидел в отцовском кабинете, закинув ноги на рабочий стол, спал в отцовской постели. Слышать ночами их стоны было мерзко, невыносимо, хоть из дома беги.

Ремир злился, требовал от матери, чтобы выгнала этого Толика, чтобы уважала память отца.

Но мать возмущалась: «По-твоему, я в тридцать пять лет должна остаться одна? Ты хочешь, чтобы твоя мама была несчастной?».

На самого Толика Ремир не раз кидался с кулаками: «Не смей трогать вещи отца!».

Но что мог сделать худосочный шестнадцатилетний пацан против груды стероидных мышц?

Толик сильно его не бил. Только когда слишком уж допекал, отвечивал затрещины под предлогом воспитательных мер. Мать не вмешивалась. Она, вечно порхающий мотылёк, лишь досадовала, что Ремир мешает счастью.

С сыном у неё никогда не было близких отношений. Ребёнком с детства занимался муж. Она и не возражала, даже напротив, рада была. Она вообще долго не могла свыкнуться, что вдруг стала матерью, когда сама ещё девчонка. А всё потому что выскочила замуж сразу после школы, может, от скуки, может, из любопытства.

Состоятельный татарин Ильдар Долматов увидел в ней хрупкую и нежную русскую красавицу и потерял покой. Он осыпал её цветами и дорогими подарками, водил по ресторанам и театрам и, в конце концов, сделал предложение, хотя семья его была сильно против.

Только спустя год, когда родился Ремир, законный внук и наследник, они скрепя сердце приняли русскую невестку. Только вот сам Ильдар к глупенькой, легкомысленной жене быстро охладел, но зато в сыне души не чаял. Везде таскал мальчишку за собой: и на отдых, и на охоту, и на работу. Понемногу учил всему, что знал сам. Брал его, пятнадцатилетнего, на совещания и разборы полётов, знакомил с технарями и инженерами, возил по базовым станциям, показывал стойки, мультиплексоры, маршрутизаторы, антенны и прочее оборудование.

И теперь Ремир оплакивал не только отца, но и себя, потому что та авария оборвала и его жизнь тоже.

— Мы с дядей Толей решили, что тебе нужно развеяться, - сообщила мать за ужином.

Раньше семейные ужины казались маленьким ежедневным торжеством, нерушимым ритуалом, слегка утомительным, но привычным.

Отец к определённом часу спускался к столу непременно в костюме и при галстуке. Если не было гостей, Ремиру позволялось обходиться рубашкой. Мать тоже выходила в платье или в блузке. Этикет, слава богу, блюли без фанатизма, но уж во всяком случае ели ножом и

вилкой. И видеть теперь во главе стола на месте отца Толика в растянутой майке, чавкающего, подтирающего хлебом соус в тарелке или орудующего зубочисткой, было дико и омерзительно.

– Тебе не мешает немного отвлечься, – продолжала мать, – сменить обстановку. Здесь тебе всё напоминает о папе...

– А я и не хочу забывать о папе! – взвился Ремир.

– Никто и не ждёт, что ты его забудешь. Но отвлечься тебе всё же нужно. Вон ты какой стал нервный и дёрганный.

– Станешь тут нервным, когда ты привела к нам чужого мужика.

– Ремир! Дядя Толя не чужой. Он заботится о нас.

– Да ну? – хмыкнул Ремир.

– Да! Это же он путёвку тебе достал. Съездишь в лагерь на Байкал. Это даже не лагерь, а что-то вроде санатория или элитной турбазы. Отдохнёшь хорошенько перед началом учебного года.

– Сплавить меня решили? А я никуда не поеду. Если я ему мешаю, пусть сам отсюда валит. Это мой дом!

Мать обиженно поджала губы, многозначительно взглянула на Толика. Тот скривился:

– Слова-то выбирай, сопляк, когда с матерью разговариваешь, а то язык быстро укорочу.

– Да пошёл ты! – Ремир вскочил из-за стола, гневно сверкнув чёрными глазами.

– Что ты сказал? – Толик тоже приподнялся и слегка выдвинул нижнюю челюсть вперёд. Это, видать, получалось у него непроизвольно перед тем, как ударить. – А ну, повтори, щенок.

Мать молчала, скорбно опустив глаза.

– Только тронь меня ещё раз, урод. И я тебе эту вилку в глаз воткну.

Толик в ту минуту не умом, а сердцем почуял, что пацан не просто бросался словами, а действительно на пределе. В таком вот состоянии человек не только вилкой в глаз, а целый город спалит, не задумываясь.

Толик засопел, но присел и челюсть назад задвинул. А когда Ремир вышел из столовой, тихо процедил:

– Гадёныш.

– Толик! – ахнула мать. – Вообще-то он мой сын.

– Вообще-то он меня сейчас убить угрожал.

Лагерь отдыха «Голубые ели» прятался в уютной бухте на берегу Байкала. Его и впрямь с трёх сторон окружали ели, правда, не голубые, а самые обыкновенные, а ещё сосны, лиственницы и кедры.

Бревенчатые корпуса с остроконечными крышами, стилизованные под русские терема, внутри оказались вполне современными, комфортными и с бесплатным Wi-Fi.

Корпус, в котором поселили Ремира, вмещал пять четырёхместных комнат и общий холл с креслами-диванами и раскидистой монстерой. В каждой комнате – уборная, душевая, на стене – небольшая плазма. Вообще, уютно. Хотя Ремир плевать хотел на уют. Он не отдыхать приехал, а попросту сбежал из дома, где последнее время находиться стало невыносимо.

Здесь ему тоже не нравилось. Пацаны, с которыми его заселили, без умолку несли всякий бред. Вообще-то, это был обычный подростковый трёп. Но круг общения Ремира уже давно замкнулся на отце, его друзьях и коллегах. С детства он впитывал их взгляды и суждения.

И вот это: «Видали, пацаны, какие тут зачётные тёлочки?», «У меня с собой есть дэшка травки, можно будет после отбоя пыхнуть» или же: «Блин, пивасик, интересно, где здесь купить?» и прочее подобное казалось ему убогим лепетом.

Очень хотелось попросить их заткнуться. Но терпел, как мог. Во-первых, он их ещё совсем не знал и подозревал, что это, наверное, будет невежливо, а, во-вторых, отец всегда советовал сдерживать порывы. Хотя вот это редко когда получалось.

– А ты чего молчишь? – обратился к нему один из пацанов, длинный, как жердь, в красной футболке и бермудах, из которых торчали худые и белые ноги. – Ты кто? Откуда?

Ремир метнул в него ледяной взгляд и вышел из комнаты, услышав за спиной:

– Черномазый совсем офигел?

Ремир вернулся, медленно пошёл на длинного, вперившись в него исподлобья немигающими, чёрными, как два пистолетных дула, глазами. Длинный чуть струхнул и попятился, но тут очнулись двое других.

Втроём они, конечно, отделали Ремира на совесть. По лицу старались не бить – директор лагеря сразу предупредил, что за мордобой можно и домой вернуться. Но попинали от души и телефон, сволочи, разбили. Ещё отцом купленный. От матери же теперь чёрта с два новый дождёшься – она теперь во всём слушала Толика.

А Толик уже всюю командовал: «Много лишних и ненужных трат. Зачем пацану столько шмотья? Пусть то, что есть, донашивает. Зачем платить такие бешеные бабки за гимназию? Пусть в обычную школу ходит, как все. Зачем ему в лагере деньги? Он туда на всё готовое едет».

Мать кивала, соглашалась.

Первые дни Ремир практически безвылазно торчал в своей комнате, читал запоем фантастику, которую, к счастью, сообразил залить перед отъездом в ридер. От всяких мероприятий отбрыкивался. Выходил только в столовую.

Там он и встретил её впервые. Полину Горностаеву. Она сидела за соседним столиком с девочками и звонче всех смеялась. Красивая! Каштановые кудри собраны в высокий хвост, зелёные глаза блестят, от её улыбки в животе щекотно.

Она доела ужин и ушла вместе с подругами, а он так и продолжал сидеть над остывшим рагу, точно оглушённый. Потом отправился её искать. Покружил по территории, не нашёл. Всю ночь потом пролежал без сна, таращась в потолок, а перед глазами так и стояли её смеющиеся глаза и губы чувственные, алые...

В гимназии, где с пятого класса учился Ремир, тоже были девушки, правда, мало, напечёт. Всё-таки профиль заведения специфический – в юные головы там вкладывали не только базовые знания, но и целенаправленно готовили в высшие управленцы. Так что в классах на пятнадцать-шестнадцать человек обычно оказывалось всего две-три девочки. Но была среди них одна, которая всегда ему улыбалась. Он улыбался в ответ, но кровь от этого не играла, сон не пропадал, сердце не билось чаще, даже когда она касалась его.

А такое, как сейчас, с ним случилось впервые. Даже не случилось, а настигло, обрушилось, словно неуправляемая стихия. Причём такая мощная и всеобъемлющая, что все остальные чувства как-то сразу сгладились, поблекли. Обида на мать отпустила, злость на Толика уползла куда-то вглубь, и даже боль потери притупилась. Ладно, чувства, но она ведь и разум его взяла в плен. Хоть умри, ни о чём, кроме неё, не думалось. Любимые книги в голову не лезли. Все эти страсти книжные стали вдруг казаться какими-то мелкими и надуманными, не то что в жизни...

На другой день Ремир явился на завтрак одним из первых, к омлету даже не притронулся. Ждал её. Напряжённо, не сводя глаз с распахнутых двойных дверей. Дождлся, наконец. Но она пришла не одна, с парнем, лощёным голубоглазым блондином с длинной прямой чёлкой набок. Вернее, пришла она со вчерашними подругами и тремя парнями. Но было ясно, что именно этот блондин – с ней. Он по-хозяйски её обнимал, шептал на ухо. Она смеялась. Потом он и вовсе бесстыдно огладил её ягодичы.

В груди заклокотало злое, болезненное чувство. Ремиру на мгновение даже захотелось убежать, но сбегать – совсем не в его духе. Он встал и решительно прошёл к ним. Разговор и смешки за их столом сразу смолкли. Все недоумённо воззрились на смуглого, худощавого мальчика с горящим взглядом и непослушными чёрными вихрами.

– Тебе чего, Маугли? – спросил блондин.

Ремир на него не отреагировал, он смотрел лишь на неё пристально и жадно. Затем, не колеблясь, заявил:

– Ты мне понравилась. Я хочу с тобой встречаться.

Кто-то за столом ахнул, кто-то прыснул, у неё же брови так и поползли вверх. Блондин тоже опешил:

– Нихрена себе заявочки! Полька, кто это? – обратился он к ней.

– А я откуда знаю? – пробормотала она.

– Маугли, – блондин опять обратился к нему, – ты откуда такой наглый?

Ремир даже бровью не повёл.

– Ты будешь со мной встречаться? – спросил он требовательно, глядя на неё в упор. Она повернулась к подружкам, хихикнула:

– Мальчик, спасибо, конечно, – промолвила она, – но я как бы уже встречаюсь.

– С ним? – Ремир презрительно кивнул на блондина. – Зачем он тебе? Он тебя не стоит.

– Ты, что ли, стоишь? – засмеялся тот.

– Я бы не стал тебя лапать за... – на миг он смутился и договорил уже тише: – У всех на глазах.

Полина зарумянилась, хотела что-то ответить, но блондин её опередил:

– Чеши отсюда, Маугли, пока мы тебе не ввалили. И ей, кстати, это нравится.

За столом грохнул дружный смех. Ремир развернулся и стремительно вышел из столовой. В висках стучала кровь. Всё тело горело огнём, как будто резко подскочила температура.

Быстрым шагом, едва не срываясь на бег, он пронёсся через всю территорию лагеря, перемахнул через высокую ограду и спустился к Байкалу.

Купаться в озере без присмотра категорически воспрещалось, но за этим не особо следили, ибо желающих занырнуть, в общем-то, и не находилось. Байкал, конечно, чистый, прозрачный, но ледяной, даже в июльский зной.

Ремир, не раздумывая, скинул одежду, кроссовки и влетел в воду, подняв шквал хрустальных брызг. Внутри так пекло, что и холод он почувствовал далеко не сразу, а лишь когда вышел, спотыкаясь, на каменистый берег. Остыл – да, но в мыслях всё равно царил невообразимый хаос. Стоило вспомнить, как блондин тискал её, и вновь закипала злость. И она ведь в самом деле нисколько не возмущалась, сидела там, улыбалась, будто так нормально.

Ремира аж мутило от брезгливости. И вместе с тем ощущал, как внутри клубилось неприятное чувство – стыдное, томительное волнение, отчего горячая кровь сразу прилиwała к щекам. Хоть снова ныряй в Байкал.

Ни на обед, ни на ужин Ремир не ходил, а после отбоя снова подрался с пацанами из своей комнаты. На этот раз к нему задирался не длинный, а другой. Плотный, коренастый Витёк. Да даже и не задирался, а просто прокомментировал сцену за завтраком:

– Эй, смуглый, ты, конечно, отмочил сегодня номер. Мы аж прифигели. Ну ты тоже нашёл, к кому подкатывать! К Польке! На неё пацаны и покруче слюни пускают, и ты вдруг такой шустрый выискался: «Давай встречаться». Ещё и прямо при Назаре!

Ремир молчал. Неприятно было всё это слушать и вспоминать. А Назаром, догадался он, Витёк назвал того блондина.

– Скажи спасибо, что Назар не ввалил тебе, а то мог бы.

– Неизвестно ещё, кто кому ввалил бы, – буркнул Ремир, и все трое захохотали.

– Ты совсем больной? – просмеявшись, продолжил Витёк. – Кто ты, и кто Назар. Чего ты вообще к ней полез, если она с Назаром чпокается? Нафиг ты ей сдался, малолетка? К тому же у Назара бабок – куры не клюют...

Злость, что с утра пульсировала в груди горячим комом, наконец разорвалась. Витёк и охнуть не успел, как Ремир кинулся на него с кулаками, сшиб с ног, замахнулся... но тут подошли Длинный и второй. Схватили за руки, скрутили, еле удерживая, пока Витёк прицельно бил под дых. Ремир отчаянно рвался, выкручивался, вскидывал ноги и угодил-таки Витьку в пах. Затем все кучей завалились на пол. Переплелись, пыхтя, руками-ногами. Потом – на шум, очевидно, – появился вожатый и мигом положил конец этому барахтанью.

На следующий вечер в клубе устраивали дискотеку. Там ещё кто-то пел, специально приглашённый. Какой-то местный рэп-бэнд полуподвального разлива. Ну как пел? Шпарил речитативом да и всё, вместо припева – гитарный запил. Но публика экстатически визжала.

Ремир, пожалуй, единственный во всём лагере, кто не пошёл. Но в комнате тоже не сиделось, и он снова убежал к Байкалу. Купаться уж не полез – это было бы слишком, просто коротал время на берегу, взгромоздившись на огромный валун и подтянув к груди тощие коленки. Думал о всяком, в том числе и о том, почему отец, который учил его буквально всему, начиная от всяких бытовых мелочей и заканчивая тонкостями стратегии переговоров, никогда, ни разу не заикнулся о такой простой и важной вещи, как отношения с противоположным полом. Почему в книгах женщины прекрасны, бескорыстны и чисты, а в жизни бесстыдно кувыркаются в постели с любовником, жаждут денег или вон позволяют тискать себя у всех на виду? К чему тогда вся эта возвышенная чушь про любовь, когда на самом деле всё до тошноты примитивно? И эта Полька... Зачем вот она такая красивая? И что значит – чпокаются? Целуются, что ли?

Вдалеке грохотала музыка, воздух то и дело рассекали пьяные вопли и взрывы хохота. Отчего-то рядом с Байкалом, таким суровым и царственным, эти звуки казались обескураживающе неуместными, всё равно как браниться матом в храме.

Озеро и впрямь казалось живым: оно как будто вздыхало, шелестело, нашёптывало мантры. Чёрная гладь его, осыпанная сверкающими лунными бликами, колыхалась и подрагивала. Байкал завораживал, и в то же время веяло от него колючим холодом. Получаса хватило, чтобы Ремир озяб так, что зубы накладывали стаккато. Нехотя он спрыгнул с валуна, поплёлся в корпус. Уже на территории случайно набрёл на какую-то парочку, залёгшую в кустах. Девчонка пьяно хихикнула, парень грубо цыкнул на него. Да он и сам шарахнулся. И почему-то в корпус не пошёл, а свернул на дорожку, ведущую к складам. Но и там кто-то окопался – Ремир услышал возню и кряхтенье.

«Какая гадость! Они тут все совсем сдурели!».

Он развернулся, и тут сбоку на него кто-то налетел.

– А-у! Смотреть надо... – зашипела какая-то девчонка, но тут же воскликнула: – О! Это же ты, Маугли. Привет-привет. Ты чего тут бродишь?

Ремир, опешив, вытаращился на Полину. Она! В темноте глаза её блестели так, что дух захватывало.

– Просто гуляю, - с трудом выдавил он одеревеневшими губами.

– Понятно... А чего один?

Он пожал плечами.

– Слууушай, а пойдём на дискотеку? Потанцуем, а?

В детстве, когда отец возил его к родне в Элмет*, бабушка учила танцевать шома бас, джигиту, апипу**. Но когда это было! Да и вряд ли «укча-баш»***, притопы и шаги с приседами здесь уместны. Даже ему это понятно.

– Я не умею танцевать, – признался он.

– И медляк? – удивилась она. – Ну ничего, научу. Идём!

Поля взяла его за руку и потянула в сторону клуба. И всё уныние, вся злость в один миг улетучились. И мыслей в голове никаких не осталось, кроме одной: она с ним, рядом! Её пальцы в его руке!

Как по заказу, стоило им войти в переполненный тёмный зал, хаотично рассекаемый ультрафиолетовыми стрелами, и финальные аккорды «Bad Romance» Леди Гаги смолкли, сменявшись мелодичными «Добрыми старыми деньками» К-Маго.

Поля решительно поволокла Ремира в центр зала, вскинула руки ему на плечи, прильнула к уху:

– Руки на талию! Вот так! Теперь переступай с ноги на ногу... медленно...

На талию! Легко сказать! Вроде как-то положил, но сам напрягся, окаменел. А вдруг случайно ниже соскользнёт? Руки эти ещё как не родные стали. Просто-таки деревянные, чёрт бы их побрал.

А какая же она тоненькая, какая тёплая... В теле снова расплзалась тягучая истома, кровь прилиwała к лицу, к вискам.

Они были одного с ней роста и всё время касались щеками. И его бедная щека полыхала огнём.

Лишь одно мешало полнейшему погружению в эйфорию – от Полины пахло алкоголем. Так вот примерно разило от Толика, когда он надует пива. Эти ассоциации портили, конечно, ощущения, но не критично. Всё же тактильные рефлексy мощнее обонятельных.

К-Маго отпел, и Полина расцепила руки. Ремиру до невозможности захотелось, чтобы она снова сомкнула их у него на шее. Он бы вообще так всю ночь простоял. Но та уже спешила к выходу. И он, как привязанный, потрусил за ней.

– Проводи меня до корпуса, – попросила она.

* Элмет (татар.) - Альметьевск, город в республике Татарстан

** шома бас, джигита, апи́па - татарские национальные танцы

*** укча-баш - особое положение рук в татарском народном танце.

Он кивнул и молча пошёл рядом, пожирая её глазами.

– Слушай, а ты всегда так? – нарушила она тишину.

– Как? – не понял он.

– Ну, вот так. Понравилась тебе девушка и сразу подошёл к ней?

– Нет, не всегда. Мне до тебя никто так сильно не нравился.

– Да ну? Сколько ж тебе лет?

– Шестнадцать.

– Честно? – рассмеялась она. – А я думала, тебе тринадцать, ну от силы четырнадцать.

– Потом спокойно добавила: – Мне тоже, кстати, шестнадцать. Ну ладно, до завтра! Ты очень милый, Маугли...

Завтра... До него же целая ночь, ужасно бесконечная. Как вытерпеть? Как дожидаться это манящее завтра?

Ночь зато выдалась весёлая. Длинный то ли перебрал, то ли обкурился, то ли всё вместе, но раз за разом бегал в уборную. Грохотал там чем-то, матерился, протяжно и громко стонал. А то лепетал: «Пацаны, помираю...». И эта свистопляска длилась до самого утра. Даже странно, что вожатый ни разу не наведлся. В общем, не выпались все. Поэтому и завтрак Ремир чуть не проспал. А лучше бы проспал.

Поля прошла мимо него, как мимо пустого места. В первый момент он, конечно, опешил, затем двинул следом. Тронул её за локоть.

– Привет!

Она мазнула рассеянным взглядом.

– А... привет, Маугли, - и отвернулась. А потом к ним подсел блондин, ну или Назар, как его называл Витёк. Облапал её сразу.

– Долматов, чего встал? – ткнул его в бок вожатый. Глаза у вожатого были красные, голова всклокоченная, и дух перегарный за версту. – Иди кашу ешь.

Ремир стрельнул в него взглядом:

– Сам ешь свою кашу, - и вылетел из столовой.

Голову буквально разрывало. Ну это как, а? Почему она такая? Зачем вот это всё вчера: на талию руки мне положи... проводи меня... милый... до завтра?

Опять колотило. Опять хотелось в ледяную воду с головой.

На обед он не пошёл, остался в комнате на пару с приболевшим Длинным. Потому что невыносимо было видеть её с блондинистым пижоном. Руки бы ему оторвать!

– Назар – это имя? – спросил Ремир у Длинного, что распластался на своей кровати и едва подавал признаки жизни.

– А? Что? Назар? – отозвался слабым голосом тот. – Да не... Назаренко он. Даниил. Подай водички, а?

Ремир сунул ему бутылку с Бон Аквой.

– О, спасибо, – Длинный сделал несколько жадных глотков. – А ты что, всё из-за Польки паришься?

Ремир не ответил.

– Забей... Она с ним чуть ли ни со второго дня сосется.

Внутри оборвалось. Она, нежная, тёплая, с блестящими глазами и это скотское слово: сосется.

– Ты-то откуда знаешь, что она с ним... целуется?

– А кто этого не знает? Ну, кроме тебя. Весь лагерь знает. Говорю тебе – забей на неё. Там вообще ничего не светит. Ты это, только не психуй, а то я тебя уже боюсь.

Слова его будто точечные удары поражали в самое сердце. Словно иглы с ядом, которые не убивают, но медленно и верно травят.

Вернулся из столовой Витёк. Похлопал по спине Длинного. Тот так и лежал на животе, свесив безвольной плетью худую руку.

– Как ты? Всё не очухаешься? А зря, на обед сегодня борщ давали, пюре и жареную курицу. И медовое пирожное на десерт, – перечислял Витёк, а сам косился на Ремира.

– Да плевать, - простонал Длинный. – Вообще не говори про еду.

И тут в их комнату постучали.

– Кам ин! – гаркнул Витёк.

Дверь отворилась, и все трое опешили, потому что в их комнату заглянула Полина Горностаева.

– Привет, мальчики, – кокетливо улыбнулась она, потом нашла глазами Ремира: – Можно тебя на минутку?

– Слушай... – начала она, когда оба уединились в холле. – Приходи сегодня сразу после отбоя к складам. Придешь?

– Зачем?

– Ну, просто, на свидание. Или я тебе уже не нравлюсь?

В зелёных глазах искрились смешинки. Но это так, верхний слой, наносной, сиюминутный. А взглядишься – и там, в глубине такое, что дышать забываешь. Утонуть в этих глазах хотелось. Вот уж точно – омуты.

– Я приду, - выдавил Ремир, точно под гипнозом.

– Ну и прекрасно! Значит, встречаемся сразу после отбоя, – многообещающе улыбнулась она.

Ремир вернулся в комнату на негнущихся ногах, сел на кровать, силясь осознать происходящее. Все эти метания от горестного отчаяния до восторга изрядно потрепали ему психику. Так и тронуться недолго.

– Чего она приходила? – любопытствовал Витёк.

– На свидание позвала, – честно ответил Ремир, скорее, от шока, чем от желания похвастаться.

Витёк присвистнул:

– Во дела!

А Длинный, не поднимая головы, протянул:

– Не ходи...

Конечно же, он пошёл. Во-первых, слово дал. Во-вторых, хотелось очень. Ну а слова Длинного про то, чем она там с Назаром занимается со второго дня, вылетели из головы начисто.

Поля уже ждала на месте, когда Ремир подошёл. Стройная, длинноногая, в белом сарафане, на плечи наброшена лёгкая кофта.

В темноте Полина выглядела по-другому, взрослее, загадочнее. И это волновало ещё больше.

– Идём, - позвала она, – у меня есть ключ.

Склады располагались в длинном и приземистом кирпичном здании. За одной из дверей, знал Ремир, хранились личные вещи, сумки там, чемоданы, рюкзаки. Сам сюда сдавал свою сумку по приезду. Крайняя дверь с противоположного конца вроде служила подсобкой, где уборщики, дворники и прочий персонал держали свои причиндалы. Ещё две посередине всегда были заперты, и что там – он понятия не имел. Полина открыла одну из них.

– Заходи!

Осторожно и наощупь, потому что внутри оказалось абсолютно темно, Ремир проскользнул вслед за ней, притворив за собой дверь. Сделал шаг, другой в кромешной мгле и наткнулся на неё, на тёплое дыхание, мягкую грудь, нежные руки. Голова закружилась так, что на ногах еле устоял. Язык прилип к пересохшему нёбу.

– Ну же, – прошептала она, - что ты стоишь, как вкопанный. Иди сюда. Тогда в столовке ты посмелее был.

– А что делать? – выдохнул он.

– Хочешь заняться этим?

– Чем? – не понял он.

– Блин, ты чего так тупишь! Ну этим... Ооо! Переспать со мной хочешь или нет?

Сердце подпрыгнуло вверх и лихорадочно забилось где-то у горла. В помещении было жарко и душно, хотя, скорее всего, ему просто так казалось из-за её близости. В паху скачками росло напряжение. И тут уж он сделать совсем ничего не мог.

Полина коснулась его шеи, опалила.

– Раздевайся, – велела она.

– Как? – просипел он.

– Какой ты трудный...

Все недавние мысли про примитив и высокие чувства вмиг потускнели и стали казаться глупым пафосом. Да вообще в голове мыслей не осталось. Ни единой. Помедлив, он решительно скинул футболку, протянул к ней руки, попытался обнять. Но она ловко увернулась.

– Джинсы тоже снимай.

Он подчинился...

Свет вспыхнул неожиданно. И такой яркий, прямо до рези в глазах. Ремир сначала инстинктивно зажмурился, а уж потом сообразил прикрыть наготу. Помещение оказалось заставленным всякими столами, шкафами, коробками, стульями. И из-за этих столов, шкафов, коробок показались чьи-то головы. Одна, две, пять... Они выползали из щелей и углов, как мыши из сказки Гофмана. И хохотали. Все до единого пялились на него, на голого и покаты-вались со смеху. Девчонки, Назар, его дружки.

В первый момент Ремир ничего не понимал. Они-то здесь откуда? Так бывает – в минуты шока мозг отказывается воспринимать действительность. Вот и у него случился ступор. А потом осознание обрушилось на него со всей чудовищной безжалостностью. Он рванул к выходу.

– Куда ты, Маугли? Веселье ж только началось! – сотрясаясь от хохота, окликнул его Назар.

– Штаны забыл! – бросил ещё кто-то вслед. И снова хохот.

Отбежав на несколько шагов в сторону, Ремир начал судорожно натягивать одежду. Самого трясло, руки ходуном ходили, штанины джинсов спутались и никак не удавалось в них попасть. Он сообразил, что забыл кроссовки. Однако даже помыслить не мог, чтобы за ними вернуться. Так и остался босиком. В корпус не пошёл, снова спустился к Байкалу, уселся на знакомый валун. Его до сих пор колотило, но вовсе не от озноба. Холода он вообще не чувствовал, всё шло изнутри. И эта болезненная лихорадка казалась ему предсмертной агонией собственных чувств.

«Больше никто никогда... никто никогда...», – твердил он, стиснув зубы и сжимая кулаки так яростно, что вскоре занемели руки.

В свою комнату Ремир вернулся лишь под утро, обнаружив у дверей кроссовки. Аккуратненько так стояли на пороге.

«Ну, надо же, какая забота!», – горько усмехнулся он.

Пацаны крепко спали и не ведали даже, что случилось. Ничего, завтра всё узнают, завтра весь лагерь узнает, в этом Ремир ничуть не сомневался.

Измученный, он неожиданно крепко уснул. Сон для него сейчас был просто милостью судьбы, хоть и снилась всякая гадость. А когда проснулся (Длинный его растолкал), реальность предстала во всей своей беспощадной красе, и она была во сто крат гаже любых дурных снов.

– Ты как? – спросил.

– Тебе чего? – зло спросил Ремир, поднимаясь с кровати.

– Ничего. Просто... Ты из-за Польки не пошёл в столовку? Я тебе говорил, не ведись на неё. Как чуял, что подстава будет.

Ремир метнул в него пытливый взгляд, но худое лицо Длинного с россыпью мелких прыщиков выражало лишь озабоченность. Ни насмешки, ни злорадства, ничего более.

– Ты уже всё знаешь? – мрачно спросил он.

– Да все уже знают. И слышали, и видели...

– Что значит – все уже видели?

– Ну, они же тебя сняли на телефон и в контакт фотки выложили. В столовке сейчас только это и обсуждали. Я думал, ты поэтому на завтрак не пошёл.

Ремиру показалось, что в нутро ему плеснули кипятка. Да нет – кислоту! И она с шипением и адской болью выжигает все внутренности.

Дверь распахнулась. В комнату ввалился Витёк, а следом за ним третий пацан. Его имя так и не отложилось.

– О! Герой-любовник... – начал было Витёк, но осёкся, придавленный тяжёлым взглядом Ремира.

– Кончай стебаться, – неожиданно выступил Длинный.

И хорошо, что выступил, потому что Ремир, словно маленький, но неистовый хищник, которого очень опрометчиво раздражили, вот-вот готов был вцепиться в Витьку. Да, собственно, в любого, кто подвернётся. И дело добром бы не кончилось.

– У пацана и так трагедь из-за этой козы.

– А я чо? Я ничо, – мотнул головой Витёк. – Я наоборот. Я поддержать пришёл. Эй, Маугли, да не парься ты так. Было бы из-за чего париться!

– Дебил! – выпалил Ремир и, оттолкнув Витьку, стремительно вышел из комнаты.

На обед он всё-таки пошёл. Не прятаться же по углам, как затравленный зверёк. Хотя именно спрятаться и хотелось, ото всех вообще, чтоб никого из них больше не видеть и не слышать. Но нет уж. Когда это он прятался? Ни за что и никому он не покажет, как ему больно и стыдно. Витёк, конечно, придурок, но, стоит признать, в чём-то он всё же прав. Совсем уж не париться, как он советует, – не получится, это ясно, но во всяком случае показывать свои терзания на радость публике точно не стоит.

Появление Ремира в столовой встретили бурно. Все глаза – на него, все разговоры – про него. А он ничего: уверенно прошёл к дальнему столику, сел, взял ложку, принялся хлебать супчик. Хотя супчик, честно-то, в горло не лез, с силой приходилось глотать.

Девчонки, казалось, все до единой, оглядывались на него, шептались и хихикали. Пусть. Нате, любуйтесь, если заняться нечем. Дуры. Ремир с остервенением вгрызся в котлету. Зал, физиономии эти любопытные и насмешливые он не разглядывал, но и глаза не опускал. Смотрел прямо перед собой. Хладнокровный и непроницаемый, как ассасин. С горем пополам доел всё, даже коржик. Так же невозмутимо встал, двинулся на выход. Почти ушёл, когда его окликнул Назаренко.

– Эй, Маугли! Куда так торопишься? Может, ещё раз стриптиз устроишь? А то девочкам понравилось. За ночь твои фотки кучу просмотров собрали. А сколько лойсов! Сколько перепостов! Ты у нас прям популярен. Звезда стриптиза. Кстати, вон твои труселя, забыл вчера.

Зал грохнул. Ремир посмотрел в ту сторону, куда показывал пальцем Назаренко. На дверной ручке и впрямь висели его боксёры. Жгучая краска стыда залила щеки, кровь стучала в висках. Выдержка трещала по швам вместе с хладнокровием. Ремир развернулся и в три шага очутился перед столиком Назаренко, Полины, кого-то там ещё – их он уже не видел. Взялся обеими руками за царгу и резко дёрнул вверх. Стол перевернулся, тарелки опрокинулись, девчонки завизжали, Назар с дружками, вмиг оказавшиеся на полу, под перевёрнутой столешницей, заорали матом. На шум подбежали вожатые, воспитатели. Заголосили, начали его тыркать, трепать, поволокли к директору. Всё это было уже как в тумане. И вообще как будто не с ним. Отложилось только: «Последнее предупреждение!», трижды прозвучавшее голосом директора.

Ужин прошёл без Ремира. Длинный принёс ему из столовки грушу.

– На вот, а то ещё двинешь кони. Вообще-то ты правильно сделал, что на ужин не пошёл. Там тебя Назар поджидал, отомстить хотел. Ты, знаешь что, завтра в столовку иди после всех...

– Ещё чего, – буркнул Ремир. И грушу не взял. Хотел бы есть, уж сходил бы на ужин. И плевать на Назаренко и всяких там.

Ночь протянул кое-как. Лучше бы опять ересь всякая снилась, чем вот так лежать бревном без сна и думать, думать, думать... И задыхаться от бессильной злобы. Только с рассветом

задремал, как в туман провалился, и потому традиционно проспал завтрак. А заодно какое-то утреннее спортивное мероприятие – не то спартакиаду, не то эстафету. Он и сразу-то не особо вписался в местную общественную жизнь, а теперь тем более отрешивался от любых лишних контактов. Благо вольный распорядок лагеря в целом, и абсолютный пофигизм их вожатого в частности это позволяли. И сейчас, услышав сквозь сон галдёж, лишь натянул одеяло на ухо.

Зато на обед поплёлся пусть без энтузиазма, но вовремя. На него, конечно, ещё пялились, некоторые и подхихикивали, и в сторону его кивали, но уже не так навязчиво, как накануне – за сутки новость заметно утратила актуальность и остроту.

Проглотив обед, Ремир составил тарелки на поднос и направился к окошку сдать посуду. В сторону Полины и Назара намеренно не смотрел, когда проходил мимо, хотя слышал их смешки и приглушённый разговор.

Сильный и резкий удар ногой под зад оказался таким неожиданным, что Ремир потерял равновесие и полетел вперёд вместе с подносом. Белой футболкой – в грязную посуду, лицом – в пол. Стакан разбился, большой осколок глубоко вонзился в скулу. А потом сверху, на голову полилось прохладное и липкое. Компот. Ремир вскочил, но слишком резко, голова закружилась, нога поехала на скользкой луже. Неловко взмахнул руками и снова чуть не упал, но как-то извернулся в последний момент и сел на корточки, правда, насадив ладонь на стёкла. Девчонки ахнули. Разговоры стихли. Хохот оборвался. По лицу, чувствовал он, струилась горячая кровь, под глазом пульсировало.

Ремир повернулся, с ненавистью взглянул на Назаренко. Тот всё ещё сжимал в руке стакан из-под компота, но глумливая улыбка как-то незаметно скисла и больше напоминала испуганную гримасу. Рядом запричитали вожатые, воспитатели, подоспевшие как всегда «вовремя». Кто-то подхватил его под руки, куда-то быстро-быстро повели. Оказалось, в медпункт. Швы накладывать.

Полнотелая фельдшерица сама нервно суетилась, но подбадривала:

– Ничего, ничего, шрамы украшают мужиков. Сейчас кольнём новокаином, и будет не больно.

Будет больно или не будет, Ремира вообще не волновало. Это уж он как-нибудь вытерпит. И на шрам плевать. А вот Назаренко... Назаренко ещё ответит. Ремир стиснул челюсти, скрежетнул зубами.

– Больно, что ли? – удивилась фельдшерица. Он воззрился на неё непонимающим взглядом. – Ну, потерпи немножко. Я уже почти всё.

Уже в комнате осмотрел себя в зеркало. Футболка вся в крови – только выбросить. Под левым глазом широкая дугообразная рана, обработанная зелёной и стянутая нитками. Эти нитки торчали как усики, огромного жука. В косматых и слипшихся чёрных вихрах застряла сухофруктина.

Сволочь! Ремир сжал кулак и еле сдержался, чтоб не садануть по зеркалу. Завтра он этому Назаренко устроит!

На следующий день, прямо с утра, в лагерь неожиданно приехал Максим Астафьев, отцовский протеже.

Всего пять лет назад восемнадцатилетний Макс подрабатывал в затрапезном гаражном автосервисе и не механиком даже, а так, принеси-подай-сгоняй. Отец Ремира заехал к ним с какой-то мелочёвкой: не то шланг подтекал, не то датчик заднего хода барахлил. Передал машину в надёжные руки, а сам расположился в клиентской. Но не усидел, спустился в ремзону и застал такую картину: парень, мальчишка совсем, горячо спорил с мастером, что и как нужно делать. И звучал весьма убедительно. Механик же явно пытался навязать лишнее, ненужное,

а вот истинную поломку проморгал, но никак не хотел признавать свою ошибку. Ведь не по статусу, не по возрасту.

Ильдару Долматову всегда нравились такие вот: честные, сообразительные, бескомпромиссные. Он взял парня к себе в «ЭлТелеком», сперва стажёром – тот ведь ещё и учился на заочном в Политехе, потом монтажником ВОЛС*. Затем перевёл в инженеры-проектировщики. И не прогадал, не пожалел ни разу. Инженер из Макса вышел на редкость толковый, старую гвардию технарей влёт заткнул за пояс. Те долго ходили к отцу Ремира с жалобами и кляузами, ибо где это видано – студент и инженер? А незадолго до своей гибели Илдар назначил Астафьева и вовсе техническим директором. Это уж вообще было вопиюще, некоторые даже уволились в сердцах.

*ВОЛС – волоконно-оптические линии связи

Макс стукнул в дверь разок для приличия и вошёл в комнату. Ремира застал ещё в кровати, тот даже глаза продрать не успел.

– Ну и дисциплинка у вас, – хмыкнул он вместо «здрасьте». – Девятый час, а ты ещё дрыхнешь.

Ремир оторвал голову от подушки, взглянул на Астафьева мутным взором. Проморгался и нахмурился пуще прежнего.

– Чего тебе? – буркнул недовольно.

Макс с первого дня их знакомства вызывал в нём двойственные чувства. Обаяния ему не занимать, это точно. Ну и не дурак далеко, и не скотина – Ремир это понимал. Но делить отца с кем-то посторонним, пусть даже этот кто-то очень славный, было неприятно.

– За тобой приехал, – миролюбиво ответил Максим. – Что с лицом?

– А кто тебя просил? – с вызовом бросил Ремир, хотя сам обрадовался в душе. Осточертел ему уже этот элитный лагерь. Вопрос про порез вообще проигнорировал.

Макс вздохнул, присел рядом на кровать. Заговорил не сразу:

– Слушай, Ремирчик...

– Я тебе не Ремирчик, – зло огрызнулся он.

– Ладно-ладно. Не Ремирчик. Я ведь тебя знаю. Ты ни за что не скажешь, что тут тебе хреново. Но тебе тут хреново.

– С чего ты взял? – скривился Ремир.

– Ну, так думаю, – пожал плечами Макс. – Не твоё это всё. Обеды-завтраки, подъём-отбой по расписанию. Кружки, смотры, дискотеки...

– Тут нет кружков и смотров, – зачем-то поправил Ремир.

– Ну вот и говорю: не дисциплина тут у вас, а бардак. Ну так что, поедem домой? По правде говоря, у меня дело к тебе. Мы же сейчас повально переводим релейки на оптоволокно. Ну и вот. Привлечь к работе тебя хочу, пока ты на каникулах. Всё равно когда-нибудь – надеюсь, скоро, – будешь всем этим заправлять. Ну так что, поможешь? По станциям поездим? А то реально разрываюсь, а тебе полезно. От этих же старых пердунов никакого толку, одна вонь.

Ремир всегда ревновал отца к Астафьеву, хотя вида не показывал. Но сейчас глупо было продолжать злиться. Отца больше нет, и это их с Максом – общая потеря, единая беда. А ещё глупо было бы не поехать из-за давних мелких обид и остаться здесь, изводиться и страдать впустую. Да и помочь хотелось, конечно же. Отцовское дело значило для него много больше, чем просто бизнес. Ну а Даниилу Назаренко он ещё успеет отплатить. Найдёт его и поквитается.

– У меня сумка на складе, тут только рюкзак, - сообщил он с самым серьёзным видом.
– Заберём, - подмигнул Макс и лёгкой, пружинистой походкой двинулся на выход. – Жду тебя в машине за воротами.

Астафьев разогнал джип почти до двухсот. Ремиру стало не по себе. Не то чтобы он боялся скорости, совсем даже нет, просто об отце вдруг вспомнил. Тот и лихачить-то не любил, а всё равно разбился. Правда, пустынный Байкальский тракт по утру – это не горный серпантин туманной ночью.

– Слушай, только тебе придётся пожить у меня какое-то время, – сообщил Макс, не отрывая взгляда от дороги. – Твоя мать с этим по европам катается, а одного тебя неохота оставлять... Ну, ничего, как-нибудь два холостяка уживутся, верно?

Ремир смолчал. У него что, выбор есть?

Макс закинул его к себе и сразу умчался, сослался на важные-преважные дела. Ну, понятно, понедельник... Обещал быть не позже шести, а пока велел осваиваться.

Ремир прежде не бывал у Астафьева и не знал, что можно жить вот так, как тот живёт. Оригинально, конечно, но это, в общем-то, не пойми что, а не квартира. Беленые кирпичные стены, огромные нецветные фото вместо картин. На фотках – голые спины, женские, ну и мужские, кстати, тоже. Фетиш у Макса, что ли, такой – спины?

Первый этаж – зал, кухня, ванная. Зал, конечно, условно. Там хозяин явно и ел, и работал, и чем только не занимался. На полу – гантели, книги, журналы. На столе – лэптоп, тарелки грязные, конфетные обертки, ворох бумаг.

Железная винтовая лестница взмывала на второй этаж лофта, где обнаружилась спальня, ну и закуток вроде гардеробной. Спальня, причём, совершенно пустая, если не считать огромной квадратной кровати без спинок, которая стояла почему-то по диагонали в центре комнаты. Ну и голая спина на стене, куда ж без неё... Ремир снова спустился на первый этаж с кислой миной. Отнёс грязную посуду в раковину, мыть – побрезговал, затем расположился поудобнее с ноутом на диване. Макс ведь не запрещал его брать.

Запустил браузер – стали загружаться последние открытые вкладки. Ремир хмыкнул: как опрометчиво. Сам-то он в своём компьютере не просто настроил браузер стартовать с поисковой страницы, но и, выходя, всенепременно подчищал кэш и куки. С другой стороны, кого Максу опасаться, если он один живёт? Мать и всякие Толики к нему в комп нос не суют. Ну вот зато Ремир сунул. И не специально даже, просто открылось, а он посмотрел. И похолодел. На вконтактной стене красовался никто иной как он сам в одних трусах. Лицо ошалевшее, волосы всклокоченные, взгляд недоумённый куда-то в сторону. А вокруг эти стоят и смеются. Он снова вспомнил это унижение и... ее предательство.

А потом Ремир спонял: Макс ведь это тоже видел. Видел его позор... Ещё и предлог благовидный придумал: помощник ему, видите ли, понадобился. Чувства щадил. А ведь на самом деле из-за этого снимка он и примчался с утра пораньше.

Может, Макс решил, что он с отчаяния в Байкале утопится? Плохо он его знает! Скорее, Ремир сам сволочей этих утопит. Внутри снова пекло от ярости и невыносимого стыда. С яростью проще – и Назаренко, и Горностаева ещё ответят за свою паскудную выходку. А вот со стыдом что делать? Скоро Макс вернётся домой, и как они будут теперь?

Ремир захлопнул крышку ноутбука, напрочь забыв, что хотел посмотреть в сети. С психу скинул со стола кружку, которую не заметил, когда прибирал в зале. Она глухо стукнула о пол и даже не разбилась. И это вдруг окончательно его добило. Таким вдруг беспомощным и

одиноким он себя почувствовал, что обессиленно опустился на пол и затрясся от беззвучного плача.

Астафьев вернулся не в шесть, как обещал, а сильно позже. Готовил по дороге извинительную речь, прикидывая, что лучше, сослаться на работу или сказать правду: со своей девушкой отношения выяснял. Он её просил понять, повременить немного и пока не съезжаться, как оба накануне планировали, ну и проиграл по всем фронтам. Три часа нервного трёпа, и итог печален: остался без девушки, без отношений, зато с психованным подростком на шее. Впрочем, пацан ему всегда нравился. Заносчивый, конечно, сверх меры, ершистый, чуть что – в бутылку лезет, трудно с ним. Но зато нет в пацане изворотливости, приспособленчества и всяких тупых понтов. И голова варит – в этом Макс уже давно убедился. Ну и главное, не мог он отвернуться от Ремира после всего, что сделал для него Ильдар.

Сейчас бы выпить, ну или хотя бы просто поделиться, излить душу. Но не с Ремирчиком же душевные беседы вести. Так что, поразмыслив, Макс решил, что как-нибудь перетерпит, а Ремиру лучше снова соврёт, как бы тяжело ложь ни давалась. Ибо напоминать сейчас пацану про девушек – это как на свежую рану соль.

«Я вернулся!», – зайдя домой, прокричал Астафьев как можно бодрее.

А пацан, как оказалось, крепко спал, раскинувшись пятиконечной звездой на его кровати.

«И хорошо», – обрадовался Макс. Врать он не умел патологически. Правда, самому пришлось сложиться эмбрионом на диване, но что поделать. Не под бочок же к звезде пристраиваться. А проснулся утром, разлепил глаза и аж вздрогнул, наткнувшись на немигающие чёрные глаза. Ремир сидел в кресле напротив и неотрывно буравил его, спящего, взглядом.

– Блин, – охнул Макс, – нельзя же так. Человек со сна не готов к такому стрессу. Я так и зайкой могу остаться.

– Что, пожалел меня? Поэтому примчался? – зло спросил Ремир и чуть прищурился. И это его «пожалел» прозвучало как обвинительный приговор.

– И тебе доброе утро, – усмехнулся Макс, откидывая плед. – Блин, как работать-то теперь? Рук-ног не чувую, шея вообще не поворачивается. Всё затекло.

Макс демонстративно покряхтел, поводит плечами, растёр затылок, выгнулся, понаклонялся влево-вправо. Всё это время Ремир не проронил ни слова, продолжая испепелять его угольным взглядом.

– Ладно, Рем, что за истерика? Ну да, видел я твой портрет. Подумаешь! Я и не такое в жизни видел. Мне правда надо, чтобы ты работал со мной, а не терял время в этом дурацком лагере. И тебе это надо – через два-три года ты можешь возглавить компанию отца и параллельно учиться на заочном, так что вливайся уже сейчас. Я просто подумал сначала, что ты там отдыхаешь, тебе там нравится, вот и стыдно было дёргать. А увидел вот это, – Макс кивнул на ноутбук, – так даже и обрадовался. Решил, что теперь можно со спокойной совестью забрать тебя сюда.

Ремир всё так же молчал, но агрессивной насторожённости в нём заметно поубавилось.

– Ну, чего? Так и будешь истуканом сидеть или перекусим и выдвигаемся?

Уже в машине Астафьев огласил повестку дня:

– Заскочим сперва в офис – через полчаса планёрка, дрюкнем технарей и поедem по объектам: Меget, Саянск, Усть-Кут... Работы у нас неупророт!

Ремир почувствовал, как постепенно отпускает напряжение, в котором он пребывал все последние дни. Да, пожалуй, и недели. Просто потом оно достигло критической точки, и если б ещё чуть-чуть, то последствия могли быть совершенно непредсказуемыми. А сейчас ощущение

ние было такое, словно одно за другим лопались стальные кольца, сжимавшие грудь, и клетки постепенно наполнялись живительным кислородом.

– Спасибо, Макс, – выдавил Ремир, не уточняя, за что именно он благодарит Астафьева.

Глава 3

Глава 3

Наше время

С утра первым делом Ремир не почту проверил, не список задач просмотрел, не документы на подпись взял, а вновь открыл резюме Горностаевой. Вчера он так опешил, что толком его и не разглядел. Хотя там, в принципе, рассматривать было особо и нечего. Всё скупое и неинтересное, даже скучное. Будь это кто другой, Ремир и секунды бы не думал - сразу отбраковал. А тут вчитывался, ещё и мысленно комментировал.

Родилась двадцать второго мая девяносто второго.

«Ровно на полгода старше меня, без трёх дней».

Однако ж он, получается, и не знает о ней ничего. Хотя чего уж, главное-то как раз знает. Адрес... Новоленино...

«У-у, далековато забралась, - удивился Ремир. - Да ещё район - отстой».

Телефон... Электронная почта... Училась в институте экономики, права и управления...

«С чего это она шесть лет училась? Вроде же пять должна. Кажется, сисадмин наш там же учился и в то же время».

Опыт работы...

«Да уж, опыт знатный. Какая-то мутная ОООшка. Кем-кем? Офис-менеджером. Угу. Секретаршей, короче. А точнее - секретуткой. Вот даже несколько неудивительно».

Навыки: английский язык, MS Office...

«И всё? Скромненько. Прямо кладёшь навыков!».

Личные качества...

«Вот это уже интересно. Ну конечно же - обучаемая, стрессоустойчивая, коммуникабельная. Что же ты главного о себе не написала? Распутная, циничная...».

В девять ноль пять, легонько постучав, в кабинет вскользнула Алина, держа перед собой серебряный поднос. На нём дымились чашечка кофе.

- Ваш кофе, Ремир Ильдарович, - нежно проворковала секретарша и поставила поднос на журнальный столик.

Ремир непроизвольно вздрогнул и еле подавил порыв свернуть окно. Тут же мысленно отругал себя: что ещё за глупости? Как будто это так странно, что он читает резюме соискателя. Да это более чем естественно. А всё равно чувство было такое, словно его застали врасплох за чем-то неловким.

Он угрюмо кивнул. Алина вышла и спустя минуту вернулась с бумагами на подпись.

- Положи в лоток, позже просмотрю.

Она зачем-то не ушла, стояла, выжидала. Ремир вопросительно выгнул бровь, мол, что? Но Алина только улыбнулась, совсем слегка не то поклонилась, не то присела и повернулась к дверям.

- Постой, - вдруг в голову ворвалась дурацкая мысль. - Вызови ко мне Жмурова.

- Ко времени или прямо сейчас? - уточнила Алина.

- Сейчас.

Как только дверь за секретаршей затворилась, Ремир досадливо скривился. Вот это зачем сейчас было? Кто его дёрнул за язык вызвать Жмурова? Что вообще с ним такое? В детстве вдруг впал? Слать надо эту Горностаеву ко всем чертям, а не разыгрывать из себя Хитклиффа. Резюме её удалить, всё забыть и жить дальше. Ну, можно помочь себе немного для начала, ладно уж - пропустить по пиву с Максом вечером. И больше не думать уже об этой Польке,

не вспоминать то, что и вспоминать-то не хочется. И вообще, может ведь такое быть, что она по малолетству так дурила, а сейчас...

В дверь постучали, и на пороге возник неуверенно переминающийся с ноги на ногу Жмуров, сисадмин.

- Здравствуйте. Вызывали?

Ну и что теперь сказать? Что у него вдруг случился сиюминутный приступ идиотизма? Ремир вздохнул, молча кивнул на стул. Жмуров обречённо прошёл к столу, сел напротив. Ремир недовольно взглянул на него - чего этот Жмуров трясётся, как овечий хвост? Он его и не дрюкал-то по-настоящему ни разу. И сейчас не собирался.

Он вдруг почувствовал раздражение, хотя не признался даже самому себе, что несчастный сисадмин тут ни при чём. Что бесила его сейчас собственная нерешительность. Всегда ведь твёрдо знал, что и как нужно делать, а тут ни с того ни с сего колебания какие-то, вот и растерялся с непривычки.

- Снеси всё левое на компьютере у Стоянова, - придумал наконец. - Имею в виду игры, фильмы, музыку... И вообще, знать хочу, какие сайты серфит наш коммерческий.

- Я посмотрю по логам, - с готовностью закивал Жмуров, - и отправлю вам отчёт.

- Ну и шикарно, - выдавил кривоватую улыбку Ремир, сисадмин аж заморгал от изумления. - Ступай.

Жмуров подорвался к дверям.

- А ты ведь учился в институте экономики, права и управления? - спросил вдруг Ремир в последний момент, хоть и сам на себя злился. Где выдержка? Где разум?

- Да, на факультете прикладной информатики, - остановился у порога сисадмин, посмотрел насторожённо.

- А случайно не знаешь такую Горностаеву Полину? Она тоже там училась и с тобой в одно время.

- Конечно, знаю, - расслабившись, ожил Жмуров. Даже глаза загорелись.

- Ну и что можешь сказать о ней? - спросил вроде бы невозмутимо, но зачем-то тут же уточнил, будто оправдать свой интерес поспешил: - Резюме её мне тут Супрунова прислала...

Жмуров ухмыльнулся.

- Ну, не знаю...

- Так знаешь или не знаешь?

- Ну... она такая...

- А поконкретнее?

- Ну, как вам сказать... Сам-то я с ней близко не общался. Привет-привет, пока-пока и всё, но как бы наслышан, что она... в общем, то с одним, то с другим, то с обоими. Ну и пьянки-гулянки сплошные, само собой... На учёбе вообще не заморачивалась. Даже не знаю, ходила ли она на пары или всё так ей ставили...

- В смысле - так?

- Ну, она с замдекана мучила. Он её и двигал, вытягивал, как мог. Потом про их отношения каким-то образом все узнали, в том числе и жена замдекана. Скандал был, ужас... Его сняли. Полинка тоже куда-то пропала как раз после четвёртого курса. Так что я даже не знаю, доучилась ли она...

- Ясно, ступай, - мрачно сказал Ремир.

То с одним, то с другим, то с обоими?! Это вообще как?! Ещё и замдекана до кучи?! Да она ударница прямо! Внутри закопошилось гадливое чувство, тошнотворной волной поднялось к самому горлу. С чего-то вдруг казалось, будто и он запачкан в этой грязи уже только потому, что когда-то был в неё влюблён. Хотя нет, себе-то зачем врать? Не совсем поэтому. А потому что тогда, восемь лет назад, был момент, когда ему самому хотелось не просто запачкаться, а наплевать на всё и нырнуть в эту грязь с головой. А то, что не нырнул - так не его

заслуга. Обстоятельства так сложились... Стоп-стоп-стоп, про обстоятельства лучше не надо. Но было уже поздно. И приступ глухой ярости не заставил себя ждать.

Ближе к обеду Ремир наведлся в кадры. Обыкновенно он так не делал - есть секретарша: если надо было кому-то вставить пистоны, она и вызывала несчастного к шефу. Если не очень жгло, мог и по телефону донести своё мнение. Но тут вдруг напал злой азарт. Знал ведь, что своим визитом переполошит не только кадровичек, но и всех по соседству: бухгалтерию, юристов, планово-экономический. И пусть. И хорошо. Не помешает подстегнуть им синапсы да нервы пощекотать. А Супрунова так сама напросилась - она ж ему прислала этот «сюрприз» и испортила вчерашний вечер. И утро, между прочим, сегодняшнее тоже испортила.

Открывал двери он всегда одинаково: резко и полностью нараспашку. Девочки-кадровички вздрогнули все как одна, округлили глаза, вытянулись.

- Где? - прогремел он, кивнув на пустой, отдельно стоящий в дальнем конце кабинета стол. Заодно отметил про себя, что две девочки сидели, работали, зарывшись в свои необъятные кипы бумаг. А вот третьей не повезло. Она держала в руках кружку с дымящимся чаем и пыталась что-то спешно прожевать и проглотить.

- Вышла, - промолвили девочки, не сводя с него испуганных глаз.

- Обнаглела эта Супрунова! Как ни придёшь, она по коридорам шатается.

Обе труженицы сразу залепетали какие-то оправдания для своей начальницы, но он уже развернулся к третьей, пригвоздив её взглядом.

- А я гляжу, вы тут все обнаглели! Завтракаем или уже обедаем? А ты ничего не перепутала? Ты на работе или ты дома на кухне? Или оголодала, что аж невтерпёж?

Она затрясла головой, еле слышно выдавив:

- Извините.

- Ну давай, ешь дальше, чего застеснялась?

Она сидела, низко опустив голову, и не шевелилась.

- Ешь, раз такая голодная!

Она принялась безропотно поедать батон с сыром, давась, глотая слёзы, пока Ремир, сложив руки на груди, взирал на неё сверху вниз с нескрываемым презрением.

- Что... - раздалось за спиной короткое, весёлое, но сразу оборвалось.

- Супрунова! - развернулся к ней Ремир и хищно улыбнулся. - На ловца и зверь! Тебя где носит?

- Я в... - она сглотнула, - в коммерческий я ходила. П-по поводу должностной инструкции.

- А что с должностной? - спокойно, словно играя, поинтересовался он.

- Ну... там кое-какие функции не прописаны, - засеменила она поскорее на своё место, словно пытаясь укрыться от него хотя бы за такой хлипкой преградой. - Я сказала Штейн, чтоб прописала.

- Вот как, - он следом вальяжно прошёл к её столу, небрежно сдвинул папки в сторону, уселся полубоком на столешницу, ещё и к ней наклонился. Она оцепенела. - А по телефону или по электронке то же самое никак нельзя было сделать? Обязательно разгуливать в рабочее время?

Супрунова не вынесла его взгляд, отвела глаза в сторону. Шея, щёки женщины пошли пунцовыми пятнами.

- Тебе ещё повезло, Супрунова, что вчера в той свалке, что ты мне скинула, я всё-таки выбрал кое-кого. Так что живи пока, и завтра к десяти утра пригласишь ко мне на собеседование вот этих кандидатов. Ясно?

Он сунул ей под нос листок из блокнота с десятком фамилий.

- Да, Ремир Ильдарович, - кивнула Супрунова.

Он плавно соскользнул со стола и направился к двери. По пути холодно бросил той, что с бутербродами:

- Наелась? Отлично. Обе, вместе с Супруновой, остаётесь без обеда. Чтоб впредь не тратили рабочее время на всякую ерунду. Ну и просто запомни для себя, что есть за рабочим столом - это свинство.

Возле кабинета его уже поджидал Макс.

- Рем, я по поводу инвестиционного проекта. Внёс тут кое-какие правки, взгляни.

Ремир невесело кивнул, хотя в голову ничего толком не лезло. Астафьев взглянул повнимательнее:

- Где на этот раз шороху навёл? - усмехнулся он.

- В кадрах.

- Опять не тех кандидатов подогнала?

Ремир промолчал. Макс, проходя следом в его кабинет, заметил:

- Честно говоря, я вообще не понимаю, почему ты Супрунову до сих пор держишь. Тётка ведь явно спивается. У тебя к ней что, особое отношение?

- У меня ко всем особое отношение. Тебе ли не знать?

- Блин, ну её-то ты уже ловил выпившей на работе. А как она себя на корпоративах ведёт? А сколько раз она с бодуна приходила?

- Ну приходила же и даже не опаздывала. Про корпоративы лучше помолчим. Я там тоже не светские манеры демонстрирую. Ну а пьяная она была в свой день рождения.

- И что? Это как-то оправдывает пьянство на работе? Слесаря ты тогда выгнал сразу, а у него жена родила. Тоже повод веский.

- Этот слесарь, чтоб ты знал, - взвился Ремир, - сидел в своей каптёрке днями напролёт, чайк попивал и не чесался. А Супрунова, с какого бы похмелья ни была, с документами работает как никто. Захочешь - не придерёшься. За все годы ни одного косяка. Ты, например, в курсе, что она единственная, кто прошёл аудит без единого замечания? И если надо - работает она без выходных и проходных. И приплаты за переработку, заметь, не требует. А твои непьющие технари? Напомнить результаты последней проверки? Сколько там неучтённого оборудования болталось на наших вышках?

- Ладно-ладно, - примирительно сказал Макс, даже улыбнулся, однако было заметно, что последнее замечание сильно его уязвило.

- Да, у меня особое отношение к тем, кто умеет работать, - уже спокойно добавил Ремир. - К тем, кто может чем-то удивить. Опять же - тебе ли не знать?

Вообще, хорошо, что они немного поспорили. Он хотя бы отвлёкся от навязчивых мыслей и после смог включиться в проект. Проговорив все спорные моменты, они разошлись почти довольные друг другом. Только вот потом снова накатило. Завтра в десять она придёт сюда. Конечно, ему хотелось её увидеть. В том смысле, что было интересно, какой она стала. Хотя, судя по фото, не очень она и изменилась. Повзрослела только.

А вдруг она его узнает? Это, конечно, сомнительно. Во-первых, тогда, в лагере, он не особо её впечатлил, надо понимать. А во-вторых, он-то как раз изменился практически до неузнаваемости. Был ведь тогда ещё шкет совсем, мелкий, худосочный... Да если и узнает - разве не плевать? Он же не собирается разрабатывать тут многоходовой план мести. Так, просто щёлкнет её по носу разок, собьёт спесь и всё, чтоб знала, что не всё в этом мире решается через постель и отнюдь не всегда в дамках те, кто умеет задом крутить. Поэтому после завтрашнего собеседования он возьмёт троих с испытательным сроком - двух достойных и её, а по истечению оставит только двоих. Вакансии же две. Так что одного, непригодного, придётся

выгнать вон. Точнее, одну, непригодную. Так он и поступит. И затем закроет для себя этот вопрос навсегда.

И всё же внутри трепетало волнение, хоть Ремир и пытался отвлечься делами, бумажками, встречами, разговорами. Потом сдался: признал - ну да, не по себе, волнуется. А собственно, что такого? Первая любовь всё же, какой бы она там ни была. Так что всё это нормально. И ничего такого уж это не значит. А вот как она, интересно, будет завтра держаться на собеседовании? Если Горностаева всё такая же, какой он её знает, то наверняка ударится во флирт. Явится при полном параде: шпильки, мини-юбка, декольте, что там ещё есть в женском арсенале? Глазки, наверняка, будет строить. Такие, как она, только это ведь и могут делать, и в силу своей недалёкости всерьёз считают, что любой, кто в штанах, непременно купится на эти дешёвые уловки.

«Ну что ж, если оно так и будет, посмотрим этот спектакль и позабудемся, - хмыкнул Ремир. - Правда, потом актрису будет ждать сюрприз. Но она ведь и сама, помнится, большая любительница сюрпризов. Так что должна оценить».

Впрочем, даже если Горностаева будет вдруг вести себя серьёзно и благопристойно, сути это всё равно не изменит.

Глава 4

Глава 4

Тишину пронзил «Amors Meteors». Полина встревоженно вскочила (и когда успела задремать?), метнулась к сумке, выудила телефон. На дисплее отображался незнакомый номер. Сердце замерло. Вдруг это из больницы звонят? Вдруг с Сашей опять плохо?

Рука задрожала, и телефон чуть не выпал. Полина приняла вызов и, затаив дыхание, вымолвила:

- Да...

- Полина Андреевна?

Голос на том конце звучал бодренько, совсем не по-больничному, и страх начал понемногу отпускать - оттуда так не звонят.

- Да, это я, - подтвердила Полина.

- Это компания «ЭлТелеком». Мы рассмотрели ваше резюме и хотим пригласить вас на собеседование завтра к десяти утра.

- О, - выдохнула Полина, ушам своим не веря. Снова разволновалась, но теперь по-хорошему. - Спасибо!

- Вы придёте, правильно понимаю? - уточнили на том конце.

- Конечно!

- В таком случае, ждём вас к десяти. Собеседование будет проводить сам директор, поэтому мой вам совет - не опаздывайте. И не забудьте взять с собой документ, удостоверяющий личность. Всего доброго.

Полина опустила в кресло. Выдохнула. Неужели это правда? Последние четыре месяца, после того, как её с треском вышибли с работы, она только и делала, что рассылала резюме веером по всем hr-сайтам, агентствам и более или менее подходящим вакансиям. Сначала ещё перебирала - чтобы и зарплата была не совсем копейки, и желательно полный соцпакет, и ни у чёрта на рогах. Ну и, естественно, чтоб в «Антиджоб» не полоскали. Постепенно планка снижалась, список критериев редел, а теперь, когда состояние Саши резко ухудшилось, Полина и вовсе готова была взяться практически за любую работу. Но не звали. Никуда не звали. Резюме как в пропасть отправляла, с концами и безответно.

Иногда она пыталась проявить инициативу, звонила, выпрашивала, пыталась пробиться. Но результат хоть так, хоть этак был один: ну-ле-вой. Даже диспетчеры в службу такси или в ресторан доставки требовались с опытом работы. Единственный отклик она получила от фирмы, где ей сразу же предложили выкупить чудо-лекарство от всех болезней на пятьдесят тысяч рублей, а затем продавать хоть в сто раз дороже. Обещали, что озолотится. Но ума хватило не ввязаться в эту авантюру и поскорее унести ноги. Да и когда это она держала в руках пятьдесят тысяч?

В «ЭлТелеком» резюме она, вообще-то, и не отправляла. Даже когда ещё «перебирала», понимала - не её это уровень. С тем же успехом можно было замахнуться на работу в «Иркутск-энерго», «ВСЖД» или в «Сибнефтегаз». Пути к этим титанам были открыты лишь для избранных. А она кто? Вчерашняя выпускница-заочница средненького, и это если с натяжкой, вуза, ну а про трудовой опыт вообще лучше скромно промолчать. За десять месяцев работы она только и делала, что распечатывала, копировала и подносила кофе, стараясь не обращать внимания на домогательства директора, пожилого, толстого и женатого, пока тот совсем не обнаглел. Получив коленкой в пах, он обматерил её и уволил. С тех пор вот и длится эта эпопея с поиском работы. И если бы не родительская квартира в самом центре, которую Полина сдавала, перебравшись на окраину в тесную двушку сестры, то жить совсем было бы не на что. А главное - не на что было бы покупать лекарства для маленькой Саши.

И вот теперь этот звонок, как чудо долгожданное. Наверное, её резюме им переслало какое-нибудь hr-агентство. Да это и без разницы, главное, что позвали! Хотя рано радоваться, одёрнула себя Полина. Пригласили на собеседование - это ещё не значит, что возьмут на работу. Вдруг они её с кем-то перепутали? Хотя нет, назвали ведь по имени и отчеству. Чёрт, она даже не поинтересовалась, что за вакансии. Впрочем, не всё ли равно? Главная задача теперь - произвести на них впечатление. В лепёшку расшибиться, но понравиться им. Потому что ей эта работа нужна как воздух.

«О! Хоть бы директором оказался мужчина!», - мысленно возжелала она.

С женщинами сложно. Они непредсказуемы и часто непонятны. И никогда точно не знаешь, что у них на самом деле на уме. Женщина может вполне мило улыбаться и думать про тебя чёрт-те что. Полина и сама такая. А по мужчинам всё видно сразу - они просты и бесхитростны. Ну, во всяком случае, большинство. И потом, женщины её недолюбливали, это она давно уяснила. У неё даже подруг настоящих не было. Зато как понравиться мужчинам, она знала на уровне интуиции.

«Что ж я парюсь? В интернете ведь наверняка есть вся инфа», - сообразила Полина.

Есть-есть - гугл сразу вывалил много тысяч ссылок, в том числе и на корпоративный сайт.

«Генеральный директор Долматов Ремир Ильдарович, - с облегчением прочла Полина. - Не русский, что ли? А, впрочем, не всё ли равно? Мужчина есть мужчина...».

Фотографии его на сайте организации не нашлось, зато на прочих ресурсах - сколько угодно, во всевозможных ракурсах и локациях: в анфас, в профиль, полубоком; толкает речь, молчит, хмурится; в поле среди рабочих, на заседании среди пиджачков, в ресторане со спутницей модельной внешности.

«Красив, - отчего-то с грустью подумалось ей. - Ведь наверняка женат, таких разбирают влёт. Возможно, вот на этой кукле и женат».

В душе проснулась уже знакомая горечь. Так всегда бывало, когда Полина наблюдала чужое счастье, когда видела таких вот красивых, успешных и безумно притягательных. И она вполне могла бы оказаться рядом с ним. То есть не именно с ним, конечно, это был просто собирательный образ. Визуальное воплощение девичьей мечты - встретить настоящую любовь, благополучно устроиться и жить долго и счастливо, беды не зная. Еще три года назад она твёрдо верила, что так всё и будет. А получилось что: перебивается какими-то случайными заработками, тянет одна тяжело больного ребёнка и, главное, не видит никакого просвета.

Впрочем, предложи ей кто все богатства мира и жениха-красавца в придачу, она, не колеблясь, выбрала бы свою Сашку. Вот только думать про неё было страшно. Особенно после вчерашней ночи, когда она вдруг стала задыхаться. И как она сейчас там, одна? В реанимацию Полину не пустили. До утра она проторчала под дверью, изнемогая от страха. Утром разрешили посмотреть на ребёнка через стекло, успокоили, что кризис миновал и прогнали домой. «Позже приходи», - сказали.

Повезло, что из «ЭлТелекома» позвонили именно сейчас, а не когда она в больнице. Там Полина телефон отключала.

Оторвав взгляд от сладкой парочки на экране монитора, Полина критично оглядела себя. На голове - что попало, ногти - убожество, лицо бледное, даже землистое, под глазами тёмные круги - в общем, без слёз не взглянешь. Нет, в таком виде идти на завтрашнее собеседование никак нельзя!

Она выгребла все деньги из кошелька, пересчитала. Половину сразу отложила - это на антикоагулянты для Сашки. Остальное, увы, придётся спустить. Сразу после больницы, после разговора с врачом - бегом в салон! Маникюр, причёска - это обязательно. И, может быть, автозагар? А то ведь никакой консилер, никакие румяна не помогут. А выглядеть надо ярко, красиво, соблазнительно, иначе как ещё произвести впечатление на этого эмира?

- Сейчас она стабильна, - Яков Соломонович, заведующий отделением детской кардиохирургии, старался не смотреть на Полину. Это раздражало. А ещё больше раздражало, что он упорно называл Сашку «она», ну или на худой конец - ребёнок. Чувствовалась в этом какая-то намеренная отстранённость, нежелание впускать чужое горе в свою душу. И можно его понять, конечно, можно - с такой-то работой на всех души не хватит. Но когда это касается твоего родного человечка, маленькой девочки, видеть такое отношение невыносимо. Так и хочется одёрнуть этого старика, заставить смотреть в глаза, называть Сашу по имени. И достучаться наконец до его очерстевшего сердца. Но ведь понятно - так она сделает только хуже. Сейчас её хотя бы ненадолго пускают в палату интенсивной терапии. А взбрыкнёшь, скажут - истеричка. Ребёнку это во вред.

- Однако положение критическое, - безжалостно продолжал Яков Соломонович. - Ребёнок растёт, и риск кислородного голодания мозга очень высок. И такие вот приступы будут случаться всё чаще... Не хочу вас пугать, но последствия могут быть очень тяжёлыми. Поэтому ещё раз повторяю - нельзя тянуть с операцией. Чем раньше ребёнка прооперируют, тем легче будет проходить восстановительный период и тем больше шансов у неё на нормальную жизнь впоследствии. И потом, она же мучается...

Полина, как ни крепилась, как ни уговаривала себя держаться, коротко всхлипнула. Представила Сашку, такую крохотную, на непомерно высокой кровати, с кучей трубок, проводов, датчиков: пульс, давление, сатурация**... Тонюсенькие ручки все исколоты. Катетер в подключичной вене. Личико совсем белое, веки подрагивают, тонкие, почти прозрачные. Из носика-пуговки тянется зонд - иначе не ест.

Полина стиснула челюсти, но слёзы полились сами собой. Старик бросил на неё быстрый взгляд и вообще к окну отвернулся.

- С нашей стороны мы, конечно, делаем всё необходимое. Проводим поддерживающую терапию, но это не может продолжаться долго. В общем, необходима операция и срочно. Вам ещё повезло - операцию Росса*** теперь делают и у нас. Причём успешно. Тогда как ещё недавно с таким пороком оперировали только за рубежом, в Германии, в США, в Израиле. А это, знаете ли, в разы дороже.

- Я всё понимаю, - глухо промолвила Полина. - Но у меня нет таких денег и взять просто нигде. Квоты сократили...

- Ну есть же ещё благотворительные фонды, в конце концов. Сейчас это дело хорошо поставлено. Обратитесь туда!

- Обращалась. Мне отказали. Саше уже делали операцию год назад на собранные средства. Там можно, - Полина сглотнула вставший в горле ком, - обращаться за помощью не чаще... одного раза в два-три года... И потом это долго...

* Антикоагулянты - лекарственные препараты, угнетающие свёртываемость крови

** Сатурация - % концентрации кислорода в крови

*** Операция Росса - операция по замене аортального клапана лёгочным, вживляемым в аорту.

Яков Соломонович покивал, тяжело вздохнул и наконец посмотрел ей в глаза. И этот взгляд показался красноречивее любых слов. Будто крест поставил.

Ну уж нет! Полина вздёрнула подбородок, взглянула строго:

- Сколько у меня есть времени? И какую точную сумму нужно собрать?

- Чем раньше, тем лучше, - заюлил Яков Соломонович. - А операция вместе с восстановительным лечением обойдётся примерно в восемьсот-восемьсот пятьдесят тысяч рублей.

В-общем, без малого лимон вынь и положи. И поскорее.

После разговора с заведующим стало совсем муторно, но идти с кислой миной к Сашке нельзя. Её надо всячески радовать и приободрять. Полина вдохнула глубоко, выдохнула, ещё раз и ещё - тяжёлый ком никуда не делся. Ну, ничего, как-нибудь она вытерпит несколько драгоценных минут - дольше сидеть с Сашкой почему-то не разрешали, изверги.

Нацепив счастливую улыбку, она шагнула в палату, одной рукой шаря в безразмерной сумке в поисках плюшевого зайца.

- Сашуль, привет, - прошептала Полина. Воровато оглянувшись, достала игрушку. - Вот, Крош пришёл с тобой поздороваться. Скушает по тебе.

Мягкие игрушки приносить в палату интенсивной терапии запрещали. А у Сашки этот дурацкий заяц - как назло, любимчик. Вот они и договорились, что Крош будет тайком её навещать, чтобы тётки-врачи его не забрали.

После больницы настроение всегда было одинаковое: или напиться, или удузиться. И ведь ни то, ни другое нельзя. Но сегодня хотя бы имелась цель - сходить в салон, привести себя в божеский вид, потом заехать в торговый центр, уповая, что в каком-нибудь из бутиков будет распродажа. Ибо за последнее время Полина похудела так, что всё болталось на ней, как на вешалке. Можно, конечно, что-то там попытаться ушить - от сестры остался «Зингер». Только когда? Да и уверенности нет, что получится. Швея из неё ещё та.

Полина всегда ходила в один и тот же салон, когда ходила. То есть три года назад. Всех мастеров знала поимённо, а они в свою очередь с неё, как с постоянного клиента, буквально пылинки сдували. И хотя она понимала умом, что их радушие всего лишь одна из обязанностей, расслаблялась там душой и телом. Но тут выяснилось, что половина из прежних девушек ушли кто куда, а оставшиеся её бессовестно не помнили. И этот момент словно ещё раз подчеркнул - та, другая жизнь, беззаботная и лёгкая, и та, другая Полина, весёлая и счастливая, канули в лету. Собственно, она и так это чётко осознавала, но хотелось на часок-другой забыться, уйти от проблем и как будто снова вернуться в прошлое. Не вышло. Впрочем, забыться всё равно не получилось бы. Потому что в голове беспрерывно стучало: где взять деньги?

Квартиру родителей продать? Но получится ли быстро? Это ж такая тягомотина. Плюс кризис. Кто-нибудь вообще сейчас квартиры покупает? Может, взять тогда кредит в банке под недвижимость? Хотя вряд ли дадут. Залог залогом, но их же ещё и ежемесячные доходы сильно интересуют. Или не сильно? Всё-таки квартира стоит в пять раз дороже... И если завтрашнее собеседование пройдёт успешно, то она сможет гасить кредит из зарплаты. И уж как-нибудь выкрутится.

«О-о, хотя бы меня взяли!», - молилась она каким ни на есть богам.

Мысли роились, путались, метались, она даже не заметила, когда ей сделали маникюр, когда оформили брови. Безучастно сидела в кресле, как неживая, устремив рассеянный взор в экран огромной плазмы на стене.

Затем её внимание совершенно безотчётно за что-то зацепилось. Она даже не сразу сообразила, за что именно. Просто внутри вдруг трепыхнулось странное чувство и засвербело. Полина стряхнула оцепенение, словно очнулась ото сна, и увидела на экране знакомую, хоть и подзабытую уже физиономию.

Ну конечно, это ж Даниил Назаренко. Первая любовь, между прочим. Такой же лощённый, сытый, самодовольный, только слегка раздался вширь. И стрижется теперь коротко-коротко, чтобы наметившиеся залысины не бросались в глаза.

Назар с энтузиазмом распространялся про какие-то Богом забытые улусы на северном побережье Байкала, где до последнего времени не было ни связи, ни интернета, пока не пришла молодая, но передовая компания «СармаТелеком» и не принесла с собой блага современной

коммуникации. Текст внизу сообщал, что он и есть директор этой молодой и передовой компании.

Полина досадливо поморщилась: и этот взлетел. Хотя это предсказуемо с его-то папой. А не занять ли денег у Назаренко? По старой памяти. Она ведь тоже у него тогда была первой, он сам сказал, а первые не забываются. Первые остаются первыми на всю жизнь.

Глава 5

Глава 5

С утра Ремир вместе с Астафьевым ездил на важную встречу с Кравчуком, директором авиазавода. Обсуждали будущее сотрудничество.

Кравчук, грузный, в годах, стремительно лысеющий, поначалу сильно настаивал на переговорах в неформальной обстановке.

- Если уж не в сауне, то хотя бы в хорошем ресторане. Под коньячок, под хорошую закуску, а? - зазывал Кравчук.

- Нет, - качнул головой Ремир. - Я не ем во время работы и не работаю во время еды.

- Ой, ну что вы в самом деле! Откуда такие церемонии? Это же обычная практика, все так делают.

Ремир молчал - зачем повторяться? Его действительно напрягала эта манера, возведённая практически в традицию. Он любил вкусно поесть, ни на что не отвлекаясь, иначе какое удовольствие? И дела решать привык сосредоточенно и вдумчиво, на ходу прикидывая в уме возможные варианты, просчитывая риски и выгоду. А о какой сосредоточенности может идти речь, когда, скажем, жуёшь мясо? Или того хуже - рядом выются полуголые проститутки? Вот тоже модное веяние. Ну и на коньячок и прочее подобное он давно наложил для себя табу, когда дело касалось работы. Ибо знал - стоит ему выпить, как он сразу плыл, терял цепкость и твёрдость, да и вообще терял интерес к рабочим вопросам, и влекло его совсем в другую степь. Совсем в другую.

Кравчук разочарованно вздохнул, но уступил. Вызвал по селектору главного инженера. Тот не замедлил явиться с ворохом выкладок, что им нужно и в каких объёмах. Генеральный в обсуждениях не участвовал, просто благоразумно помалкивал, отдав всё на откуп инженеру.

- Техническая возможность есть, - выслушав, кивнул Астафьев, - прокинем последнюю милю от ближайшего узла доступа. Качество связи и интернета, думаю, обсуждать излишне - у нас собственная широкополосная магистраль, а не арендованный у кого-то там канал, так что сами понимаете... Только надо определиться с локальной топологией*.

- А вы бы что предложили?

- У вас Ethernet**, в вашем случае, - не отрывая взгляд от схем, произнёс Ремир, - лучше всего применить тип «звезда»***. Главный недостаток: большой расход кабеля, ну и чисто гипотетически есть риск отказа централизованного узла. Но зато если полетит любой периферийный узел, остальные будут работать без проблем. Тогда как при топологии «шина» или «кольцо», сами знаете, обрыв кабеля в одном месте полностью остановит работу всей сети. Ну и помимо прочего, наше оборудование позволит мониторить всю сеть целиком и каждый порт в отдельности, это раз. Бесперывно отслеживать передачу данных, это два. И в-третьих, автоматически записывать все переданные пакеты данных.

- О! Супер! - воодушевился инженер и оглянулся на заскучавшего Кравчука, как бы приглашая оценить перспективы и порадоваться.

Кравчук покивал-покивал, потом тоже решил включиться в беседу:

- Значит, как я понял, с технической стороны у нас всё в ажуре. Но тут ещё вот какая заковыка есть. Часть наших акций ведь принадлежат государству, а значит, как вы знаете, мы просто обязаны объявить тендер на заключение годового контракта. Однако я уверен, что тендер в любом случае выиграет ваша компания, потому что нашим техническим требованиям отвечаете только вы и «Ростелеком», но у них тарифы на порядок выше. А по закону, при прочих равных заказ отдается тому, у кого ниже цена. В общем, тендер этот - всего лишь дополнительная морока. Бюрократия, чтоб её. Но куда деваться? Таков закон, увы.

- Какой разговор, - равнодушно пожал плечами Ремир, - мы как раз недавно выиграли два тендера. Так что подавайте заявку, ну а мы подготовим документы.

- Вот и отлично! - разулыбался Кравчук. - Может, всё-таки по чуть-чуть...?

Ремир мотнул головой.

- В другой раз, а сейчас нам пора.

* топология сети - схема расположения и соединения сетевых устройств;

** Ethernet - технология передачи данных;

*** тип "звезда" - схема расположения, когда все периферийные устройства присоединены к одному центральному устройству.

- Выпить ему, что ли, не с кем? - хмыкнул Ремир уже в машине.

- Ничего ты не понимаешь, - улыбнулся Астафьев. - Он просто привык решать дела только так. Переговоры и выпивка связаны между собой у него уже на подкорке. И тут вдруг переговоры прошли, а рюмахой не закинулся. Мозг в ступоре. Когнитивный диссонанс... Ну а что, Рем? Может, и впрямь вечером расслабимся? Вискарик, девочки? Тем более повод такой - этот авиазавод я два месяца окучивал. И наконец дело сдвинулось.

- Насчёт вискарика посмотрим. А вот насчёт авиазавода я бы так не радовался. Много-миллионный контракт, знаешь ли, - это слишком лакомый кусок. Чую, за него бойня будет. Тендер ещё этот ...

- Но Кравчук ведь сказал, что только мы и Ростелеком по тех.параметрам подходим, а цены у них реально выше. Значит, тендер будет наш.

- Да не факт, Макс. Ростелеком контора, конечно, неповоротливая, но для такого клиента могут и снизить цену. Особенно если узнают, что и мы в игре. Ну и других операторов тоже не стоит сбрасывать со счетов. Откуда этот инженер знает, у кого какие возможности, когда даже мы не знаем этого наверняка? Какая-нибудь мелочёвка вполне может арендовать канал и демпить цены в расчёте добрать потом объёмами. Так что с этим тендером, как ни крути, мы реально рискуем пролететь.

- На мосту пробка, - сообщил водитель.

Ремир выругался и взглянул на часы. Без четверти десять.

- У тебя что-то важное? - поинтересовался Астафьев.

- Собеседование, - нахмурившись, коротко бросил Ремир.

Со вчерашнего вечера сосало под ложечкой из-за этого дурацкого собеседования. Главным образом, не давала покоя мысль, что на ерунду какую-то повёлся. А теперь самому скверно - припомнил вчера какие-то давно забытые обиды и возомнил себя со злости виджиланте. Будто заняться ему больше нечем. Как глупо, аж тошно. Звёздные войны в детской песочнице.

И потом, кем бы она ни была и кем бы она ни стала - ну разве не всё равно? Думал утром попросить Супрунову, чтобы перезвонила Горностаевой и отменила собеседование, но из-за встречи с Кравчуком закрутился и совершенно забыл. А теперь уже поздно.

- Ну и подумай, - неправильно истолковал его сумрачный вид Астафьев. - Да подождут, куда денутся. И вообще, с чего это ты вдруг такой шепетильный? Не припомню, чтоб тебя прежде волновало, что кто-то там ждёт...

- Ты думаешь, - неожиданно вспыхнув, Ремир развернулся к Максиму и вперился в него чёрным взглядом, - меня заботит горстка соискателей, которые сидят в приёмной и ждут, когда ж я их отсобеседую? Плевать я хотел на них. Меня совсем другое беспокоит...

- Авиазавод? - сменил тон Макс.

- Да, - соврал Ремир и отвернулся к окну. Авиазавод его, конечно, тоже беспокоил, но не настолько, как грядущая встреча с ней. И это выводило из себя. Сколько себя ни переучи-

вай, сколько ни внушай, что эмоции надо давить и действовать, только опираясь на холодный расчёт, всё впустую. Хоть тресни, а личное для него всегда почему-то играет первостепенную роль, всегда.

Чёртова пробка! Сколько тут ещё ползти? И времени жалко прямо до бешенства.

В офис они вернулись около одиннадцати. Злой как чёрт, Ремир стремительно прошагал через всю приёмную в свой кабинет, проигнорировав секретаршу, которая попыталась что-то ему сказать. Следом за ним прошёл Астафьев.

- Ну и что, Рем? Какие у нас сейчас будут дальнейшие действия? Просто сидим и ждём результатов тендера?

- Ещё чего! Подключай давай своих технарей, пусть совместно с маркетингом пробивают всех операторов и провайдеров - надо выяснить, у кого какие есть технические возможности. Оттуда и будем плясать.

- Окей, шеф, - улыбнулся Макс и отправился к себе.

Ремир опустил в кресло. Попытался взять себя в руки. Тщетно. Всё как-то разом навалилось и выбило его из колеи - неожиданный этот тендер, часовая пробка и, главное, собственная глупость, которая с каждой минутой казалась всё более постыдной. Только теперь-то что делать? Не гнать же Горностаеву прочь.

А она пришла... Он вроде и не видел её толком, не смотрел даже, но тотчас почувствовал - она там. Как зашёл в приёмную, так и ощутил её присутствие. Словно сам воздух стал другим - плотным, до предела наполненным напряжением.

Злость ещё сдавливала виски, хотя он и сам бы не взялся сказать наверняка - злость ли? Однако это чувство совершенно точно внушало дискомфорт. Ремир не мог успокоиться, никак не получалось напустить на себя равнодушие и холодность.

Он поднялся, прошёл в комнату отдыха - небольшой отсек, куда попасть можно было только из его кабинета. Там он действительно иногда отдыхал, когда слишком допоздна засиживался за работой и потом ленился ехать домой. Благо в комнате имелось всё необходимое: удобный диван, плед, подушка, бельевого шкафа, столик на массивных низких ножках, сорокадюймовая плазма на стене, мини-холодильник и микроволновка. А ещё душевая и уборная. Туда он и прошёл, скинув пиджак, расстегнув верхние пуговицы рубашки и закатав рукава. Умылся холодной водой - вроде полегчало. Затем набрал в стакан из диспенсера холодной воды и выпил в один присест.

- Уф, - выдохнул. Вот теперь можно приступать и к препарированию соискателей. Настенные часы показывали четверть двенадцатого.

Вернувшись в кабинет, Ремир по селектору попросил секретаршу пригласить первого кандидата. Берковича Артёма.

Паренёк вошёл в кабинет бодрой, пружинистой походкой, улыбаясь до ушей.

«Непуганый идиот», - вздохнул про себя Ремир, сразу вспомнив Ильфа и его «Записные книжки».

Однако наткнувшись на взгляд Ремира, паренёк тотчас перестал улыбаться, даже заробел. Ремир слегка откатил кресло от стола, вальяжно откинулся, забросил ногу на ногу, а пареньку кивнул на стул. Тот присел на краешек.

Ремир молчал, изучая кандидата с антропологическим интересом. Резюме этого Берковича, как и резюме остальных, он отбирал с пристрастием: чтобы и вуз котирировался, и опыт работы чтоб был пусть небогатый, но в приличной компании, и чтобы лицо на фото несло печать интеллекта. Других он ещё не видел, но этот как-то не оправдал ожидания, во всяком случае, внешне. Не нравились Ремиру деланные улыбки - улыбаться, считал он, надо, когда тебе

действительно приятно или же, например, когда равнодушен к визави. В противном случае - это неискренне, а то и глупо. Потому и сам почти никогда не улыбался. Вдоволь насмотревшись на юношу, который уже заметно нервничал, Ремир наконец начал:

- Ну, рассказывай, что умеешь, что знаешь, в чём хорош.

- Ну... - парень заёрзал на стуле. - Я окончил университет с красным дипломом.

- И дальше что? - холодно спросил Ремир. Парень непонимающе захлопал глазами. - Какой вывод я должен из этого факта сделать? Что ты - добросовестный ботан или что ты семи пядей во лбу и прямо-таки звёзды с неба хватаешь?

- Ну, нет, - неуверенно покачал головой Артём Беркович. - Я не ботан.

- А-а, значит, звёзды... - криво усмехнулся Ремир, и юноша окончательно стушевался.

«Не передавливаю ли? А то бедняга уже потеет всюю, - подумалось вдруг. - Он же не виноват, что у меня дурное настроение... Ну а с другой стороны, сам ведь написал - стрессоустойчив. Вот пусть и демонстрирует стрессоустойчивость».

- Ну, расскажи теперь, звёздный мальчик, про свои успехи... где ты там работал...?

- В «МТС» ...

Берковича Ремир истязал ещё четверть часа, зато с остальными справился резво. Однако им и трёх минут хватало, чтобы выползть затем из его кабинета в полубморочном состоянии.

Горностаеву Ремир оставил напоследок. Точнее, не так - попросил Алину извиниться перед ней за доставленные хлопоты и отправить на все четыре стороны. Потому что так будет лучше и для него, и для неё. Так будет правильнее.

Он вновь набрал в стакан холодной воды, сделал глоток, но тут из приёмной донеслись повышенные голоса, какая-то возня, затем дверь распахнулась и в кабинет влетела... она, собственной персоной. Полина Горностаева. Он узнал бы её моментально, даже если б встретил неожиданно, где-нибудь на улице, в толпе. Нельзя сказать, что она не изменилась, изменилась, конечно. Но глаза - те же. Зелёные, влекущие... Рука дрогнула, и из стакана на грудь плеснуло холодной водой. Мокрая ткань рубашки противно прилипла к коже. Он недовольно нахмурился, отставил стакан на журнальный столик и развернулся к женщинам.

- Ремир Ильдарович, - зашебетала Алина, - я передала ваши слова! Я сказала, что к вам нельзя...

- Ладно, ступай, - кивнул он и, заложив руки в карманы, вопросительно уставился на Полину. - Что?

Голос прозвучал глуховато, но вполне холодно.

Алина метнула в Горностаеву возмущённый взор и, поджав губы, вернулась в приёмную.

- Меня вчера пригласили на собеседование. Я прождала в вашей приёмной два с половиной часа...

- Сожалею, - пожал плечами Ремир. Вот сейчас получилось сказать с безупречным равнодушием.

- Но зачем тогда меня приглашали? - Она подошла к нему слишком близко. Чёртовы глаза её зелёные мазнули взглядом по губам, плечам, по мокрому пятну на груди. С чего-то вдруг стало неловко, невольно захотелось отступить.

- У нас всего два вакантных места. И я уже отобрал двоих. Так что...

- Но вы ведь даже не поговорили со мной, не дали ни малейшего шанса себя показать. А может, я лучше, чем они!

Теперь её глаза горели огнём и искрились изумрудами. Еле сумел взгляд оторвать.

«Надо её выставить», - сказал себе Ремир, чувствуя, как стремительно набирает обороты пульс.

- Прошу, дайте шанс. Это ведь будет справедливо.

Она подошла ещё ближе, остановилась буквально в шаге, и кажется, разгадала его волнение, потому что праведный огонь, полыхавший в её глазах секунду назад, вдруг погас, обнажив неприкрытый призыв, полный откровенного порока. И тело мгновенно откликнулось. Горячая кровь забурила, ударила в голову. Ему вдруг стало жарко в кабинете, несмотря на выставленные девятнадцать градусов.

«Вот же шлюха, - зло подумал он и всё-таки отступил. - Думаешь, этими томными взорами можно добиться чего угодно. Ладно же. Сама напросилась».

Ремир прошёл за своё место, молча указал ей на стул. В горле пересохло, и он покосился на стакан с водой. Нет, если будет пить при ней, она всё неверно истолкует. Точнее, как раз таки верно. Но вот этого и не надо. Ничего, он потерпит.

- У тебя три минуты, - произнёс он с хрипотцой.

Теперь в её взгляде промелькнуло торжество. Всего лишь на кратчайшее мгновение, но Ремир успел его уловить и разозлился ещё больше и на неё, и на себя. Впрочем, это даже хорошо, потому что злость вдруг отрезвила, остудила, успокоила.

Говорила о себе Полина бойко, явно прихвастывая, но он слушал её вполуха, прекрасно понимая, что о многом она как минимум изрядно преувеличивает, если вообще не врёт.

Однако чего ей не занимать - так это находчивости и уверенности. Все предыдущие кандидаты лепетали, явно преодолевая страх. Кое-кто даже заикался. А эта шпарит о себе, замечательной, с чувством, с толком, с расстановкой. И вон сидит как - прямо, но не зажато, при этом бессовестно демонстрируя свои прелести: ноги длинные и стройные (наверняка же специально заявила в мини-юбке и на высоченных шпильках); тонкую шею с тёмным завитком волос (ведь уже и так и сяк повернула да наклонила голову); губы чувственные, алые (это же надо настолько виртуозно уметь кокетничать, что даже будничные слова произносит так, будто искушает). И жестикулирует к месту, нечасто, ненавязчиво, ровно столько, сколько нужно, чтобы речь казалась живой и выразительной, но при этом чтобы самой не выглядеть нервной или суетливой. Ну и длинными пальцами с идеальным маникюром наверняка красуется.

Ремир наблюдал за ней словно зритель, созерцающий спектакль одного актёра: завожённо и в то же время как будто со стороны. Это было, конечно, любопытное зрелище - настолько явно она пыталась его очаровать, и не просто очаровать, а разбудить в нём самые тёмные желания. И в общем-то, это ей удалось, чего уж. Только все свои желания он давным-давно научился контролировать: нахлынуло - задавил. Ей, кстати, за это спасибо. Так что Полина старалась впустую, второй раз он уже на её уловки не поведётся. А старалась она вовсю, аж из кожи вон лезла. И если б не знал он, что она из себя представляет, то вполне возможно... Нет, на работу он бы такую не взял, но вечер-другой в её компании скоротал бы с удовольствием. Ну а что? Он ведь не железный.

А вообще, это странно, думал Ремир, что она ищет работу. Такие, как она, обычно вовсе не работают, а живут на иждивении у какого-нибудь престарелого денежного мешка.

- Замужем? - оборвал он её на полуслове. Она осеклась, на мгновение растерялась, но тут же, ослепительно улыбнувшись, ответила:

- Нет, у меня в жизни иные приоритеты. Саморазвитие, самореализация, карьера, в конце концов...

Ремир не удержался, взметнул изумлённо брови.

- И детей, так понимаю, тоже нет? - спросил без задней мысли, просто потому что вопросы о браке обыкновенно идут в связке с вопросами о детях. Но с ней вдруг как будто сдуло блеск.

- Есть, дочь, - промолвила она уже совсем не так бодро и игриво, как говорила только что. - Но мне есть, с кем её оставить...

«Значит, нагуляла, - догадался Ремир, - потому и работу ищет. Чужой ведь ребёнок мало кому нужен. Во всяком случае зачем брать в содержанки такую обузу, когда можно легко найти красотку без всяких левых детей».

- Я вас уверяю, - голос Полины снова призывно обволакивал, - это не станет помехой.

И посмотрела так, будто прямо здесь и сейчас готова это доказать.

- Три месяца - испытательный срок. Впрочем, если пойдут косяки сразу, никто выжидать этот срок не будет. У меня разговор короткий: не справляешься, непригодная - значит, всё, до свидания. Ясно?

Она закивала, в глазах вновь вспыхнул радостный блеск, ему даже как-то совестно стало. Обнадёжил вот её, а для чего? Чтобы потом выпнуть, вышвырнуть, как ненужную вещь. Но тут же резонно заметил про себя: ну разве не плевать? Собственно, для этого ведь всё и затевалось.

Глава 6

Глава 6

На этом собеседовании Полина выложила на все сто.

Начиная с того, что встала ни свет ни заря и из дома вышла за два с половиной часа, зная по опыту - чем острее необходимость прийти вовремя, тем выше вероятность застрять по пути в пробке.

На месте была уже в начале десятого. Однако заходить не спешила - отчего-то вдруг вспомнилось из психологии, что люди, приходящие сильно загодя, обычно страдают крайне заниженной самооценкой. Вообще-то ей это не грозило: Полина вполне себя ценила и чаще как раз других ждать заставляла, чем наоборот, но тут вот застеснялась собственного рвения.

К счастью, через дорогу обнаружилось кафе. С чашкой капучино она присела за столик у окна, откуда открывался вид на здание «ЭлТелекома», аккуратный газон перед центральным входом и перекрытую шлагбаумом парковку чуть сбоку. На парковке - сплошь машины представительского класса, во всяком случае половина - точно. Ну а на само здание она полюбовалась ещё дома, спасибо гугл-карте.

Строго говоря, любоваться там особо и нечем: ни малейших архитектурных изысков, никаких особых штрихов и акцентов - один сплошной стеклянно-стальной ризалит. Словом, этакая хайтековская конструкция, уверенно взмывающая ввысь. На верхних этажах серебром по тонированному стеклу отлиты гигантские буквы «ЭлТелеком» и логотип - что-то вроде шара, исполосанного такими же серебряными нитями. Надо понимать, планета, опутанная сетями вездесущего оператора.

Ровно без десяти десять Полина покинула кафе, перебежала дорогу и поднялась по чёрным мраморным ступеням. Стеклянные двери бесшумно разъехались, впуслав её в просторный, ярко-освещённый холл. На миг она замерла, ошарашенно озираясь. Всё вокруг сверкало и блестело. В огромных глиняных чанах росли экзотические деревья. Справа шелестел под стеклом искусственный водопад на всю стену. Только пения райских птичек не хватало для полноты картины. Здесь даже пахло по-особому. Чистотой, свежестью и... богатством.

Один из охранников, проверив её паспорт, предупредительно вызвался проводить Полину до лифта. Ещё и удачи пожелал.

Пока лифт мягко плыл на седьмой этаж, Полина придирчиво оглядывала себя в зеркало. Не слишком ли короткая юбка? Ну да, может, и коротковата, но так ноги кажутся длиннющими. Жаль на автозагар денег не хватило, но зато новая блузка по фигуре, не болтается, даже наоборот - выгодно подчёркивает и талию, и грудь. Понравиться директору - единственный шанс прорваться в это волшебное место.

«Хоть бы меня взяли! Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!».

Поколебавшись, Полина расстегнула ещё одну пуговку. В конце концов, директор - молодой мужчина и, судя по его спутнице на том фото, равнодушен к женским прелестям. Ну а Полина ничуть не хуже той, разве что пониже ростом. Ну и не такая ухоженная... теперь. Но зато глаза у неё - ни у кого таких нет. Все это говорят.

«Чёрт, что ж я так волнуюсь», - Полина вдохнула полной грудью, пытаясь подавить внутренний мандраж, и шагнула из лифта.

Он - мужчина, молодой, здоровый, нормальный, твердила она, пытаясь взять себя в руки. А мужчина есть мужчина, что бы там он о себе ни думал, кем бы себя ни считал. И настоящим мужчиной всегда будет править первичный инстинкт. Им только кажется, что всё у них под контролем. Но уж кто-кто, а она умеет играть на этих первичных инстинктах, незримо, неуловимо, но совершенно виртуозно, точно на терменвоксе*.

В приёмной оказалась ещё дюжина соискателей. Трое парней, остальные - девушки, но симпатичная только одна. И то простовата, ну и полновата. Конский хвост, платье какое-то несуразное, мешком, наверное, чтобы полноту скрыть. До неё, до Полины, уж точно не дотягивает. Так что бояться нечего? Или всё же...? А вдруг он не такой, как все? Вдруг ему важнее всякие там компетенции?

Приёмная тоже впечатляла и габаритами, и интерьером. Только вот сам директор запаздывал. Спустя полчаса Полина не выдержала и спросила секретаршу, когда уже начнётся собеседование. Та ответила, что директора пока нет на месте.

- А нельзя ему позвонить? Узнать, когда будет? Мы ведь ждём.

Секретарша посмотрела на неё, как на безумную, и ничего не сказала. Только возмущённо тряхнула осветлёнными добела кудряшками.

Между тем время шло, ожидание затягивалось до неприличия. Может, остальных кандидатов это тоже нервировало, но вида они не показывали. Полина же попросту извелась вся, и тем не менее уйти не могла - такой шанс выпадает очень редко, лучше уж подождать.

Он появился внезапно. Точнее, их было двое, но его она определила бы сразу, ни секунды не колеблясь, даже если б заранее не видела на фото. Стремительный и резкий, он решительно прошагал в кабинет, одним своим мимолётным появлением взбудоражив всех и каждого. Потом второй вышел, оглядел соискателей, рассеявшихся рядком на кожаных диванах, что-то тихо обронил секретарше и скрылся за дверью с латунной табличкой «*Технический директор Астафьев Максим Викторович*».

И затем началось...

*терменвокс - музыкальный инструмент, на котором играют, не касаясь, на расстройнии, взмахивая руками. Антеннками он улавливает колебания воздуха и звучит.

Одного за другим директор приглашал к себе. Что уж он там с ними делал, Полина не знала, но выходили они совершенно измочаленные и несчастные. Одна из девушек даже всплакнула. Секретарша при этом не выказала ни удивления, ни сочувствия.

Когда же наконец дошла её очередь, секретарша вдруг сообщила, что всё, собеседование закончилось. Полина аж опешила от такой наглости.

- То есть как это - закончилось? Меня ведь ещё не приглашали.

- Ремир Ильдарович уже отобрал кандидатов. И приносит свои извинения за доставленное беспокойство.

- Да не нужно мне ничьих извинений! - взвилась Полина. - Пусть со мной тоже побеседуют. Я что, зря три часа сидела? Где справедливость?

- Ремир Ильдарович... Девушка, вы куда?

В отчаянии Полина рванула к заветной двери. Трусилась, конечно, до дрожи в поджилках, но терять-то всё равно нечего. А ей так нужна эта работа! Она ведь потом не простит себе, если просто смиренно уйдёт.

- Девушка, стойте! - взвизгнула секретарша, выбегая из-за стойки. - Я вызываю охрану!

Но Полина уже ворвалась в кабинет директора и, сделав несколько шагов, испуганно остановилась. Напоролась на горящий взгляд, как на преграду, неодолимую и бесконечно опасную.

О! Вживую этот эмир оказался в тысячу раз притягательнее, чем на застывшем фото. Ведь никакой снимок не способен передать столь мощное мужское начало. А в нём так и чувствовалась кипучая энергия и неукротимая сила, которая запросто могла быть и созидающей, и разрушительной. У неё аж дыхание перехватило - до того он показался ей красив. Просто нереально. Неужели такие бывают? Неужели он обычный мужчина из плоти и крови?

В нём на удивление гармонично сочеталось несочетаемое: снобизм и простота, даже небрежность, природная грубость и изысканность, холодная надменность и пылкость. Ворот белой рубашки был соблазнительно расстёгнут, рукава заливчато закатаны. Смуглая кожа отливала бронзой. На груди там, где темнело мокрое пятно, угадывались очертания соска.

«Не смотреть туда! Не о том думаешь!», - одёрнула себя Полина, чувствуя, как розовеют щёки. Да уж, называется пришла очаровывать, а попала сама. А может, и пропала...

«Стоп! Думай только о деле. Мне необходима эта работа. Ради Сашки. Сосредоточься, глупая!».

Сначала он упрямо строил из себя неприступного, говорил с выверенной, продуманной холодностью. Только вот пылкий нрав за стальными нотками не скрыть - он так и похалхал огнём в чёрных глазах, выдавая истинные помыслы и желания. Эта незримая борьба страстей длилась не дольше минуты, и затем господин Долматов капитулировал.

- У тебя есть три минуты. - Голос тоже его подвёл. Полина ликовала.

И это его ограничение «три минуты» - не что иное, как попытка сохранить видимость неуязвимого и нестигаемого хозяина положения. К тому же он её и не слушал - это было видно. Он её просто откровенно разглядывал. И хорошо, потому что Полина наплела ему с три короба - начиталась накануне в интернете про обязанности офис-менеджеров, вот и выдавала за своё. А что было делать? Не рассказывать же ему, что она лишь кофе готовила да снимала копии с документов. Ну ещё отбивалась от домогательств шефа. В общем, как ни крути - завидный опыт, нечего сказать.

Дурацкая, совершенно непрошенная мысль закралась в голову: «А если бы вот он позволил себе лишнее, не именно сейчас, а вообще, стала бы она противиться?». Вряд ли. То есть, конечно, стала бы, но недолго и не категорически, а так, скорее, для проформы, просто чтобы не выглядеть совсем уж доступной. Потому что он всего лишь смотрит на неё, а она сама как терменвокс играет и вибрирует. А сердце в груди трепещет от волнения. Ну не странно ли - почти три года она прекрасно жила без мужчин, даже не думала ни о чём таком, и не тянуло совершенно. То есть мечталось иногда о надёжном мужском плече, но именно о плече. А тут вдруг... Взгляд ещё этот горячий, раздевающий... От него и стыдно, и сладко, и мысли путаются, и в голову лезет всякое.

Врасплох её застал вопрос про Сашку, Полина даже испугалась на миг, что он не захочет брать одинокую маму с маленьким ребёнком. Пусть даже сейчас и время другое, и люди не плюются вслед, и даже почти не косятся, но работодатели всё же не рвутся нанимать женщин с таким пунктом в биографии.

Однако господин Долматов воспринял этот факт спокойно и велел быть завтра к девяти. В приливе счастья она чуть было не выпалила восторженную глупость, но вовремя спохватилась. Он, конечно, за такой порыв своё решение вряд ли отменил бы, но теперь ей вдруг захотелось ему понравиться. Нет, не только гормоны его расшевелить, а именно тронуть душу, ну или хотя бы показаться интересной. А вот такое восторженно-девчачье «Уиии!» явно не в его вкусе.

Однако ж что за чудо! Полине просто не верилось, что этот восточный князь дал ей шанс войти в свой необыкновенный мир. Шанс - это, конечно, не гарантия, но уже многое. Надо просто себя проявить, продемонстрировать, на что способна, доказать, что она лучше тех двоих.

Кстати, интересно, кого же он выбрал? Как-то по лицам отсобеседованных и не скажешь, что он вообще кого-то выбрал.

Губы сами собой расплзались в улыбке, а дурацкое «уиии» так и вертелось на языке. Она поцокала на своих шпильках к выходу, стараясь при этом, чтобы движения получались неспешными и соблазнительными. Ведь он смотрел, тут даже никаких сомнений. Его взгляд словно нёс заряд электромагнитной энергии и вполне явственно ощущался спиной, волнительно щекотал кожу. Вот не зря она надела эту юбочку!

Когда Полина, и сама вся разволнованная, уже была на пороге, он вдруг окликнул её:
- Минуту!

Она оглянулась. Он встал из-за стола и теперь медленно и хищно двигался прямо на неё, не сводя жгучего взгляда. Внутри у Полины всё затрепетало, и ноги предательски ослабели. Не в силах пошевелиться, да даже вдохнуть или выдохнуть, она смотрела на него, как будто впала в транс, чувствуя при этом, что с каждым его шагом дрожь и слабость стремительно растёт, а баррикады её, и без того хлипкие, рушатся неотвратимо.

Вот он уже совсем близко... Её обволокло дорогим незнакомым парфюмом. Хотя нет, что-то смутно знакомое. Клайв Кристиан?

Остановился Долматов буквально в полушаге. Его тело излучало жар и энергию, которая сшибала своей мощью и вместе с тем неумолимо притягивала. Полине захотелось закрыть глаза и уцепиться за что-нибудь устойчивое - за дверь, за проём, а лучше бы привалиться спиной к стене, чтобы уж точно устоять на ногах. Будто в замедленном кино она наблюдала, как он протянул руку, загорелую, крепкую, сильную, с выступающими венами. На мгновение представила, каким будет его прикосновение, и вдоль позвоночника пробежали мурашки. Что он ей хочет сказать? Пообедаем вместе? Или...? Впрочем, в любом случае сейчас она ответит вежливым и мягким отказом, как бы ей самой этого ни хотелось, потому что...

Он взялся за ручку и распахнул дверь. Затем встал в проёме, случайно задев Полину плечом, и с холодной твёрдостью произнёс:

- Алина, поясни Полине Андреевне Горностаевой, как подобает одеваться, когда устраиваешься на приличную работу. Расскажи доходчиво и подробно. А то, боюсь, она не имеет никакого понятия о дресс-коде.

Полину как водой ледяной окатило. Она даже растерялась в первый миг, густо покраснела, заморгала, но он невозмутимо подтолкнул её на выход и закрыл дверь. Можно сказать, выставил, да ещё так позорно. Она аж задохнулась от такого неожиданного унижения. Метнула гневный взгляд в секретаршу. Та рассматривала её со смешанным выражением на кукольном личике. С одной стороны, её явно распирало любопытство - с чего вдруг шеф уступил этой нахальной девице? А с другой - явственно читалось злорадство вкупе с чувством собственного превосходства и нотками презрения. Она вроде и молчала, а как будто говорила: «Так тебе и надо, наглая выскочка. Тоже удумала заявиться сюда в таком виде! Фу».

Однако вслух произнесла пусть холодно, но вполне вежливо:

- У нас строгий дресс-код. Юбка должна быть не выше колена, чёрная, коричневая, тёмно-серая или тёмно-синяя. Можно в полоску или в клетку, но не слишком контрастную. Блузка может быть белого цвета, но допустимы и пастельные тона, бежевый или, например, светло-серый. Но обязательно однотонная. Брюки только строгого кроя из плотной тёмной ткани. Туфли тоже тёмные и только закрытые. Ну и на невысоком каблуке, - добавила она, опустив глаза на её Маноло Бланик цвета айвори, оставшиеся от «прошлой» жизни, - никаких высоченных шпилек и босоножек. Нельзя ходить с голыми ногами или руками, то есть колготки или чулки носить обязательно в любую погоду. А блузки или платья должны быть с длинными рукавами. Ну и вот так краситься у нас тоже нельзя.

- Капец - монастырь! - вырвалось у Полины.

- Такие правила. Это вам солидная организация, - строго заметила секретарша, - а не какой-нибудь там...

- Но он сам-то, - Полина обернулась на дверь, откуда её только что не слишком вежливо вытолкнули, - вообще весь расхристаный! Рубашка чуть не по пояс растёгнута...

- Он хозяин компании и может ходить как угодно.

Полина хотела ещё что-то сказать, но тут снова вышел в приёмную господин Долматов. Он спросил что-то совершенно непонятное у этой высокомерной секретарши, которая в мгно-

вание ока сменила свой тон и вела себя с ним до тошноты подобострастно. На Полину он даже не взглянул, как будто её вообще тут не было.

Она коротко попрощалась и вышла из приёмной. Ни он, ни секретарша ей не ответили, и это уязвило. Ну и пусть, утешала она себя. Главное, у неё теперь есть работа. Да ещё такая отличная! Это же решение всех проблем! Потому что даже если этот скрудж Назаренко не займёт ей денег, она сможет в банке взять кредит на Сашкину операцию и преспокойно выплачивать потом из зарплаты.

И всё же... всё же радость казалась какой-то подпорченной, с большой такой ложкой дёгтя. И вряд ли дело тут в противной секретарше, которая всем своим видом пыталась показать Полине своё неуважение. Чихать ей на эту секретаршу и на то, кого она там уважает, а кого нет. А вот он - да, он задел её, и сильно. Да вообще унизил с этим своим дурацким дресс-кодом! И ладно бы наедине, а то ещё при этой дуре. Как там её? Алина вроде.

Глава 7

Глава 7

Всю дорогу до Молодёжного - там, если ДубльГис не врёт, находился офис «СармаТелеком» - Полина в мыслях перебирала это странное собеседование. Она же явно Долматова зацепила. Она это чувствовала! Он и взял-то её наверняка только поэтому. Сначала ведь и слушать не хотел, а увидел - и загорелся. Ну а его холодность в конце Полина объяснила просто: опять то же желание держать всё и всегда под контролем. Это так свойственно мужчинам подобного склада. Привычка подчинять своей воле - это уже их второе «я», а то и первое. А тут вдруг он начал терять этот самый контроль, вот и стал с утроенной силой строить из себя железного человека. Демонстрировать стальную выдержку. Даже не столько для неё, наверняка, сколько для себя.

«Ну-ну, знаем мы, чего стоит эта ваша выдержка и насколько её хватает», - подумала про себя Полина.

Одно лишь не давало покоя - её собственная неожиданная реакция на него. Прямо умопомрачение какое-то. С чего бы вдруг? Даже сейчас, стоило его вспомнить, как внутри всё волнительно сжималось.

Вообще, она всегда питала слабость к красивым и мужественным, совсем молоденькой - попросту теряла голову. Позже воспринимала более спокойно, да и красавцы, к счастью или к сожалению, попадались редко. А вот такой, как этот эмир - и вовсе впервые. И по этим ощущениям - по замиранию сердца, по нетерпеливому ожиданию новых встреч, по тягучему томлению внутри - она, оказывается, уже истосковалась. Когда она испытывала такое в последний раз? Собственно, думать тут и нечего - три года назад. Ну, чуть меньше. Со своим сокурсником Валерой. Любви там никакой не было, теперь это ясно. Просто влечение с его стороны, с её - влюблённость. Хотя ей-то в то время казалось, что это, конечно же, взаимная любовь до гроба. Когда Валера понял, что Сашку она никуда не отдаст, как советовали все, как убеждал он сам, то быстро охладел. Полина считала, что предал.

Впрочем, не он первый её предал. Был ещё один «красавчик» - Даниил Назаренко. К нему она как раз и ехала. Сейчас он слегка пообтрепался и обрюзг. Залысины появились, одутловатость какая-то. Употребляет, что ли? Ну а тогда, семнадцатилетний, он был чудо как хорош.

Полина вспомнила, как впервые увидела Даниила в лагере - высокого блондина с ослепительной улыбкой и ярко-голубыми глазами. Он выделялся всем: и внешностью, и дерзким поведением, и модными шмотками, и навороченными гаджетами - это сейчас планшет у каждого первого, а тогда - большая редкость. На него многие девчонки заглядывались, бегали за ним, а выбрал он из всех её, Полину.

Ухаживать он, правда, не умел совсем, но и она тогда про ухаживания мало что знала. Зато целовался он хорошо. Там же, в лагере случился и их первый раз. В комнате Даниила. Тогда Полине это действие жутко не понравилось. Во-первых, больно было - еле вытерпела. А во-вторых, Назар много рисовался, будто и огонь, и воду уже прошёл, а как дошло до дела, то начал вдруг неуклюже суетиться, нервничать. Не сразу у него получилось, а злился он на неё. Потом, правда, признался, что и у него всё это впервые. И слова всякие хорошие говорил про любовь. Только всё равно на душе у неё остался неприятный осадок. И ко всему прочему, один из его соседей по комнате вернулся раньше времени и застукал их в самый неподходящий момент. Слухи поползли... Хотя девчонки, с которыми она сдружилась в лагере, утешали, что ничего страшного, что все нормальные этим занимаются, а с таким классным, как Даниил, так это вообще повод гордиться.

После первого раза Полина придумывала поначалу всяческие причины, лишь бы избежать повторения, но Назар настаивал. Сперва надоедал уговорами, а затем и вовсе заявил, что

если она не хочет, значит, не любит, и значит, он найдёт другую, которая будет его любить и эту любовь доказывать таким вот образом. И мало того, что пригрозил её бросить, так ещё и на дискотеке явно назло флиртовал с другой. При всех! Танцевал с ней все подряд медленные танцы. Обнимал, шептал на ушко. Вот было обидно, прямо до слёз, ну и унижительно, конечно.

Хотелось показать ему, что и она кое-чего стоит. Хотелось, чтобы и он взревновал. И как специально подвернулся ей этот странный, дикий мальчик. Как там его? Маугли? Полина не помнила уже, как тот выглядел кроме того, что он невысокий, шуплый, черноволосый.

С ним потом вышла ужасная история, которую она очень старалась забыть. Потому что после того случая она сама себе была противна, до тошноты, до отвращения, а как с таким самоощущением жить? Хотя все кругом тогда твердили, что ничего тут такого, что это просто шутка и не над чем париться. Ей и самой сразу казалось, что это шутка, просто розыгрыш наподобие "Улыбнитесь, вас снимает скрытая камера". Почему-то она не задумалась ни на секунду, каково будет пацану. Даже мысли не возникло. До того момента, когда стало поздно, когда Назар включил свет, когда она увидела лицо и глаза этого Маугли. Вот тогда ей стало дурно и страшно, от собственного поступка страшно.

Он тогда забыл на том злополучном складе кроссовки, Назар и остальные хотели их сжечь, потом решили просто в них помочиться и вернуть. Она отобрала, отнесла к двери его комнаты. А чуть позже оказалось, что Назар снимал беднягу на телефон. Когда он уговаривал Полину устроить этот розыгрыш в качестве доказательства, что она его любит, а не Маугли, к которому он её и правда приревновал, ни о какой съёмке и речи не шло. И тут вдруг всплыло... Как она только ни упрасивала его не выкладывать фотки в сеть, всё равно выложил. Тогда они сильно поссорились и помирились только после того, как Назар всё отовсюду удалил у неё на глазах. Ей хотелось поговорить с мальчиком, извиниться, но сразу - побоялась, а на другой день он уже уехал. Вот и осталось только забыть, чтобы не мучиться так угрызениями.

Главное, что и с Даниилом ничего хорошего не вышло. Страдания одни. После того, как они в город вернулись, встречались ещё полгода, пока она не узнала, что Назар закрутил с другой. Увидела их вместе случайно. Подошла, пылая гневом, а Назар даже оправдываться не стал и уж тем более извиняться. Преспокойно заявил - мол, да, у него теперь другая, и это даже хорошо, что всё вот так выяснилось, а то он не знал, как сказать. Надеялся, что Польша сама догадается - он ведь перестал ей звонить первым, приходить в гости, приглашать к себе. Это верно, перестал. Но Полина списывала на учёбу, на занятость, ещё на что-то. Поскольку тогда, наивная, верила - раз Даниил сказал, что полюбил её навсегда, значит, так оно и будет. Как ещё тогда выдержки хватило не устраивать сцену, а развернуться и с гордым видом уйти. А нарыдаться уже дома.

После их разрыва она как с цепи сорвалась. Ночами - в слезах топила подушку. Днём - гуляла напропалую. Клином клином выбивала. Даже клиньями. Бегала по дискотекам, целовалась по подъездам, пытаясь всеми способами заполнить ноющую пустоту. Сначала рассчитывала, что Даниил увидит её с другим, опять приревнует и вернётся. Долго подстраивала эту встречу, ну и, в принципе, всё зря. Он не приревновал и не вернулся.

Ну а она уже вошла в раж. С некоторыми воздыхателями, правда, едва до беды не догуляла. Кому-то хотелось большего, чем поцелуи и обжимания по углам, от таких потом еле ноги уносила. Другие изводили ревностью, от одного даже взбучку как-то получила. Но не уgomонилась. Наоборот. Поступив в институт, загуляла ещё больше. Завела друзей в студенческом общежитии, распробовала пиво и вино и сделала для себя простой вывод: страдать в любви необязательно, да и сама любовь необязательна. Главное, чтобы было приятно и весело. Музыка, танцы, вино, лёгкий флирт для души. Ещё пыталась курить, но не понравилось.

Там же, в общежитии, по пьяной лавочке чуть не случился у неё «второй мужчина», но об этом вспоминать она тоже ужасно не любила. Эти руки суетливые, лапающие, слюнявые

губы, фу, мерзость. Еле тогда отбилась. И фраза этого урода въелась намертво: "Одним больше, одним меньше. Какая тебе разница?".

С тех пор зареклась гулять в общежитии. Хотя тот "герой-любовник" потом протрезвел и проходу ей не давал, а Полине и смотреть-то в его сторону было тошно. Хотелось просто поскорее забыть этот эпизод, как неприятное недоразумение. Как будто ничего и не было.

Вообще, ей всегда нравилось мужское внимание. Нравилось видеть в глазах мужчин интерес и вожделение, это давало ощущение некой власти над ними. Она с удовольствием кокетничала, обольстительно улыбалась, манипулировала даже, но на большее после Назара и второго, к счастью, неудавшегося опыта как-то не тянуло.

Мужчина, с которым всё-таки потом завязались отношения, был вовсе не из её привычного круга: сорокалетний банкир, меценат, с предками-декабристами. Хоть и значительно старше, он выглядел импозантным, привлекательным и очень был похож на Ричарда Гира. Он возил её по ближнему зарубежью, водил на выставки прогрессивных художников и перформансистов, на концерты органной музыки и моноспектакли. В конце концов, он просто говорил с ней, на равных обсуждал всё, что его интересовало: от геополитики до прочитанных книг. Да, с ним Полина пристрастилась и к чтению. Ибо неприятно было глупо улыбаться и молчать, не понимая, о чём речь.

Даже секс с ним был удивительно хорош. Он оказался искусен, всё умел и её многому научил. А то ведь прежде Полина воспринимала это дело, как некую малоприятную обязанность, всерьёз считая, что это нужно только мужчинам в силу физиологии, а женщинам - одна морока, да вообще проклятье. Полтора года длился их роман. Полтора года сказки про Золушку, а потом у него случился инсульт, от которого он так и не пришёл в себя.

Полина затосковала, после него юноши-ровесники казались глупыми, неинтересными, ничтожными. Наверное, поэтому она в конце концов и связалась с замдекана. Тот тоже был старше и тоже импозантный, и даже чем-то внешне похож. Правда, эту их связь даже с натяжкой не назовёшь полноценными отношениями. Просто необременительные и нечастые встречи. Подарков замдекана не дарил, по выставкам и театрам не водил, беседы интересные не вёл - боялся засветиться, однако помогал с учёбой. Если б не он, так её бы наверняка вышибли с третьего курса за прогулы и академическую неуспеваемость.

Родители, конечно, о её отношениях ни сном ни духом. Оба старой закалки, они попросту не одобрили бы связь без брака, мягко говоря. Хватало ей вполне и Ольги, замужней и добропорядочной старшей сестры, которая всё понимала, делала свои выводы и методично проедала плешь: «Тунеядка, паразитка! Ты нас только позоришь! Одни мужики у тебя на уме. Сначала гуляла, теперь с женатым связалась. В кого ты только такой шалавой уродилась?».

В то время сестра бесила Полину невероятно, и порой она назло ей творила всякие выходки. Например, заявлялась среди ночи к той в гости навеселе - не маме же в таком виде на глаза показываться. Или ещё щеголяла в коротеньких шортиках и обтягивающей маечке в присутствии Ольгиного мужа, такого же добропорядочного, скучного, да ещё и в возрасте. Хотя не таким уж добропорядочным он оказался. Это при Ольге он исходил, багровея, праведным гневом или читал ей нотации, как подобает себя вести. А наедине пускал слюни и норовил погладить, прикоснуться. И получал, конечно, по рукам, а то и не по рукам. Но Ольге она так и не рассказала, хотела, собиралась, но не смогла.

А теперь вспоминать свои эскапады было до боли стыдно. Перед всеми стыдно: и перед матерью с отцом, и перед Ольгой, и даже перед её двуличным мужем. И самое ужасное, что ничего уже не исправить. Можно тысячу раз отчаянно сожалеть, но изменить ничего нельзя. А вот такое беспомощное раскаяние оно самое мучительное. И главной пыткой стали её собственные слова, злые, издевательские, брошенные в лицо родным, как плевков. Потому что эти слова - последнее, что они от неё слышали...

Тот страшный сентябрьский день три года назад разделил жизнь Полины на До и После, на Тогда и Теперь.

Накануне она ужасно разругались с родными. А всё потому, что всплыла вдруг её интрижка с замдекана. Даже смешно - интрижка-то была пустяковая, на копейку. Ну, какие отношения? Так только, редкие встречи. Ну а скандал разгорелся такой, будто у них был роман века. Замдекана тут же сняли, на неё косились, как на прокажённую, обсуждали и осуждали на каждом углу, ещё и родителям донесли, добрые люди.

А самое обидное - на тот момент они уже пару месяцев как расстались, потому что у Полины появился другой. Сокурсник Валера. И вот это уже были настоящие отношения, которыми она очень дорожила. Ну а размах скандала получился такой, что Валера сразу же всё узнал. Даже перед родителями было не так стыдно, как перед ним. Они и поговорить не успели. В институте она побоялась к нему подойти - встретила в толпе и он так на неё взглянул, что если б ударил, и то не так больно было бы. Полина хотела выждать время, дать ему успокоиться, а потом всё объяснить. Главное, найти нужные слова, а они, как назло, не шли. Да и как тут оправдаешься? Оставалось лишь отчаянно надеяться, что он остынет и простит. Ведь строго говоря, она ему не изменяла. Порвала с замдекана сразу, как только они познакомились.

Хотелось закрыться в своей комнате, чтобы никто-никто её не видел. Но дома Полину ждала головомойка. Отец орал, замахивался, потом глотал что-то от давления. Мать плакала и пила корвалол. Позже примчалась Ольга с мужем и Сашкой. Вот их-то кто звал?

Ольгин муж скорбно молчал, обронил только: "А я предупреждал. Я всегда говорил - от неё добра не жди".

Затем он вышел с ребёнком во двор - у мелкой с рождения проблемы с сердечком были и все эти опереточные страсти могли ей очень навредить. Ольга же истерила битый час, собрала все эпитеты древнейшей женской профессии, куда зачислила Полину, даже по щеке ударила, когда та в ответ нелестно прошла по её благоверному.

Полина сперва беззлобно огрызалась и насмешничала, как будто вся ситуация её просто забавляла, хотя на самом деле прямо убиться хотелось, так было не вмоготу. Но, считала она, станешь показывать, что тебе плохо или стыдно - начнут клеветать ещё сильнее. Получив оплеуху, она тотчас вспыхнула, схватила ветровку и выскочила из квартиры, оттолкнув мать и сестру - те не хотели выпускать. Промчалась через двор мимо Ольгиного мужа и маленькой Сашки. Свернула на остановку, села в первую же подошедшую маршрутку, просто чтобы уехать куда угодно, чтобы не кинулись догонять и останавливать. Щека горела. В голове стучало «Ненавижу их всех!».

Немного успокоившись, Полина пересела на автобус и доехала до институтского общежития - там жил Валера. Пока поднималась по лестнице, вновь подбирала слова, чтобы он понял, что интрижка та дурацкая с замдеканом давно осталась в прошлом и вообще для неё ничего не значила. Что любит она его, Валеру, и только с ним ей хотелось по-серьёзному, а не просто поразвлечься. И плевать ей, что у него нет ничего за душой. Это уже были претензии сестры. Это она фыркала: «Голь перекатная». А для Полины Валера - лучше всех.

Но Валера тогда всё это даже слушать не пожелал. Грубо схватил за волосы, вытолкал из комнаты, да ещё таких слов наговорил, что Ольгины оскорбления показались детским лепетом. Орал на весь коридор, крыл матом, и все слушали, даже из комнат своих повылазили. Осуждали, презирали, посмеивались. Хотя некоторые наоборот пытались уговорить Валеру.

После такого потрясения ехать домой не хотелось. Несколько часов Полина бесцельно бродила по городу, как неприкаянная. Лишь бы двигаться, не останавливаться ни на минуту - это почему-то отвлекало и немного притупляло боль. Вернулась домой ближе к ночи. Сестра уже уехала, а родители обиженно молчали.

Наутро всей семьёй собирались поехать на дачу, выкапывать картошку. Полину попросили посидеть с Сашкой. Она вяло отказывалась - какая из неё сейчас нянька? Ей даже с постели вставать не хотелось. Но сестра наседала.

- Я не обязана нянчить твою дочь! - в конце концов, взвилась Полина, - Ты руку на меня вчера подняла, гадостей наговорила, а я теперь с мелкой сиди, сопли ей подтирай? Ну уж нет! Твоя дочь - ты с ней и возись, а я вообще детей терпеть не могу.

Сестра от негодования шла пунцовыми пятнами.

- Поля, зачем ты так? Это же твоя родная племянница, - упрекала мама.

- И что? Её сопли, нытье и капризы должны мне теперь нравиться? Говорю же - я не выношу детей. Это же у нас Олечка - вся такая идеальная и добропорядочная. Только, думаешь, мама, почему она так рвётся с вами на картошку? Да потому что она сама уже на стены лезет от Сашкиного плача. Вот и готова ухватиться за любой повод, лишь бы отдохнуть от ненаглядной дочечки. Спроси-спроси её, как она из дому убегала, чтобы хоть час свою дочь не слышать. Только правду она всё равно не скажет.

- Что ты несёшь? - взвизгнула Ольга.

- Я всего лишь повторяю слова твоего мужа. Он врёт?

Ольга растерялась, открыла и закрыла рот, как будто ей вдруг стало не хватать воздуха.

- Он не мог такого сказать! Ты всё сочиняешь! Ты так назло говоришь, чтобы мы поссорились. Ты нам просто завидуешь.

- Ага, с ума схожу от зависти. Всю жизнь мечтала о бесхребетном тюфяке-святоше, который не способен собственной жене высказать свои претензии. А только ноет и жалуется за её спиной.

- Он не мог такое сказать. Ты это сейчас сама придумала, - упрямо повторила Ольга. - Какие у него могут быть ко мне претензии?

Полина закатила глаза.

- Да всякие. Кроме того, что ты Сашку бросала, он, например, обижается, что ты не кормила её грудью, а всем врала, что молоко пропало. А то ведь грудь обвиснет! А ей, оказывается, с её-то здоровьем надо было...

- Ты... ты... - побелев, задыхалась от гнева Ольга.

- Да помню я, - невесело усмехнулась Полина. - Я - паршивая овца, никчёмная паразитка и бесстыжая шлюха.

- Зачем ты так, Поля? - грустно спрашивала мама.

- Мама, а как надо? Знаете, что? Меня от вашей показной добропорядочности уже тошнит! Вчера вы с грязью меня смешивали, а сегодня - Поля, Поля, Поля. И никто из вас даже не спросил, а правда ли всё было так, как наговорили? Обвинили и казнили без права слова молвить. А сегодня быстренько переобулись. Вы все делаете и говорите не то, что на самом деле думаете, а то, что вам в данный момент удобно.

Мать ссутулилась и ушла на кухню, наверняка снова пить капли. Полине стало стыдно, маму-то она зря сюда приплела, наговорила ей в сердцах лишнего...

- Хочешь мать в могилу свести? - зашипела сестра.

Полина нахмурилась:

- Ладно, езжайте, посижу я с вашей Сашкой.

Ольгин муж привёз девочку и безразмерную сумку с причиндалами: памперсами, бутылочками, смесью, лекарствами.

- Блин, куда столько? Такое ощущение, что вы не на день уезжаете, а валите на Северный полюс, а Сашку решили мне подкинуть, - неудачно пошутила она тогда.

- Это про запас, на всякий случай, - буркнул Ольгин муж.

И всё. Больше никого из своих близких Полина не видела. Живыми. По дороге в садоводство они столкнулись с фурой, потерявшей управление.

У Полины осталась только Сашка, а у Сашки - только Полина.

Позже Валера, узнав о её беде, проявил человечность, простил, поддержал во время похорон. Но когда дело коснулось Сашки, вдруг взбеленился. Ультиматум поставил: или он, или она.

В институте пришлось доучиваться заочно, потому что неожиданно встал вопрос: на что жить? На что кормить, лечить, одевать больного ребёнка? Вот с того момента и началась вся эта канитель, которой до сих пор конца и края не видно.

Компания «СармаТелеком» воистину забралась дальше некуда, автобус час с лишним тащился до конечной остановки Молодёжного. Офис занимал часть первого этажа высотной жилой новостройки. Да уж, хмыкнула Полина, это вам не шикарный небоскрёб «ЭлТелекома» с собственными аллеями, газонами, парковкой и тренажёрным залом. Даже вон двор облагородить ещё не успели. Кроха-Bobcat, оглушительно тарахтя, кружил перед домом, разравнивая горы грунта.

Полина заранее погуглила - застройщиком здесь значилась компания отца Назаренко. Получается, работали они с сыном в альянсе, этаким семейный подряд: отец возводил новые микрорайоны по окраинам города и за его пределами, а Назар проводил туда интернет. Конечно, ведь в самом городе не пробиться: эту нишу давным-давно поделили меж собой гиганты - «Ростелеком» и «ЭлТелеком». Так что Назару с папой и тут повезло.

На счастье, Назаренко оказался на месте. И даже принял её сразу, хотя и узнал попытки с третьей. Обидно немного, она-то его признала тотчас, как только увидела в новостях, хоть он и подурнел. Ну и ладно. Зато когда наконец вспомнил, то прямо расплылся довольный. Собственно, он, и едва увидев её, выказал радушие, не то что Долматов. Оглаживал сальным взглядом почему-то не таких уж и голубых глаз. Потускнели, что ли? Или ей не так помнится?

По правде говоря, образ из воспоминаний и впрямь сильно отличался от Назара сегодняшнего. Даже недавно в телерепортаже он выглядел получше, не таким грузным и заплывшим. И что так распустился? Веки набрякли, щеки свисли, шея, поросшая рыжеватой щетиной, колыхается. А ведь ему всего двадцать пять! Разве так бывает?

- Ну, рассказывай, Польша, как ты? Как жизнь? Выглядишь - отпад! А давай-ка выпьем винца за встречу? Есть у меня бутылочка французского...

- Спасибо, Даниил, но отложим твоё французское на другой раз, ладно? - Полина подсластила свой отказ многообещающей улыбкой. Вино - это, конечно, хорошо. Но ей затем к Сашке, в больницу ехать, а Сашка не выносит запах алкоголя, ну и просто стыдно в таком виде в больницу заявиться. Да и не выпивала Полина уже сто лет. Как-то всё не с кем было, а в одиночку - только душу травить. Пробовала раньше, чтобы отвлечься, но наоборот - сразу раскисала, себя начинала жалеть, за Сашку пуще прежнего бояться. Это когда на душе легко и беззаботно, от вина порхать охота. А так - даже и поплакаться-то некому.

- Ну хотя бы кофе?

- Кофе - с удовольствием, - согласилась Полина.

Секретарша, пышногрудая и улыбчивая, принесла две чашечки ароматного кофе с круасанами.

«Вот это я понимаю секретарша, - подумалось Полине, - не то что та гримза Алина».

- Надо как-нибудь нам с тобой встретиться в неформальной обстановке, - предложил Даниил. - Может, в ресторан сходим? Или махнём куда-нибудь на выходные, а?

- Ну, можно, - улыбнулась Полина. - Только сейчас я, честно говоря, к тебе по делу.

- У-у, - деланно скуксился он, изображая досаду, - а я-то размышлял. Думал...

- Послушай, я по очень-очень важному делу, и если бы не крайние обстоятельства, я бы никогда тебя не побеспокоила.

- А вот это даже уже обидно.

- Да брось, Назарчик, - игриво засмеялась она. - Ты вон меня даже и не признал. Забыл совсем.

- Нет, ты что?! Помню! Всё помню! Ты же у меня была первая. Мужчины своих первых никогда не забывают.

- Женщины тоже.

Даниил расцвёл, и Полина решила - момент подходящий.

- В общем, Дан, у меня есть маленькая дочь. Ей всего три года. Она родилась с тяжёлым пороком сердца. Недостаточность аортального клапана. Год назад мы ей сделали операцию. Но нужна ещё одна и срочно, иначе... я думать даже не хочу о том, что может случиться. На операцию, как ты понимаешь, нужны деньги. Много денег. Девятьсот тысяч рублей. Взять кредит я пока не могу, я только сегодня на работу устроилась. А операция нужна срочно. Пожалуйста, Назарчик, одолжи мне эту сумму на некоторое время. Месяца на три. Можно под залог квартиры. Оформим всё у нотариуса, как положено... Потом я возьму в банке кредит и тебе отдам, а сама буду выплачивать с зарплаты...

Сальный блеск в глазах Даниила угас. Он нахмурился, покусал нижнюю губу, потом отвернулся к окну.

- Польша, я дико тебе сочувствую! Это реально ужас. Но понимаешь, какое дело, у меня нет таких бабок. Всё ведь в обороте. Я нал вообще практически в свободном доступе не держу, это невыгодно. Деньги должны работать. Поэтому вот беру только на пожить...

- Ну а взять и снять... или...

- Нет, ты не понимаешь, - горячо замотал головой Назаренко. - Если ты куда-то вкладываешь бабки, то ты не можешь их извлечь по первому желанию. Это просто невозможно.

- Но если бы тебе вдруг самому понадобились деньги, форс-мажор там какой или ещё что, неужто ты не смог бы их забрать?

- Да конечно, нет!

- И чтобы ты делал?

- У отца, у друзей попросил бы, - пожал плечами он.

- Ну, попроси! Я ведь верну! Я тебе даже больше верну, чем ты дашь...

- Да всё не так просто. Круг у меня серьёзный. Мне вот друзья скажут, что это за человек, почему мы должны ей давать такую сумму? Что я им скажу? Да это так, девчонка, с которой по пацанству гонял?

Было неприятно, но Полина решила не заострять внимание. Не это сейчас важно.

- Назарчик, миленький, я тебя умоляю, помоги мне спасти мою дочь! Я что угодно для тебя сделаю, только помоги с деньгами... - Голос дрогнул, глаза заволокло слезами.

- Слушай, Польша, ты давай не плачь. Мы вот как сделаем. Я поговорю со своими, отца попрошу, может он сумеет помочь. Окей? Ты мне свой номер оставь, я сегодня-завтра поговорю с отцом для начала и сразу тебя наберу. А сейчас прости, у меня дела.

Полина горячо поблагодарила Даниила, он кивал, улыбался, правда, как-то слегка натужно, как будто ждал, когда она наконец уйдёт. Ну, может, у него и вправду важные дела? Главное ведь, что не отказал в соучастии, обещал поспрашивать среди своих, поискать. А она так плохо про него думала все эти годы!

Время между тем подползало к четырём. Мучительно хотелось есть, но времени на перекус уже не осталось, надо было поторопиться к Сашке.

Глава 8

Глава 8

Алина принесла на подпись новую порцию документов. Ремир пробежался глазами. В основном, коммерческие предложения и ворох запросов сторонним операторам и провайдерам на наличие технической возможности.

Нет, они дураки там все, что ли? Что за идиот придумал рассылать эти запросы операторам? Так те и разбежались взять всё и выложить. Только свой интерес всем подряд покажем.

- Астафьев видел, что наваяли его технари? Почему не указан исполнитель? - спросил он секретаршу. Та пожала плечиками.

- Максим Викторович уехал час назад в Мегет, что-то там с узлом доступа. Сказал, что будет только к шести. Так что, наверное, не видел.

- Ясно, - Ремир тряхнул стопкой, - узнай, кто это состряпал и зови сюда.

- Хорошо, - кивнула Алина, затем прикусила нижнюю губу, как будто очень хотела что-то сказать, но не решалась. Даже уже повернулась к двери, но всё-таки остановилась и вкрадчиво спросила:

- Ремир Ильдарович, конечно, это не моё дело. Но та девушка, Горностаева, она что, будет у нас работать? Просто она так себя ужасно вела... совершенно невоспитанная девица и на...

- Конечно, это не твоё дело. Твоё дело сейчас выяснить, кто подготовил запросы и вызвать его ко мне. Исполняй.

Алина тотчас скрылась. Однако зерно сомнения заронить ей удалось. Да какое зерно заронить? Оно и так было с самого начала. А сейчас там уже целое поле колосилось. Зачем он только взял эту Полину? Почему не выставил вон? Ведь узнай кто, что у него к ней давние счёты и потому он принял её, можно сказать, уличную девку, в солидную компанию - это же позора не оберёшься. Но это сейчас, когда её рядом нет, когда она не забирается к нему взглядом под одежду, под кожу, в самую душу, трезво рассуждать легко. А при ней...

Ладно, решил он, теперь-то чего уже загоняться. Обратно не отыграешь. Просто поручит Штейн присматривать за ней, да и сам будет начеку, и чуть что сразу выпрет без всяких колебаний.

В дверь поскреблись, и на пороге возник Кушнарёв, из отдела инженерно-технических сооружений.

- Твои писульки? - Ремир швырнул запросы Кушнарёву.

- Максим Викторович сказал, - зачистил тот, бледнея, и, наклонившись, стал суетливо подбирать бумаги с пола, - выяснить техническую возможность на отрезке...

- У тебя мозг есть?! С Астафьевым я, конечно, поговорю, чтоб впредь таким дуракам инструкции давал как в детском садике, по шагам, а не просто ставил задачу и пускал всё на самотёк. - Он поднялся и вышел из-за стола, и Кушнарёв, который и так-то был ниже его ростом, инстинктивно съёжился, прижав к груди смятые листы. - Объясняю для тупых: нам надо заполучить во что бы то ни стало контракт с авиазаводом. Ибо в этот проект мы уже инвестировали кучу бабла. Но заключить с ними контракт можно только через торги, и в них будут участвовать разные другие операторы. Это ясно? Критериев отбора всего два: техническая возможность и цена. Наверняка известно только то, что техвозможность есть у нас и у «Ростелекома». С остальными - пока мутно. И вот как, по-твоему, эти операторы расценят наш запрос? Может, заодно ещё поинтересуемся, вот тоже так, официально, какую цену они, если что, предложат? Чего глазами хлопаешь? Марш к маркетологам и учись у них, как надо узнавать нужную инфу.

Кушнарёв подорвался на выход, едва стул по пути не опрокинув. Ремир досадливо поморщился. Ну что за команду подобрал себе Макс? Ни рыба ни мясо. Коммерсантов, мар-

кетологов, безопасников, экономистов и всех прочих он всегда принимал только сам. А вот технари, по негласному соглашению, были целиком и полностью аллодом Астафьева. Не то, чтобы он их совсем не трогал, но во всяком случае не увольнял без ведома Макса. А иногда и вовсе не увольнял, если Макс очень уж просил помиловать. Потому технари и жили в облегчённом режиме, ну и косячили больше всех остальных.

«И она сто пудов накосячит, - перескочили вдруг мысли сами собой. - Накосячит, и я её сразу же уволю. А вообще, тупо вышло, конечно».

Макс вернулся из Мегета вечером, сильно после шести. В офисе никого уже и не было, кроме Ремира и Алины. Той полагалось уходить только вместе с шефом, либо с его позволения. Впрочем, без особой надобности Ремир секретаршу не задерживал, но иногда попросту забывал отпустить, а она боялась спросить. Вот и сегодня Астафьев застал в приёмной Алину, тоскливо поглядывающую на часы. Он ей улыбнулся с тёплым сочувствием, она ему - с грустной благодарностью.

Ремир же сидел у себя, откинувшись в кресле и заложив руки за голову, и смотрел в одну точку перед собой невидящим взглядом.

- О чём замечтался?

- Да так, - пожал он плечами, выходя из задумчивой отрешённости. - Как Мегет?

- Теперь в порядке. Рем, тебе Алина ещё нужна?

- А она что, там?

Ремир включил селектор:

- Сделай Максу кофе и дуй домой.

- Да я кофе не хочу! - запротестовал Макс. - Мне бы чего покрепче.

- Помнится, вчера ты предлагал гнать Супрунову за пьянство, - хмыкнул Ремир.

- Я...

Тут вошла Алина с подносом, и Макс оборвался на полуслове, а когда за ней закрылась дверь заговорил вдруг совсем о другом.

- Ну что? Выбрал сегодня кого-нибудь?

- Троих, но оставляю только двоих, - расслабленность в лице Ремира тотчас испарилась. Между чёрными бровями пролегла складка.

- Одна из этих трёх случайно не смазливая шатеночка?

- А что? - тотчас ошетинился Ремир. Его вдруг почему-то уколола догадка Макса.

- Ясно, - коротко засмеялся тот. - Да я как увидел эту шатеночку, сразу подумал: Рем её не упустит. Не, ну а что? Красивая, спору нет.

- Ты серьёзно думаешь, что я по внешности работников отбираю? - начал заводиться Ремир.

- Ну, обычно нет. Но в её случае, - уже без поддразнивания сказал Макс, - я бы сильно удивился, если б ты мимо прошёл. Это ж твой излюбленный типаж.

- С чего это?

- Да у тебя все подружки на одно лицо, даже случайные. И вот она такая же.

Долматов смолчал, но было, вообще-то, очень неприятно. Ощущение примерно такое, словно со спящего резко сорвали тёплое одеяло. Спорить он не стал. Это выглядело бы совсем глупо. Хотя ему-то казалось, что Горностаева одна такая, похожих на неё он не встречал. И уж точно не стремился встретить.

В конце концов, Астафьев соблазнил-таки его отправиться по злачным местам.

Дорогие рестораны Макс недолюбливал, ему подавай шумные, весёлые кафешки с танцами, заводной музыкой и непритязательной публикой.

- Поехали в «Армению»?

- Только если там будет караоке - сразу уходим, - предупредил его Ремир и добавил чуть смущенно: - Ну и, если вдруг что, ты меня сдерживай.

- Караоке у них вроде нет, во всяком случае, я ни разу не слышал, чтобы там плохо пели. А вот насчёт тебя - облом. Я и забыл, что за тобой присматривать надо. Ты это, Рем, пей просто поменьше, ладно? А то я вообще-то тоже хочу расслабиться.

У Долматова с алкоголем сложились особые отношения. Пил он нечасто, но, как водится, метко. А главное, самой малости хватало, чтобы измениться до неузнаваемости. Всегда серьёзный, даже мрачный, выпив, он сразу же становился добродушным. Ну а после определённой стадии - и вовсе любвеобильным.

На первом с его участием корпоративе у всех сотрудников случился психологический шок - великий и ужасный, оказывается, умеет улыбаться. И комплименты дамам говорить, и танцевать, и пить на брудершафт, и даже целоваться. После этой стадии его обычно уводил Астафьев.

Некоторые рвались улучшить момент и воспользоваться временной слабостью шефа. Так, Супрунова однажды сбежала в отпуск, подсунув ему заявление. Но вообще, сильно никто не нагнул. Понимали же - он ведь потом протрезвеет.

Если уж Ремир совсем пускался в разгул, то вполне мог, например, проснуться в неизвестном месте и совершенно не помнить, как туда попал. Иной раз просыпался в компании с какой-нибудь красоткой и тоже не помнил, кто она и откуда. К счастью, такое случалось крайне редко. Но всё равно сегодня он дал себе твёрдую установку: пропустить пару бокалов пива и домой, домой. Чтоб никаких приключений. И без того через неделю день связиста* - он уже подписал счёт за аренду зала в «Ресторане охотников», где будет проходить корпоративный банкет. Ну и завтра ещё отработать надо как следует перед майскими праздниками.

* Профессиональный праздник сотрудников сферы телекоммуникаций отмечается 7 мая (День радио)

В «Армении» Астафьева встречали как родного, с распростёртыми объятьями - видно, постоянный клиент. Какой только снедью стол им ни заставили. И песню посвятили дорогим гостям. И глиняную бутылку с гранатовым вином принесли. Двумя бокалами обойтись, конечно, не получилось, и потому Ремира вскоре потянуло на прекрасный пол. Однако памятуя о том, как его задела слова Макса про излюбленный типаж, он специально высмотрел миниатюрную блондиночку. С ней и познакомился.

Однако утром проснулся в одиночестве, у себя дома. Макс на кухне гремел посудой. Увидев Ремира, беззлобно проворчал:

- Просил же тебя, пей поменьше. Весь кайф мне обломал. Какого-то чёрта засобирался вдруг на ночь глядя ехать в Новоленино. Еле тебя удержал. Кто у тебя там?

- В Новоленино? - опешил Ремир. - Никого.

У него и впрямь никто из друзей или даже просто знакомых там не жил, не живёт и жить не собирался. Зачем ему вообще туда? В самый дальний и неблагополучный район города. Что перепил - это понятно, но всё равно должна же быть какая-то логика, пусть сразу и незаметная. Чем-то же он всё-таки руководствовался? А потом вдруг в мозгу щёлкнуло: резюме Горностаевой, адрес, Новоленино... И внутри противно похолодело. Это вот он к ней, что ли, намеревался ехать? Просто больше вообще не к кому. Но зачем?! Он даже гадать не хотел зачем. Но сам факт ужасал.

- Мне нельзя пить, - произнёс он спёкшимися губами. - Вообще нельзя.

- Да не парься, Рем, в целом, ничего такого и не было. Наоборот, ты там блистал и всем нравился.

- А шома бас я не танцевал? - встрепенулся вдруг.

- Ну, что-то там танцевал, да... - улыбнулся Макс, - но у тебя здорово получалось, так что тут переживать не из-за чего. А вот когда мы уже такси вызвали, чтобы домой ехать, ты вдруг стал рваться в это дурацкое Новоленино. И главное, не говорил зачем. Хочу и всё тут. Мне пришлось девочек отправить, а самому тащиться с тобой к тебе.

Ремир оторопело покачал головой словно в ответ собственным мыслям. Потом резко схватил сотовый, проверил исходящие и с облегчением выдохнул - ну хоть не звонил и не писал, и то счастье.

Наблюдательный Астафьев и это засёк.

- Рем, ты что, запал на кого-то?

Долматов взглянул угрюмо и поморщился:

- Давай только вот без этого, и так тошнит. Нафиг я вообще тебя вчера послушал... Знаешь что, ты в следующий раз лучше Супрунову с собой бери. А я теперь даже седьмого на корпоратив не пойду. То есть пойду, конечно, но пить не буду, поздравлю только и всё. Я вообще больше пить не буду.

- Угу, все так говорят, - ухмыльнулся Астафьев.

Глава 9

Глава 9

Первый рабочий день начался уже неудачно. Вообще, ещё с вечера обнаружилось, а точнее, подтвердились опасения, что в её гардеробе нет ничего, что отвечало бы их дурацкому дресс-коду.

Полина перерыла всё, даже совсем старое, то, что носила ещё в институте - тщетно. К её удивлению, нашлась-таки одна белая блузка, но полупрозрачная и рукава фонариками. С длинным же рукавом - только ярко-красная туника и шёлковая цветастая кофточка с голой спиной. Юбок тёмных - ворох, конечно, но все коротенькие. Та же беда и с платьями, да и со всем остальным. Пожалуй, только капроновые колготки имелись из того, что озвучила противная секретарша.

Надо было, конечно, раньше хватиться, но когда? От Сашки Полина приехала очень поздно. На работу завтра к девяти. Никуда заскочить она не успеет, да она и не умеет так - хватать первое попавшееся. Надо же походить-повыбирать.

Как ни крути, а придётся нарушить чёртов дресс-код. Хоть и страшновато. Может, на первый раз её простят, хотя бы только сегодня, а там - майские праздники. Она непременно купит себе что-нибудь подходящее, строгое и унылое, как полагается. А пока на свой страх и риск надела полупрозрачную белую блузку с фонариками и юбку, коротковатую, конечно, но, между прочим, совсем чуть выше колена. Ну, самое приличное, что имелось.

За четыре месяца вынужденного тунеядства Полина и подзабыла, как это - ехать утром на работу. К каждой подъезжающей маршрутке ломилось сразу чуть не пятьдесят человек. Так и затоптать могли запросто. Вчера тоже было людно, но всё же не такая озверевшая орда. Время шло, народ не убывал. В конце концов, и ей тоже пришлось поработать локтями, чтобы втиснуться в очередную маршрутку. Удалось, но в этой толчее она обо что-то неосторожно зацепилась, и в результате на колене расплзлась огромная дыра. Пришлось по дороге с остановки заскочить в первый попавшийся двор и, спрятавшись в домике на детской площадке, снять рванные колготки и на работу идти голоногой, надеясь не попасться на глаза его сиятельству и ручной болонке его сиятельства. Так она окрестила секретаршу Долматова.

Первым делом, сразу с поста охраны её отправили в отдел кадров, оформляться. Правда, немного поплутала, пока ей не попался один из сотрудников, который представился Никитой и вызвался проводить до нужного кабинета.

- Здравствуйте! - звонко поздоровалась Полина.

- Опаздываем! - с ехидцей в голосе заметила женщина лет сорока пяти.

- Простите, пожалуйста, долго не могла найти ваш кабинет.

Женщина скривилась, мол, знаем-знаем. У неё были какие-то совершенно шальные глаза, отёкшее лицо и крупный красноватый нос. От женщины исходил запах простеньких духов с нотками мяты и перегара. Но зато она носила тёмное платье с глухим воротником и длинными рукавами. Полина прикусила язык, потому что чуть не высказалась насчёт ноток перегара.

- Меня зовут Наталья Владимировна Супрунова, я - начальник кадровой службы. А ты, так понимаю, Полина Андреевна Горностаева.

- Да, - кротко ответила Полина.

Супрунова осмотрела её с ног до головы и хмыкнула:

- Ремир пьяный, что ли, был, когда тебя на работу принимал?

Три девушки-сотрудницы отдела, что до этого молча копошились в бумагах, прыснули. Вопрос был явно риторический, но оскорбительный. Полина вспыхнула.

- Что вы имеете в виду? - уставилась гневно на Супрунову, но та пояснять не стала, лишь усмехнулась в ответ. Потом всучила ей бланк трудового договора, ещё какие-то бумаженции и кивнула на пустой стул.

- Читай, заполняй, подписывай. А сюда давай свои документы, Горностаева Полина Андреевна.

Это ж надо было так сказать, что собственное имя в её устах прозвучало как обидная насмешка! Полина метнула в Супрунову злой взгляд, но смолчала. Какие мерзкие тётки тут работают, подумала она. Секретарша, теперь вот эта...

Закончив с бумагами, Полина постаралась отдать их Супруновой с самым надменным выражением лица, какое только получилось скроить. Но та даже взгляда не удостоила. Уткнувшись в монитор, пробормотала:

- Теперь ступай к Штейн. Это твоя начальница. Завтра утром зайдёшь к нам за электронным пропуском. И учти, пропуск фиксирует время, во сколько приходишь и уходишь. Ремир это видит и за опоздания наказывает.

Коммерческий отдел занимал несколько помещений на втором этаже и большой зал на первом с отдельным входом с улицы.

- Это у нас называется центр обслуживания клиентов, - рассказывала начальница Оксана Штейн своим новобранцам во время вводной экскурсии. Директор, как оказалось, отобрал, помимо Полины, улыбчивого парня Артёма Берковича, которого она сразу про себя прозвала Додиком, и ту самую, симпатичную девушку всё в том же несуразном платье, она представилась Юлей Герасимовой. - Здесь у нас работают Таня, Нина и Катя. У них наши абоненты могут получить консультацию лично, выяснить любые интересующие вопросы или решить проблемы, если таковые имеются... Сейчас просто праздники на носу, а вообще девочки зашиваются. Особенно в конце квартала.

Просторный зал центра обслуживания пересекала поперёк высокая стойка, за которой и трудились Таня, Нина и Катя. Может, они и зашивались, но пока просто сидели перед мониторами в большом пустом зале.

Затем Оксана проводила их на второй этаж.

- Здесь у нас сидит расчётная группа, они следят за дебиторской задолженностью. А напротив, - она распахнула дверь в такой же большой зал, но условно поделённый на квадраты - рабочие места, - трудятся в поте лица наши продавники. Что касается вас, сначала вы будете выполнять самую общую и простую работу и учиться-учиться-учиться, а там уж я решу, кого из вас куда сажать окончательно, ну а с кем мы попрощаемся. А пока...

Оксана оглядела всех троих и вынесла решение:

- Ты, - ткнула она в симпатичную девушку Юлю, - будешь сидеть внизу, в центре обслуживания. А вы двое посидите с продавниками. Вот у нас тут есть Лиза, по всем вопросам к ней. Когда меня нет, она - за меня. А я побежала, у меня дел ещё - хоть разорвись. Но если что звоните. Мой кабинет - соседний слева.

На пороге она повернулась и обратилась уже к Лизе:

- Ты давай, познакомь их со всеми и вводи в курс дела. Можешь давать какие-нибудь несложные поручения, но контролируй. И если что - тоже звони.

Дородная, пышногрудая, с густой огненной гривой Лиза выглядела полной противоположностью Оксаны Штейн, щуплой, невысокой, с короткой стрижкой и вообще больше похожей на мальчика.

Лиза невнятно и быстро назвала двух других девушек, небрежно махнув в их сторону пухлой ручкой и принялась рассаживать новеньких. Полину отправила за пустой стол практически у самого входа, а улыбчивого Берковича усадила по соседству с собой и почти сразу

принялась кокетничать. Но так неуклюже и бесхитростно, что Полина едва сдержала усмешку. Однако этот мимолётный порыв перехватила одна из двух девушек и понимающе улыбнулась, а потом представилась:

- Я - Анжела. Может, пойдём покурим? - негромко позвала она, прихватив с собой папку-скоросшиватель.

Полина вообще-то не курила, но страсть как хотелось порасспрашивать кого-нибудь: как тут вообще, что за люди работают и, главное, какой он из себя, этот красавчик-босс. Его жгучий взгляд до сих пор волновал кровь.

Импровизированная курилка находилась в цоколе. Любители табака и уюта умудрились обустроить её по максимуму. Во всяком случае, если не смотреть на кирпичные стены, то антураж был вполне. Вокруг журнального столика, посреди которого стояла массивная глиняная пепельница, располагались кресла из кожзама. Для тех, кто любил этот процесс смаковать в одиночестве, стоял в дальнем углу диван. Ещё и репродукцию Босха кто-то придумал повесить на стену.

Полина в первый момент закашлялась, хоть в курилке и было пусто, но табачный дух так и плотно въелся в воздух, что горло сразу же нещадно запершило.

Анжела вынула из кармана розовую пачку Vogue. Щелчком выбила одну длинную тоненькую сигарету, вопросительно взглянула на Полину, затем предложила и ей.

- Не, я не курю.

- А зачем тогда...?

- За компанию.

- А-а, ну, компания - это хорошо, - кивнула Анжела, поднося зажигалку. Затянулась со вкусом, выпустила облачко дыма. - Вообще-то, Ремир нас дрочит за курение в рабочее время. Как бы можно только в обед. Ну, у него вообще бзик на этот счёт. Бесится дико, если кто-то филонит. Чаёк там попить, с коллегами потрепаться среди дня - у нас такого нет. Зря улыбаешься. Советую, как можно дольше не знать, какой он в гневе. И вот нас бы сейчас за этот перекур он точно казнил. А заодно и Штейн, и Стоянова. Штейн ты видела, а Стоянов - наш коммерческий.

- В таком случае символично, - кивнула Полина на «Страшный суд».

Анжела равнодушно мазнула взглядом по картине и продолжила:

- Но на наше счастье, Ремир сюда почти никогда не спускается. Не выносит запах табака. И мы этим бессовестно пользуемся.

- Что-то незаметно, - Полина обвела взглядом пустую курилку.

- Просто не все такие смелые, как мы, - хохотнула Анжела.

- А если тут такие жёсткие условия, почему тогда все продолжают работать, не ищут где получше?

- А где получше? Тут во всяком случае платят хорошо и вовремя. Зарплата белая. Соцпакет, все дела. Ну а то, что Ремир жилы из нас тянет, знаешь, тоже можно понять. Это ж его компания, собственная. Он её с руин, считай, поднял. Был бы мягкий и добрый, нифига бы у него не вышло. Те, кто давно тут работает, рассказывают, что раньше эта компания принадлежала его отцу. Он её лет двадцать назад основал с нуля. Потом трагически погиб, разбился на машине. Ну а завещал всё сыну. Только Ремир тогда ещё пацаном был, и компанией управляли его мать и отчим, ну и директора: коммерческий, финансовый, административный и вот наш Макс Астафьев, технический. Ну, как управляли? Только бабки тратили, воровали внаглую и для компании вообще ничего не делали. Кроме Макса. Он бился, как мог, чтоб компания не развалилась. Но что он один сделает против них всех? Но хотя всё равно кое-что всё же сделал. Говорят, если б не он, вообще сто пудов обанкротились бы. Ну а потом во владения вступил

Ремир и устроил кровавую баню. Если что, это фигурально, - уточнила Анжела. - Но вообще, поувольнял всех с треском, у прежнего коммерческого отжал всё, что тот нажил непосильным трудом, финансового и административного вообще посадил. И ещё года два всех здесь кошмарил, пока всё ни заработало, как надо, потом постепенно успокоился. Отчима буквально без штанов оставил, никто не знает даже, где он теперь. Но Виктор Романович, это сейчас наш административный, а раньше, при отце Ремира, он кем-то вроде завхоза был. Так вот он уверяет, что видел его отчима на станции в каком-то Мухосранске, пьяного, оборванного, зачуханного, и в компании таких же забулдыг. Мать свою Ремир тоже выселил куда-то за город, коттеджик её прикупил недешёвенький, но заставил развестись и запретил снова замуж выходить или типа содержать её не будет.

- Нифига он жестит!

- А то! Короче, разобрался со всеми. Но зато, видишь, вместе с Максом как поднял компанию.

- А какой он вообще?

- Кто? Ремир? Что, на лицо понравился? Забей. Дохлый номер.

- Женат? - спросила Полина, а сама почему-то напряглась в ожидании ответа.

Анжела затаилась, затем качнула головой.

- Нет. Он просто биоробот. И для него, по-моему, в принципе не существует гендерных различий. Мужчины, женщины - пофиг. Мы все для него - рабы на галерах, которые должны пахать без устали. Ну вот разве что за зарплату нормальную. Алинку, секретаршу его, спроси, сколько раз она к нему подкатывала. Он её, как женщину, в упор не замечает. Хотя она же такая симпатная, на Мэрилин Монро похожа, другой бы сто раз воспользовался. А наш... Знаешь, если бы я не видела его выпившим, то вообще решила бы, что он не человек. Шучу, конечно, но правда, на корпоративах его как подменяют. Кстати, в следующую пятницу у нас будет корпоратив по поводу дня связиста, и у тебя будет возможность лицезреть вторую, тайную сущность нашего Ремира, которая проявляется только когда он... - Анжела щёлкнула себя по шее. - Но это бывает, к сожалению, три раза в год. А в остальное время он реально стальной киборг - ни чувств, ни эмоций, нифига...

Плохо она знает своего босса, подумала Полина, вспомнив, как тот вчера смотрел на неё.

- Пойдём работать, что ли? Не хочется, конечно, но надо, - вздохнула Анжела, придавливая окурки в пепельнице. - Сейчас, главное, идти осторожно и прислушиваться... чтоб не попасться... А если вдруг что, - она потрясла папкой-скоросшивателем, - мы ходили по делам. Кстати, тебе про дресс-код не сказали? - спохватилась она, оглядев Полину.

- Сказали, я только сегодня так...

Лиза встретила Полину многозначительным взглядом, мол, где тебя носит, тунейда.

- Вот тебе задание. - Она грохнула на стол перед Полиной высоченную стопку документов. - Всё это надо откопировать, застеплерить и подшить в папку регистратор. Ясно?

Уж что-что, а копировать Полина умела. Правда, тут надеялась выполнять работу посерьёзнее, но это ведь только первый день.

Ровно в час все подорвались обедать. Лиза позвала Артёма Берковича составить ей компанию, а Анжела утянула за собой Полину.

- У нас вообще-то на первом этаже есть кофе-бар. Там только бутеры, салатики, ну и пироженки всякие. Местные дамы туда, в основном, обедать ходят. А мужики бегают в кафе через дорогу, там очень приличный бизнес-ланч всего лишь за двести пятьдесят рублей. Предлагаю пойти в кафе.

- Давай, - пожала плечами Полина, хотя для неё сейчас двести пятьдесят рублей за обед - это совсем не «всего лишь».

Кафе было Полине уже знакомо - здесь она вчера коротала время до собеседования и не знала тогда, что на следующий день придёт снова, но в другом качестве. Брать бизнес-ланч она не стала, хотя Анжела уверяла, что это вкусно. Ничего, заценит здешнюю кухню позже, когда получит зарплату, а пока можно обойтись и овощным салатиком.

- Зря отказалась, солянка - вообще объедение!

- Салат тоже ничего, - улыбнулась Полина.

- На Лизу внимания сильно не обращай, - без всяких логических переходов сообщила Анжела. - Штейн оставляет её за себя, когда уходит в отпуск. А в другие дни, она - такая же, как мы. Но побывав и.о.*, наша Лиза уже не может выйти из роли, вот и строит из себя важную начальницу. Смешно просто. Будет тебя сильно доставать, смело шли её лесом, дуру эту. Думаешь, почему Оксана её за себя оставляет? Потому что Лиза перед ней выслуживается и на нас стучит. Знаешь, как её у нас в отделе прозвали? Лизун или Лизунья. А ты видела, как она распушила хвост перед новеньким мальчиком? Позорище...

Вообще-то, Анжела ей понравилась. Девушки редко когда выказывали к ней расположение. И выглядела она на все сто, ухоженная, стильная. Длинные иссиня-чёрные волосы собраны в тугой хвост. Макияж - безупречный. В ушах - белое золото с крохотными бриллиантками. Даже тёмно-серое платье, вроде совсем простое, смотрелось на ней дорого.

Весь обед Анжела мыла кости Лизе. Видимо, накопилось. Полине даже стало жалко эту Лизу, но ненадолго. Как только они вернулись в офис, та накинулась на неё с претензиями:

- Я тебе поручила самую простую работу! Для дураков. А ты даже с этим не можешь справиться. Только половину сделала! У нас рабочий день не двадцать часов. Шевелиться надо и всё делать быстро.

Беркович при этом откровенно балду пинал и, конечно же, улыбался, но это Лизу несколько не раздражало. Анжела подавала мимикой знаки, мол, лесом её шли.

- А у Артёма какое задание? - спросила она Лизу.

- А твоё-то какое дело? - взвилась Лиза.

- Просто он сидит и дурью мается, а я полдня стою у копира. У меня уже ноги отваливаются.

- Он базу клиентов изучает!

- А можно я теперь буду базу изучать, а он покопирует?

- Это мне решать, кому и чем тут заниматься!

Лиза воинственно подпёрла бока руками и двинулась на Полину.

- Что тут за крики? - раздалось за спиной. Оксана Штейн.

- Она работать отказывается, - заявила Лиза.

- Это не так! - выпалила Полина. Ей хотелось, конечно, повозмущаться, но жаловаться начальнице на Лизу, на несправедливость, на уставшие ноги и монотонное, тупое задание, растянувшееся на много часов, было бы глупо. Только себя показала бы скандалисткой и лентяйкой. Так что с гонором лучше пока повременить. Тем более когда ты на испытательном сроке. Поэтому она, мило улыбнувшись, спокойно продолжила: - Я просто хотела попросить Лизу дать мне ещё какое-нибудь задание, помимо копирования. Вот и всё. А работать мне очень даже нравится.

В подтверждение своих слов она изобразила смирение и с показным усердием принялась дальше копировать и степлерить. Закончила без четверти шесть.

- На вот, - Лиза всучила ей ещё стопку, правда, тоненькую.

- Тоже копировать? - с трудом сдерживая раздражение, спросила Полина.

Лиза взглянула на неё, как на умственно-отсталую.

- В приёмную отнеси. Отдай секретарю, скажи - директору на подпись. Ясно?

Идти в приёмную совершенно не хотелось, но возражения, очевидно, не принимались.

«Быстро заскочу, суну секретарше бумаги и бегом прочь. Домой!».

* и.о. - исполняющая обязанности

Перед дверьми приёмной Полина вдруг разволновалась. Увидеть его, этого Ремира, и хотелось аж до замирания, и было боязно. А вот с его секретаршей она вообще с удовольствием больше никогда бы не встречалась. Тем не менее войдя, она вполне дружелюбно поздоровалась. Но Алина вместо ответного приветствия смирив её недовольным взглядом и уже собиралась высказать явно что-то малоприятное, но застыла.

Полина услышала за спиной шум, звук шагов, мужские голоса. Она не видела, кто вошёл в приёмную, не оглядывалась, но тотчас почувствовала - среди них есть он. Сердце пропустило удар, а внутри уже проснулась знакомая дрожь.

- Может, просто прижучим этого наполеона, а? - спросил кто-то. Не он.

- Потом об этом поговорим. - Он! Его голос! Низкий, волнующий, с хрипотцой. Спину её, плечи, руки тотчас подёрнуло мурашками. Между лопаток зажгло - наверняка от его взгляда. «Поздороваясь и сразу уйду».

Закусив нижнюю губу, Полина обернулась и утонула в чёрных жгучих глазах. Он и впрямь смотрел на неё. И мысли все до единой исчезли, а в голове точно вакуум образовался.

- Бумаги ваши давайте! - услышала она раздражённый голос Алины, однако не сразу поняла, о чём та, к кому обращается, какие такие бумаги требует. А потом он отвёл взгляд, и морок спал. Вернулись мысли, вернулось осознание реальности. Она сунула секретарше стопку, которую сжимала крепко-крепко, и направилась на выход. Только вот пройти надо было мимо него, а он, даже не глядя в её сторону, излучал настолько мощное поле, что стоило приблизиться, как организм вновь начинал сбивать: трепетать, слабеть, наполняться жаром.

На ватных ногах она всё-таки дошла до двери, когда он остановил её:

- Полина Андреевна, вам вчера объяснили насчёт дресс-кода?

Она развернулась - он смотрел на её ноги. Неторопливо оглядел лодыжки, колени, голые руки. Полина почувствовала, как зарделись щеки и вопреки воли внутри разлилось тепло. Затем он поднял глаза и придавил её тяжёлым, тёмным взглядом.

- Я всё вчера ей объяснила, Ремир Ильдарович, - подала голос Алина. Он на неё не отреагировал, потому что и так это знал. Вопрос его был просто преамбулой к унижительной отповеди.

- Вы к нам зачем устроились? Прелести свои демонстрировать? Если так, то вы явно ошиблись местом. Для этого есть другие заведения. А здесь шлюховатый вид неуместен...

Шок, видимо, оупяет. А как ещё объяснить, что она не могла ни звука вымолвить, ни с места сдвинуться, ни даже глаз отвести? Его слова били наотмашь, ранили до крови. Хотелось съёжиться, закрыть уши, убежать прочь, но она стояла, точно остолбенев, и всё это выслушивала, плавая под его взглядом. Потому что взгляд его совершенно не соответствовал словам. Потому что взгляд его горел такой всепоглощающей страстью, что дух захватывало и будило самые стыдные мысли и желания.

Неконгруэнтность*, вдруг вспомнилось из психологии.

- Рем, девушка уже всё поняла, идём, - вмешался второй мужчина. Он и вчера был здесь, припомнила Полина. Господин Долматов наконец отвёл взгляд.

Полина как ошпаренная выскочила из приёмной. Её так и колотило всю. За что он так с ней? Ну да, нарушила какой-то дурацкий дресс-код. Но эта же сущая мелочь, чтоб вот так... на людях... Обидно, больно до слёз. И она бы точно разрыдалась, если бы никого кругом не было и если б он при этом так на неё не смотрел.

Расстроенная, но ещё больше обескураженная, Полина вернулась на второй этаж, безразлично выслушала от Лизы комментарии по поводу своей расторопности, затем получила доз-

воление идти домой и спустилась в холл. Там её окликнул тот самый мужчина, который утром проводил её в кадровую службу. Правда, сама Полина его не узнала - все они здесь выглядели одинаково, пока не приглядишься: костюмчики, галстучки, прилизанные причёски. Как тут кого запомнишь? Но он не обиделся, сообщил, что он Никита из отдела программирования и даже предложил подвезти, куда нужно.

После встречи с директором ноги её еле держали, так что Полина приняла его предложение с благодарной улыбкой.

Неконгруэнтность* - несоответствие, даже противоречие, например, мимики и слов.

Глава 10

Глава 10

Поход в «Армению» здорово выбил Ремира из колеи, начиная уже с того, что на работу они с Максом заявили на полтора часа позже положенного. Хотя он взял себе за правило по возможности не опаздывать. При всём при этом если Астафьев был бодр и энергичен, как будто и не он вчера хлебал гранатовое вино как воду, то Ремира так и тянуло в комнату отдыха прикорнуть.

До обеда он ещё кое-как продюжил, а потом закрылся у себя и, скинув туфли, растянулся на диване. Доспал недоспанное, и вроде полегчало. Но всё равно и после обеда из кабинета не выходил - ордонансы рассылал по почте, контролировал по телефону и даже встречу с директором «Экспресс-доставки» перенёс на после праздников.

Уже в конце дня от Касимова прилетело по электронке сообщение с копией коммерческому директору. Неутомимый Астафьев как раз заскочил с какой-то новой идеей по развитию сетей.

- Подожди минуту, тут депеша от маркетинга пришла. - Ремир кликнул по конвертику.

«Уважаемый Ремир Ильдарович, по поводу оттока трафика двух наших VIP-клиентов удалось выяснить следующее: и «СУОЛ», и «Облмаш» частично перешли к оператору «Сарма-Телеком». Оператор на рынке совсем недавно, а именно в ЕГРЮЛ зарегистрирован всего год назад. Окучивает, в основном, новые жилые комплексы за пределами города. Каналы арендует у «Ростелекома». Генеральный директор «СармаТелеком» -Назаренко Даниил Романович...».*

Ремир на мгновение подвис, неотрывно глядя в монитор. Это ведь наверняка он. Чёртов Назар.

Ремир набрал его имя в поиске, и Гугл с готовностью вывалил уйму ссылок, в том числе и с фотографиями. Точно - он. Только какой-то вид у него неважнецкий. Заплывший весь, плешивый, лет на десять старше себя выглядит. Но он это! Сомнений никаких.

- Что такое? - обеспокоился Астафьев.

- Ничего, - задумчиво ответил Ремир, просматривая результаты поиска.

Ну и как это понимать? Откуда он только выполз? Сарма, блин, телеком! Почему он вообще сунулся в связь? Его же отец строительством неплохо занимался.

- Просто у тебя такое лицо сделалось...

Но Ремир пропустил замечание Макса мимо ушей. Странно всё это, думал он. И даже как-то подозрительно. Три дня назад вдруг появилась ниоткуда Горностаева. Сегодня - Назаренко. Не слишком ли много приветов из прошлого за столь короткое время? В банальное совпадение верилось с трудом. А если ещё принять во внимание грядущий тендер и випов, уплывающих из-под носа, картина складывалась малоприятная. Во всяком случае, тут было, о чём призадуматься.

Ремир велел Алине немедленно вызвать Касимова и Стоянова. Коммерческий явился сразу, он сидел на этом же, седьмом этаже. А спустя пару минут пришёл и начальник отдела маркетинга.

- Откуда сведения? - кивнув на экран монитора, Ремир обратился к Касимову.

- У меня одноклассник - менеджер по продажам в СУОЛе. По моей просьбе всё выяснил. «СармаТелеком» вышли на них два месяца назад и сразу перебили нашу цену. Самое интересное, что они как будто точно знали, что именно им нужно, как, в каких объёмах, в

общем, предложили всё то же, что даём мы, но на пять процентов дешевле. С «Облмашем» после этого разговаривал уже я сам, вот, буквально час назад. Та же ситуация. Но есть ещё кое-что. В «Алюкоме» работает мой... ну неважно... в общем, родственник. Я вот прямо сейчас звонил ему - оказывается, и туда пришло коммерческое предложение от той же «Сармы». И предлагают они снова не наобум, а именно то, что тем нужно, и опять же на пять процентов дешевле. Но у них там, в «Алюкоме», всё сложно с договорами, поэтому они сказали, что до конца года ничего менять не будут.

Ремир нахмурился. Это, вообще, нонсенс, чтобы какой-то мелкий, недавно вылупившийся оператор вёл себя настолько нагло и агрессивно. Это там какие капиталы и связи должны стоять, чтобы вот так борзеть?

- И что это за наполеон такой у нас выискался? - включился в разговор Астафьев. Ремир повернул к нему монитор.

- Назаренко... Назаренко... Что-то знакомая фамилия. А не он директор «Сибстроя»?

- Он, - мрачно кивнул Ремир, - а это его сын.

- Да-да, «Сарма» предоставляет интернет как раз во всех жилых комплексах «Сибстроя», - подхватил Касымов. - Но я не пойму, как они на наших випов вышли с таким ювелирно-точным предложением.

- Да что тут непонятного? - хмыкнул Астафьев. - Ясно же, кто-то им сливает их. Вообще, Рем, надо срочно узнать, кто. Иначе ведь и тендер с Авиазааводом сольют.

- А ты чего молчишь? - Ремир повернулся к притихшему Стоянову. - Тебе, мать твою, не о баттлах в танчиках надо было думать, а о том, что творится в реале. Это вот всё твои клиенты. Ты их отработал, а теперь они уходят. И ты даже не в курсе. Мне зачем такой коммерческий? Вон Касымов, оказывается, куда шустрее.

- Ремир Ильдарович, я завтра же, ну то есть, после праздников с ними проведу переговоры. Я... я в хороших отношениях с их руководством.

- Всё. Ступайте, мне подумать надо.

Стоянов и Касымов тотчас удалились. Макс остался, но с разговорами не лез. Молча прохаживался вдоль полок, почти полностью занимавших одну из стен. Разглядывал статуэтки, кубки, сувениры, книги, как будто впервые видел. На самом деле просто знал, что когда Долматов вот так замыкается, лучше его не тормозить. Когда созреет - скажет сам.

Ситуация и впрямь вырисовывалась препаршивая. Даже если б то был не Назар, а любой другой, кто угодно. Ну а тут и вовсе - просто пакость, а не ситуация.

Но больше прочего тревожила всё та же навязчивая мыслишка: «Почему Назаренко и Горностаева появились у него на пути практически одновременно?».

А вдруг они до сих пор вместе, и она - этакая Мата Хари?

Но... он сам ведь её выбрал, из огромного списка, причём наткнулся случайно. Они же не могли знать заранее, что он выберет именно её. Да и випов, если кто и слил, то уж точно не она, а тот, кто здесь работает не первый месяц.

И всё же в свете всей этой ситуации Горностаева теперь внушала ещё большее подозрение. И собственная выходка взять её на работу для непонятного даже самому себе куража выглядела совсем уж идиотской.

Оксана Штейн сегодня отчиталась, что все трое явились вовремя, осваиваются. Надо бы ей сказать, чтобы ничего такого Горностаевой не доверяла. Пусть бумажки перекладывает неважные или ещё какой-нибудь рутиной занимается, но чтоб никакого доступа к документам, что несут коммерческую тайну.

Он снова открыл её резюме. Тут на фото она выглядела иначе - моложе, задорнее. Интересно, в чём она сегодня заявила на работу? Что-то он забыл спросить об этом у Штейн.

Может, поручить безопасникам пробить её? Во всяком случае, тогда он будет знать наверняка, есть у неё связь с Назаренко или нет.

С кем у неё там связь, ему, естественно, плевать, рассуждал он. Это просто важно для бизнеса, а так - ничего личного. Хотя с Назаренко трудно обойтись без личного, даже несмотря на то, что когда-то он уже отомстил ему за унижение. Отомстил-то, правда, по-детски. Ну так и лет ему тогда было сколько? Едва восемнадцать стукнуло. На большее ума ещё не хватило.

Тогда, спустя два года, после истории в «Голубых елях», Ремир отыскал Назаренко. К счастью, отыскать его оказалось проще пареной репы - спасибо всё тем же соцсетям. Тот постил себя в большом количестве и во всех ракурсах. Информацией делился менее охотно, но всё же основное Ремир извлёк - Назар учился на юридическом и как раз перешёл на третий курс. Пришлось, правда, пару дней покараулить впустую, но на третий раз удача улыбнулась. Уже на подходе к институту, Ремир увидел его в окружении сокурсников - двух парней и трёх девочек.

Назаренко его не узнал сначала. Хлопал недоумённо глазами, посмеивался, оглядываясь на свою компанию. Конечно, за два года Ремир сильно вырос, стал выше него, к тому же раздался в плечах, окреп. Сказались и усиленные тренировки каратэ кёкусинкай.

- Да ты не парь мне мозг, - хохотнул Назаренко. - Ты скажи прямо, кто ты и что тебе от меня надо.

Ремир отхлебнул из банки колу и тихо произнёс:

- Маугли.

И тот сразу же вспомнил, правда вглядывался несколько секунд недоверчиво, на шрам под глазом пялился, но всё же вспомнил, признал - Ремир видел, как менялось выражение его лица. Всю гамму наблюдал - от удивления до замешательства и страха.

Назаренко он тогда попросту избил. Ну, хорошенько так избил. А потом на него, скрюченного на земле в позе эмбриона, вылил остатки колы. Досталось и двум его друзьям. Их вообще-то трогать не хотел - те просто под горячую руку подвернулись, кинулись на помощь приятелю.

Тренер всего этого крепко не одобрил бы, но было плевать. Этот момент он долго вынашивал. Да и не впервой ему нарушать заповеди каратиста, точнее, гибко истолковывать.

Так, например, он разобрался и с новыми одноклассниками, которые взяли в моду поджидать его после уроков и бить толпой. Это у них называлось «прописка». И отчиму наваял от души при первой же возможности. Тот ведь убедил мать, что не стоит тратиться на дорогую гимназию, когда можно отдать пацана в обычную школу и плевать, что тем самым они пустили коту под хвост все минувшие годы учёбы, кучу денег и, самое главное и самое прискорбное, лишили его возможности попасть на САФ**, куда иначе просто не пробиться. Опять же отчим наускивал мать спускать капиталы в трубу и жить на широкую ногу вместо того, чтобы развивать технологии, и в итоге едва не довёл компанию до ручки. Он не давал встречаться с отцовскими родственниками и распродал за бесценок фамильную коллекцию старинного оружия - гордость отца. Да много всего было. И если бы не Астафьев, который всегда оказывался рядом в самый нужный момент, то Ремир, наверное, совершил бы что-нибудь непоправимое.

Макс, кстати, и отвёл его на каратэ, заметив непроходящие синяки, и даже платил федерации из собственного кармана, потому что мать и тут с подачи Толика наотрез отказалась от лишних трат. Впрочем, Макс, пацифист по природе, тоже не одобрил бы таких методов. Так что ему Ремир про Назара никогда не рассказывал.

* ЕГРЮЛ - единый госреестр, где регистрируются все юридические лица

** САФ - Сибирско-Американский факультет Госунивера, жутко престижный, где взращивают топовых менеджеров и управленцев.

После того случая они встречались с Назаренко ещё раз, случайно, на Байкальском экономическом форуме. Оба друг друга узнали мгновенно, и оба сделали вид, что друг друга не знают.

Назаренко тогда, помнится, был юристом у своего отца, и вот какого чёрта его вдруг в связь потянуло?

Последнюю фразу Ремир, оказывается, произнёс вслух, потому что Макс тут же отозвался:

- Ты про этого Назаренко? Что, знакомый твой?

- Виделись.

- И что за тип?

Ремир скривился. Макс понимающе хмыкнул.

В животе вдруг протяжно заурчало.

- Голодный, что ли? - усмехнулся Макс.

- Ну, есть немного... я обед продрых.

- Так пойдём в кофе-бар спустимся?

- Можно.

Они вышли в приёмную.

Сразу, сию секунду возникло то же удушающее, напряжённое чувство. Будто в воздухе застыло предощущение грозы и бури, ну или ещё чего-то такого же, стихийного и неконтролируемого.

И точно - рядом со стойкой Алины стояла она, Горностаева. Ремир тотчас утратил нить разговора, и вообще забыл, куда они направились, зачем... Уйти бы скорее, от греха, но нет, зачем-то остановился. Уставился ей в затылок, в спину.

Под полупрозрачной тканью явственно просвечивала кожа, позвонки, тонкие бретельки. Во рту мгновенно пересохло. Еле смог от неё отвлечься, повернулся к Макс, а у самого взгляд заволокло, мыслей здравых - ни одной. Астафьев перехватил взгляд, посмотрел на Полину и сразу расплылся в улыбке «ну-я-же-говорил-я-же-так-и-знал».

Вот эта улыбка и привела Ремира в чувство, отрезвила, словно пощёчина.

- Полина Андреевна... - позвал её.

Голос звенел сталью. Ну хоть голосом владел, слава богу.

Только дёрнул же чёрт на ноги её зачем-то посмотреть. Она повернулась и, конечно же, увидела, куда он так пялится... И всё равно лишь раза с пятого получилось оторвать взгляд от её ног, чтобы тотчас увязнуть в глазах. Однако невероятно, но факт - сумел же при этом высказать всё, что хотел.

Вообще, он сам не мог объяснить, почему вдруг захотелось причинить ей боль именно сейчас, именно вот так. А почему, собственно, нет? Рассуждал он, пока ехал с Максом в лифте и рассеянно кивал его словам, смысл которых почему-то не улавливался.

Во-первых, ведь изначально так и планировалось. А во-вторых, любой своей сотруднице он тоже выдал бы отповедь в подобной ситуации. Правило есть правило, и нарушать его не могли. Ибо с такой малости всё и начинается: сегодня человек приходит в чём вздумается, завтра опаздывает, послезавтра появляются мысли: "И так сойдёт". А печальный итог этой расхлябанности ему уже известен.

Так что да, любого бы за подобную вольность он однозначно отчитал. И никаких там угрызений совести и прочей глупости ни на секунду не почувствовал. Тут же почему-то неотвязно и противно свербело ощущение, будто поступил он как-то некрасиво, мелочно, что ли.

Хотя если разобраться - ну ведь прав. За дело ведь, а не просто так. Он ещё, можно сказать, подбирал выражения - вот именно ей хотелось и не такое выдать, а всё равно на душе было муторно. И муторно - это ещё полбеды. Уж с совестью своей он как-нибудь договорится. Настораживало другое.

В тот момент он увидел в её взгляде не страх, что наблюдал тысячу раз у всех, кого распекал, и не призыв, полный бесстыдства, как вчера на собеседовании, а нечто иное, чему дать название он даже и не мог. Но вот это иное неведомым образом проникло в него, засело где-то в груди, да и в мыслях тоже, и томило теперь пуще прежнего, не давая покоя. Почему она так на него смотрела?

Бар внизу оказался уже закрыт, и Макс заманил Ремира в кафе через дорогу. Взяли по солянке и по плову.

- Это она в Новоленино живёт? - спросил вдруг Астафьев.

Ремир хотел было ответить резко, потому что терпеть не мог посягательств на своё внутреннее пространство, даже со стороны Макса. Но тут увидел в витражное окно Горностаеву вместе с программистом, Никитой Хвоцевским.

Оба прошли на парковку, сели в его «Чайзер» и укатили.

- Суп-то остыл уже, - заметил с усмешкой Макс.

Ремир отбросил ложку и поднялся из-за стола, припечатав его взглядом.

- Куда ты? Садись ешь...

- Аппетит пропал, - процедил он и вышел из кафе.

Глава 11

Глава 11

- Куда едем? - спросил Полину Никита с улыбкой заправского обольстителя.

- В детскую больницу на Гагарина, - оставляя посыл без должного внимания, ответила Полина.

Никита скроил гримасу то ли сочувственную, то ли недоумённую. Понятно, что его одолевали вопросы, задать которые он не решался. Поэтому, чтобы не ходить вокруг да около, Полина сама решила прояснить ситуацию:

- У меня там дочь лежит. В кардиохирургии.

- Мне жаль, - вполне искренне произнёс Никита, но интерес в его глазах сразу потух.

Но главное - до места довёз. И очень хорошо. Полина переживала, что на дорогу уйдут драгоценные минуты, и с Сашкой совсем мало удастся побыть. Жаль лишь, что врача она уже не застанет.

Каждый визит в больницу, неважно, какой по счёту, выкачивал из неё все силы, опустошал полностью. Смотреть на Сашку было невыносимо, и привыкнуть к этому никак не получалось. Всякий раз - словно бритвой по сердцу. И отчего-то особенно рвала душу тишина. И Сашуля, и другие крохи в её палате никогда не плакали. Страдали молча. И эта тишина казалась пугающе противоестественной.

Ещё и от Даниила ни слуху ни духу. Прошли уже сутки, и последние часы она ждала звонка ежеминутно. Постоянно проверяла телефон - не сел ли. Несколько раз порывалась набрать его сама, но одёргивала себя: зачем человеку надоедать? Ведь если б был результат, он бы уже сам позвонил. Однако же как трудно давалось это терпение.

Домой добралась опять к девяти и опять совершенно вымотанная. Сил хватило только на то, чтобы принять душ, затем соорудить бутерброд и залечь с ноутбуком на диване. Это уже практически стало ритуалом, во всяком случае одни и те же атрибуты повторялись из вечера в вечер: тюрбан из полотенца на голове, бутерброд в руке, ноут на коленях.

Только обычно получалось так: Полина намеревалась почитать новости или посмотреть кино, в общем, отвлечься от больничных проблем. Но незаметно для самой себя вновь и вновь зависала на каком-нибудь форуме, посвящённом Сашкиному недугу, хотя, в общем-то, уже на сто рядов перечитала всевозможные медицинские статьи об аортальной недостаточности и лечении этого порока, просмотрела сотни чужих историй, а с некоторыми, кто перенёс подобное или кому оно ещё предстояло, даже вступила в переписку. Почему-то от этого общения становилось легче. Не так одиноко. И к тому же убедилась, что Яков Соломонович не впустую её обнадеживал: замещение аортального клапана последние годы и в самом деле повсюду проводили в отечественных клиниках. И хотя операция Росса сама по себе технически очень сложная, прогноз у неё чаще всего благоприятный. Во всяком случае, если всё проходит хорошо, то человек затем ведёт полноценный образ жизни без всяких диуретиков, ингибиторов и гликозидов, без ограничений и строгих диет, без страха задохнуться во сне. Словом, было на что надеяться. Но всё равно начитавшись всякого, она потом ещё долго ворочалась, терзалась страхами, не могла уснуть.

Сегодня тоже на душе было беспокойно, хотя эта тревога уже давно переросла в хроническое состояние. Однако время спустя Полина поймала себя на том, что вместо привычных

форумов придиричиво разглядывает фотографию с какого-то светского мероприятия, на которой блистали во всей красе Ремир Долматов и его спутница. Её имя даже не называлось, подметила Полина. Значит, не так уж и много она для него значит. Может, вообще подружка на раз?

Но тут же себя и одёрнула: «Тебе-то какое дело? На раз или на два? Он - твой директор. Пусть красивый, пусть безумно сексуальный, но он - просто босс. С ним не может, не должно быть никаких отношений, кроме сугубо рабочих. Тем более после сегодняшнего».

Однако именно «сегодняшнее» и не давало покоя. Гад он, конечно, думала Полина. Какого чёрта так её отругал, оскорбил при людях? Эта его ручная болонка Алина наверняка хвостиком от радости виляла. Впрочем, и злиться, и обижаться, и негодовать можно сколько угодно, но тот его взгляд до сих пор волновал так, что внутри всё сладко сжималось.

Сначала Полина пыталась отогнать эти глупые мысли. Уж ей-то есть о чём переживать, помимо вздорного тирана-директора. Но глупые мысли не желали уходить, настырно лезли в голову, будоражили кровь, вызывали совсем уж какие-то нереальные фантазии...

Выходные-праздники пролетели быстро. Все три дня Полина металась между домом, рынком, больницей и банками. объездила адресов, наверное, двадцать из тех, что работали по субботам. Но без толку. Везде требовали справку с места работы, а конторы, что сулили быстрейшим под бешеный процент, но зато без всяких справок, такую большую сумму не давали.

Полина старалась слишком уж не унывать, уповая на Назаренко. И вообще не унывать, иначе опустятся руки. А раскисать нельзя.

Дел домашних она свернула громадьё - перестирала всё, перегладила, убралась в квартире и на балконе, даже до люстры, что висела в зале, в кои-то веки добралась.

Эту старую, с хрустальными висюльками люстру, оставшуюся ещё от бабушки, она раз сто советовала Ольге выбросить и искренне недоумевала, зачем сестра хранит такое старьё. А вот теперь сама не могла от неё избавиться, руки не поднимались. Руки и в самом деле не поднимались после того, как она перемыла и обтёрла с нашатырём каждую висюльку.

Вообще-то, к порядку в доме Полина относилась без рьяного фанатизма. В грязи не зарастала, конечно, но если вещь лежала не на месте, это её абсолютно не нервировало. И вот такие генеральные уборки случались непредсказуемо и нечасто. В этот раз, например, она просто не знала, чем себя занять, а сидеть сложа руки, ждать звонка от Назаренко, переживать, как там Сашка и думать о новой работе и новом начальстве - это же с ума сойти можно. А когда руки заняты, то и мысли дурные в голову не лезут.

Что странно, грядущая рабочая неделя её ничуть не напрягала. Совсем не было того гнетущего чувства, которое наваливалось каждое воскресенье на предыдущем месте работы. Даже напротив, Полина отметила с удивлением, что в груди трепещет лёгкое, приятное волнение, похожее на предвкушение. Словно у старшеклассницы перед школьной дискотеккой.

Хотя с чего бы ему взяться, предвкушению? Коллектив в «ЭлТелекоме» довольно сволочной. Взять хотя бы надменную секретаршу Алину, или перегарную кадровичку, или вот злючку-Лизу. Сама работа - тоже не предел мечтаний. Весь день копировать! Это же отупить можно. И всё равно логика тут была бессильна - все такие понятные и очевидные минусы с лихвой перекрывал один лишь непонятный, но такой страстный взгляд господина Долматова. Даже под аккомпанемент оскорблений. Шлюховатый вид! Это же как обидно!

«Да это очень даже обидно! И оскорбительно. И несправедливо», - повторила она себе с назиданием, мол, опомнись, приди в чувство. Но сердце в ответ лишь радостно дрогнуло. Завтра она снова увидит его...

Полина разозлилась на себя. Что она как кошка, в самом-то деле? Где гордость? Где праведный гнев? Где... А может, и не увидит. У них ведь этажи разные. В пятницу, к примеру,

они встретились в приёмной случайно. Если бы Лиза её не отправила с бумагами, если бы он в тот момент не вышел из кабинета... Хотя в таком наряде, какой она таки купила себе, лучше бы он её и впрямь не видел.

Нет, всё по дресс-коду: мышиного цвета блузка с длинными рукавами, простая и строгая, но ткань с претензией на атлас; чёрная юбка-карандаш чуть ниже колен, балетки. Только вот куплено всё это добро на китайском рынке. И беда не в том, что вещи дешёвые, а в том, что они вопиюще дешёвые, и это было видно. Это бросалось в глаза, прямо-таки кричало. Даже приглядываться особо не нужно, чтобы заметить, что материал третьесортный, что нитки торчат бахромой, что разухабистые строчки идут вкривь и вкось, а швы топорщатся. И если после стирки юбка более или менее разгладилась и села по фигуре, то блузка, напротив, превратилась в бесформенную тряпку. Надеть такую - и смело можно на паперть идти за подаванием.

Собственно, так оно и есть: всё упиралось в деньги, которых кот наплакал, а надо ещё как-то дотянуть до десятого, когда квартиранты, что снимают квартиру родителей, заплатят за следующий месяц. Так что всё следующую неделю придётся позориться в этом безобразии.

Была мысль рискнуть и заявиться снова в чём-нибудь запрещённом, такого у неё много - красивого, дорогого, всякого. Но Полина отогнала эту мысль как деструктивную: гнев господина Долматова, если уж честно, почему-то её не слишком пугал, а даже наоборот - будоражил, но зато пугали последствия. Она ведь пока там на птичьих правах. Вдруг он уволит её за неподчинение? Такие вот командоры, которые, ко всему прочему, вспыльчивые и горячие, физиологически не переносят послушания. И на расправу быстры. Поэтому тряпка так тряпка, вздохнула Полина, уныло взирая на испорченную блузку. Сестра её, любительница этномоды, тоже вон вечно носила какие-то балахоны и при этом любые критические выпады в свой адрес парировала: «С лицом - всё к лицу».

Рабочая неделя из-за праздников началась со вторника. Полина приехала сильно заранее - лучше уж так, решила, чем волноваться: сяду в маршрутку - не сяду? Успею вовремя - не успею?

Пришла минут за тридцать, и то отнюдь не первая. Утро только началось, а на работе уже кипели страсти. Оксана Штейн с перекошенным лицом носилась из кабинета в кабинет с указаниями, дёргала всех по поводу и без, хватала какие-то бумажки. Лиза и Анжела, обе бледные, напряжённые, в темпе аллегро фуриозо печатали по её просьбе отчёты. Девочки-дебиторщицы приносили какие-то таблицы. И все жутко нервничали.

Полина и Беркович взирали на весь этот хоровод в улье с лёгким недоумением: что такого случилось в праздники, что все как с ума посходили? Их не трогали, задания им не давали и на все вопросы отмахивались: «Не до вас сейчас!».

Без пяти десять Оксана ворвалась к ним в очередной раз, сграбастала документы, которые ей подготовили девчонки и помчалась на выход.

- Ни пуха! - крикнула ей вслед Лиза. И затем наступило затишье, но какое-то тяжёлое, даже гнетущее.

- Покурим? - предложила Полине Анжела. Та с готовностью присоединилась, проигнорировав осуждающий Лизин взгляд.

- Минут сорок, а то и час можно дышать свободно, - сообщила Анжела, когда они спустились в курилку.

На этот раз там было довольнолюдно и дымно. Полина в первый момент закашлялась.

Трое мужчин заняли кресла вокруг столика, ещё один, кислый и взъерошенный, - забился в угол дивана и смолил в одиночестве.

Троица встретила девушек вполне дружелюбно, шутками, улыбками, комплиментами, но вскоре они ушли. А следом за ними - и одиночка. Вернее, его Анжела спугнула:

- Эй, Маратик, ты там что, махорку куришь? Навонял! На вот, попробуй нормальные сигареты.

Маратик занервничал, задёргался и, не докурив, сбежал, путаясь в широченных штанинах.

- Он чего такой? - хмыкнула Полина.

Анжела покрутила пальчиком у виска.

- Да у него не все дома. От женщин шарахается как от чумы. Хотя он и с мужиками не контактит. Короче, с приветом.

- А как же он тут работает? - удивилась Полина.

- Знаешь, неплохо. Он же программист, причём крутой. Хакер! А Ремир таких любит.

- Он любит хакеров?

- Да не хакеров, а тех, кто что-нибудь круто умеет делать. Короче, талантливых он любит. У него прям слабость к таким. И многое им прощает. Вот Маратику, видишь, даже позволяет опаздывать. Или болеть без больничного. А Никите Хвощевскому, он из того же отдела, и за меньшее влетело так, что мама не горюй. А в чём Маратик ходит, видела? Это же отрепье какое-то. А Ремир типа не замечает...

Полине отчего-то стало неловко за свой неприглядный наряд, особенно перед Анжелой, у которой кофточка, тоже, кстати, серая, была явно из дорогого бутика.

- А почему сегодня все такие напряжённые? - перевела она разговор.

- Так сегодня же вторник! А-а, ты же не знаешь. По вторникам у нас планёрки. Сейчас Ремир всех начальников отымеет, а потом они - нас. Цепная реакция. Но нам ещё со Штейн повезло. Она особо не свирепствует. А вот когда за неё оставалась Лиза, так та после планёрки полдня сначала плакала, а оставшиеся полдня орала на всех, как собака бешеная.

Полине хотелось спросить ещё что-нибудь про директора, но так, чтобы это не навлекло ненужных подозрений. Пока она думала, с какого боку зайти, у неё завибрировал сотовый и на экране высветился неизвестный номер.

Она тотчас внутренне напряглась, все эти незнакомые номера её нервировали уже на уровне рефлексов. Боялась дурных вестей. Хотя на этот раз новость и в самом деле её страшно расстроила. Звонил Назаренко.

- Поль, прости, ничего не получилось, - извинился он. - У отца тоже все деньги в обороте. У друзей поспрашивал - никто такой суммой не располагает... Я бы очень хотел помочь, но не могу.

- Но ты же...

- Сорри, у меня по второй линии вызов. Потом как-нибудь созвонимся, - поспешно завершил он разговор и отключился.

Полина чутьём понимала - врёт Назар. Наверняка он даже ни у кого и не спрашивал. И если уж откровенно, то она сразу это почувствовала, ещё у него в офисе, но предпочитала тешить себя надеждой. Глупо! Только время зря упустила.

- Что-то случилось? - спросила Анжела.

Полина неопределённо дёрнула плечом - выворачивать душу перед ней не хотелось. Они знакомы всего ничего. Да и вообще Полина не любила ныть и жаловаться. Не потому что такая стойкая, просто с детства нравилось сиять. Ещё и мама всегда твердила, что унылых и нытиков никто не любит, зато все любят позитивных. Откровенно говоря, с любовью как-то не вышло, то ли мама ошибалась, то ли ещё что не так. Но привычка казаться неунывающей осталась.

Иногда, конечно, невыносимо хотелось кому-нибудь поплакаться, но было некому...

И правда, после планёрки Оксана вернулась как выжатый лимон. Вяло отчитала за что-то Анжелу, пожурила Лизу, новеньким раздражённо посоветовала включаться в работу побыстрее.

На обед Анжела снова позвала Полину в кафе.

- Опять овощной салатик? - с усмешкой спросила она.

Но на этот раз Полина не выдержала и тоже взяла себе комплекс, мысленно ругая себя за слабость.

- Ну вот, нормально хоть поешь. А то на нашей нервной работе на салатиках долго не протянешь, - одобрила Анжела.

- А директор где обедает? - с деланным равнодушием спросила Полина.

- Ремир-то? А он... э-э-э... сегодня здесь, - изумлённо пробормотала Анжела, таращась куда-то за её спину.

Полина оглянулась как раз в тот момент, когда Долматов посмотрел в их сторону.

Лицо его моментально переменилось. Она сообразила кивнуть в знак приветствия и торопливо отвернулась, чувствуя, как взволнованно затрепыхалось сердце.

«Я же хотела его увидеть - ну вот он. Чего я так паникую? - выговаривала себе мысленно Полина. - И одета так, как ему надо. Что за дурацкий мандраж? Как малолетка какая-то, ей богу. Нет-нет-нет, с этим надо срочно завязывать. Глубокий вдох, медленный выдох...».

- Рем, давай сюда сядем, - беззаботный голос Максима Астафьева вывел её из медитативного ступора. - Вон тут наши сотрудницы обедают. Приятного аппетита, девушки.

Какой уж тут аппетит! Он вообще сразу пропал. Полина едва смогла проглотить кусочек бифштекса, когда Долматов прошёл мимо, обдав их ароматом терпкой свежести, и сел к Астафьеву, явно недовольный и жутко напряжённый.

Они заняли соседний столик, буквально через проход, и Полина теперь ни на чём не могла сосредоточиться. От него так и исходили флюиды, которые проникали под кожу, разливались щекочущим теплом и вызывали нервную дрожь. Открыто взглянуть в ту сторону она не решалась, но следила за ним периферийным зрением и вслушивалась в их разговор. Точнее, в монолог Астафьева. Долматов отмалчивался и ел, как она успела заметить, нехотя. Можно сказать, и не ел, а лениво ковырялся вилкой.

Анжела тоже сидела так, будто кол проглотила, и привычная её говорливость почему-то иссякла.

- Пойдём? - в конце концов не вытерпела она.

«Ну, надо же - Анжелу присутствие директора тоже нервирует», - с удивлением отметила Полина, но спорить с ней не стала. Всё равно нормально пообедать уже не удастся.

- Уже уходите, девушки? - спросил технический директор, глядя почему-то именно на Полину.

Она зарделась, но одарила его улыбкой. Он приятный, добрый, вежливый, почему бы ему не улыбнуться? Потом бросила нечаянный взгляд на его визави, и улыбки как не бывало. Внутри всё содрогнулось и сжалось в узел. Долматов буквально испепелял её чёрными глазами. И столько в них полыхало огня и злости, что стало не по себе.

«Теперь-то что не так? - подумала она, полностью обескураженная. - Он так смотрел на меня, как будто... не знаю... ненавидит меня как будто...».

Глава 12

Глава 12

- Хочу уволить Стоянова, - мрачно сообщил Ремир Астафьеву после планёрки.

- Ну так уволь, - пожал плечами Макс. Судьба работников коммерческой службы его волновала мало.

- Причина нужна.

- Когда это тебе была нужна ещё какая-то причина, помимо «хочу»? - усмехнулся Астафьев.

Ремир с укором взглянул на него, спустя минуту ответил:

- Не знаю. У него семья, сын. И он, в принципе, хороший продажник. Вспомни, каких нам клиентов привёл. А сколько бабок я в него вложил, когда в феврале отправил на обучение в бизнес-школу. Но сейчас он сдулся, что ли. Или на лаврах почует. Ты прикинь - рубился в игры на работе? Я аж онемел от шока, когда узнал. Совсем он страх потерял.

- Ну, если только дело в этом, то ничего ужасного. К тому же ты ведь его уже привёл в чувство.

Ремир помолчал, подумал, затем высказал:

- Будет так: уйдут эти випы окончательно - выпну его с треском. Сумеет их оставить - сам останется.

Астафьев задумчиво покивал головой, а потом вдруг выдал:

- Рем, послушай, не хотел тебе до планёрки говорить, чтоб ты там их совсем не убил... В общем, я тут кое-что выяснил у технарей из Ростелекома. Сарма эта уже арендовала у них канал рядом...

- С Авиазааводом?

- Угу. Так что теперь у них точно есть техвозможность и точно они будут участвовать в тендере. Всё упирается только в цену. Но они не могут так уж сильно её занизить - им же ещё аренду платить.

- Мы же не знаем, на каких условиях они его арендуют, - возразил Ремир. - Может, вообще у них там бартер с компанией его отца. Помню, ещё года три назад они для Ростелекома что-то строили...

- Тогда попадос, - скривился Макс. - И тогда, если Касымов прав, надо срочно найти того, кто им сливает клиентов.

Ремир молчал. Как его найти? Ещё и срочно. Пытать, что ли? Он уже дал задание безопасникам пробить вообще всех и каждого, кто у него служит, на предмет соприкосновения с Назаренко. Но пока, отчитался сегодня Анчугин, ни у кого в биографии никаких связей с ним не обнаружено. Ремир, не сдержавшись, рявкнул: «Ищи лучше!».

Потому что по крайней мере, у одной сотрудницы связь с ним точно есть, во всяком случае, была. Но Ремир не мог об этом сказать. Смолчал, а сам уже извёлся весь: она - не она? Моральных скреп у неё, конечно, никаких, и с Назаром она более чем близка. Но её же не было здесь! Это пусть единственный, но самый весомый аргумент в её пользу. Хотя нет, не единственный и, очевидно, не самый весомый. Он почему-то сам не хотел, чтобы она оказалась в этом замешанной. Очень сильно не хотел, что уж может быть для него весомее.

До обеда Долматов работал над текущими вопросами, приказав себе не думать ни о ней, ни о Назаренко. Астафьев заглянул к нему во втором часу.

- Ты никуда на обед не поехал? Пойдём тогда перекусим.

Вот умел это Астафьев: опекать, но ненавязчиво, не раздражая. Как будто и не опекал вовсе, а так, по-дружески общался. Хотя Ремир всегда, с самой юности понимал - он именно опекает. В память об отце наверняка. Просто щадит его чувство собственного достоинства, да

и сам не хочет выглядеть квочкой, вот и выдаёт все эти свои «ты не кушал», «ты мало спал», «где ты ночь провёл» и прочее за обычное дружеское участие. И сейчас ведь не отстанет.

- Ладно, - поднялся Ремир с кресла. - Пойдём спустимся в кофе-бар. Времени нет куда-то ехать.

- Да ну этот бар. Пойдём лучше опять в кафе. Дай своим бедным работникам хоть поесть нормально.

- А я-то им чем помешаю?

- Рем, после такой планёрки они сейчас просто подавятся, если тебя увидят.

- Ну, хорошо, кафе так кафе.

Лучше б в кофе-баре все подавились, подумал Ремир, с порога увидев Горностаеву. Она, как почувствовала, сразу же обернулась.

Не надо на неё смотреть, сказал себе, с трудом оторвав взгляд.

Но тут Астафьев снова удружил: из всех свободных столиков в зале он выбрал именно тот, что ближе к ней. Протестовать у всех на виду было бы глупо, так что поплёлся за ним, что поделать... Но аппетит пропал. Зато Макс наяривал суп за двоих и болтал без умолку. Правда, о чём - Ремир улавливал лишь обрывочно. Её близость странным образом не то чтобы отупляла, но не давала думать ни о чём другом.

Когда Полина с Анжелой встали из-за стола, Макс и тут не преминул вставить свои пять копеек. И конечно же, она тотчас откликнулась, давай ему улыбаться призывно, вертеть перед ним хвостом. Вот же... Ремир выругался про себя и до боли в скулах стиснул челюсти. На Макса он тоже рассердился. Какого чёрта он лезет туда, куда не просят? Куда лезть вообще нельзя?

- Познакомься с ней, - предложил Астафьев, - поближе.

- Если я захочу с кем-то познакомиться, - процедил Ремир, - то познакомлюсь без твоих советов.

- Она же тебе нравится. Это видно.

Ремир вспыхнул, взглянул на Макса почти с ненавистью.

- Что за ересь? Ничего она мне не нравится.

- Да не злись ты, - не успокаивался тот. - Не нравится! Ты на неё вечно пялишься, как голодный.

- Тебе лучше сейчас заткнуться, - тихо, но с явной угрозой произнёс Ремир.

- Ладно, ладно, - примирительно сказал Макс, взглянув на него с затаённым интересом, и про себя ухмыльнулся.

Ремиру казалось, что внезапно всё стало ускользать из рук. Ещё недавно жизнь была целиком и полностью подчинена его воле. Конечно, случались непредвиденные ситуации, куда без этого, но он всегда знал, что нужно делать, делал и исправлял. Всегда получалось всё так, как он хотел. И это касалось не только рабочих моментов, но вообще всего. В том числе и личной жизни, хотя Максуду казалось, что он в этом плане одинок и несчастен, а череду сменяющихся подружек считал лишним тому подтверждением.

Последнюю его подружку, Наташу, Астафьев вообще на дух не переносил. В общем-то, взаимно. И твердил, что пора Рему обзавестись семейством. Слышать такое от Астафьева было смешно, ибо сам он в отношениях категорически не задерживался.

- Я не такой человек, - объяснял Макс, - мне нравится быть птицей вольной, нравится пить-гулять когда хочу и с кем хочу, нравится разнообразие. А ты не такой. Кабаки, девочки, преходящие подружки - тебе всего этого не надо. У тебя просто дурной пример был с детства перед глазами - мой. А вот встретишь свою сейгэн яр*, и будешь счастлив.

Ремир лишь раздражённо отмахивался. Какая, к чертям, сейгэн яр? Он самодостаточен и вполне счастлив. Был. А теперь вот он не то чтобы несчастен, а просто постоянно находится в непонятном смятении и замешательстве от того, что то одно выходит из-под контроля, то другое, то третье... И всё разом. На работе какая-то ерунда творится, с подругой - сплошные ссоры. А больше всего раздражает, что над самим собой стал вдруг не властен. Взять сегодняшний обед. Ну не плевать ли, кому там она улыбается? Какого чёрта он-то взбесился вдруг на ровном месте? И главное - объясняй себе не объясняй, а настроение испортилось. Уж это-то вообще ни в какие ворота.

«Зато как она сегодня нарядилась! Где только откопала этот старушечий прикид», - вспомнилось вдруг, и он невольно улыбнулся.

*сейгэн яр - возлюбленная (татар.)

Глава 13

Глава 13

- Ты вообще офигела?! - напустилась на Полину Лиза. - Ты в курсе, что обед у нас с часу до двух? Что турникет на входе фиксирует твой приход и директор это проверяет? И достаётся потом не только тебе, но и твоему непосредственному начальнику! А поскольку Оксаны Штейн сегодня нет, то отвечать придётся мне!

- В курсе, - мрачно ответила Полина, понимая, что в принципе у Лизы поорать повод есть.

Она действительно опоздала с обеда на полчаса. Но сейчас ей было не до Лизы абсолютно. Последняя надежда рассыпалась и разлетелась, как пыль на ветру. В обеденный перерыв она ездила в банк. Вчера - в один, сегодня - ещё в два, подавала заявки на кредит. И вчерашний, и оба сегодняшних отказали в займе. Со Сбербанком тоже ничего не вышло - там требовался поручитель. А кто за неё поручится? Осталось дожидаться ответа от Альфа-банка. Там заявки рассматривались несколько дней. Но в свете предыдущих отказов надежды как-то уже и не осталось.

И что тогда делать, где брать без малого миллион? Она понятия не имела. Почку продавать? Не жалко, но это какая-то дикость. Да и кому? Куда? Грабить? Квартиру родительскую продать по совсем уж бросовой цене, чтобы поскорее купили? Это, пожалуй, единственный вариант. Правда, риэлтор заикался о каких-то возможных трудностях из-за незаконной перепланировки. Так что если и тут не срастётся, тогда... тогда она пойдёт, наверное, на всё, лишь бы... А там будь что будет.

От всех этих метаний, страхов и неопределённости голову буквально разрывало. Так что на этом фоне Лиза со своими претензиями её мало волновала. Даже нет, скорее, действовала на нервы, и без того взвинченные до предела.

- То есть, ты в курсе и намеренно опаздываешь с обеда? - прищурила глаза Лиза.

- Не намеренно, конечно же, - едва сдерживаясь, проговорила Полина. - Просто так получилось, извини. У меня возникли непредвиденные трудности...

- Но так не должно было получиться! И мне вообще плевать, какие там у тебя трудности! - сорвалась на крик Лиза. - Ты без году неделя тут, а уже позволяешь себе такое, чего я никогда себе...

Не то чтобы Полина ругаться хотела или Лизу обижать, но просто именно сейчас, на взводе, терпеть нападки она была не в силах. Подошла к ней, глядя исподлобья в упор, и тихо сказала:

- А теперь всё то же самое, но спокойным тоном. И я тогда искренне раскаюсь, попрошу прощения и поклянусь на крови больше никогда не опаздывать.

- Что-о-о?! Да ты вообще офигела! Ты ещё будешь тут стебаться и указывать мне, каким тоном со своими подчинёнными разговаривать?

- Мне плевать, каким тоном ты разговариваешь со своими подчинёнными, но на меня орать не смей.

Лиза в первый миг опешила, сморгнула, остальные тоже притихли. Но потом она заголосила пуще прежнего:

- Да ты совсем обнаглела! Ты кто такая? Ты тут вообще никто и звать тебя никак! Как ты смеешь ещё тут вякать?!

- Я с тобой говорю спокойно, ты на меня орёшь, и я же ещё и обнаглела. Тебе, Лиза, нервы лечить надо. Налицо все признаки нервного расстройства.

- Да ну? Что ещё скажешь, госпожа доктор?

- Я не доктор. Так что можешь называть меня просто - госпожа.

- Я смотрю, ты в конец страх потеряла. А знаешь, что? Думаю, тебе у нас не место. Так что можешь собирать свои манатки. Ты здесь больше не работаешь.

- Знаешь что? Да пошла ты.

Полина демонстративно вернулась за свой стол.

- А я тебе сказала - ты уволена.

Никакой реакции.

- Со слухом плохо? Ты у-во-ле-на! Вон отсюда!

Полина не шелохнулась и ничего не отвечала, будто это не к ней обращались.

- Ах так! Тогда я сейчас же иду к директору и всё про тебя рассказываю. Или ты думаешь, что он тебя не тронет? Нам Жмуров всё про тебя рассказал. Думаешь, если училась через постель, то и работать так же получится? Спешу тебя разочаровать - наш директор шлюх не выносит, если ты такая тупая и сама ещё не врубилась. Алина рассказывала, как он тебя в пятницу опустил...

- Что ты несёшь, дура? - вспыхнула Полина.

Она понятия не имела, кто такой Жмуров. Скорее всего, решила, учился в её институте и, значит, был наслышан про скандал с замдекана. Но что ж он за урод, если тут же растрезвонил о той давней истории всем подряд? Однако во сто крат больнее уколола издёвка про директора. Какая же гадина эта его секретарша, недаром она ей сразу не понравилась.

- Что слышала! Шлюха дешёвая!

- Дамы, дамы, спокойствие! - пискнул Беркович.

- Логика - супер! Ты истеришь, а наглею я. Ты на Додика вешаешься, а шлюха снова я.

- Что ты там вякнула? - Лиза с грохотом поднялась со своего места, медленно двинулась на неё. - Какого ещё Додика?

- Вот этого, - Полина кивнула в Берковича, откатываясь в кресле назад, подальше от скалой нависшей Лизы.

- Да я... да ты... ты по себе не суди! Я ему, между прочим, просто помогаю. И в отличие от тебя не трахаюсь абы с кем!

Надо выяснить, кто этот Жмуров, промелькнула мысль.

- Да ты, судя по всему, вообще ни с кем не трахаешься.

Лиза издала короткий сдавленный звук и набросилась на неё с кулаками. Точнее, с ногтями, пребольно вцепившись в волосы.

- Да отцепись ты от меня, ненормальная!

Полина попыталась её оттолкнуть, но Лиза ухватила за блузку и дёрнула хлипкую ткань так, что рукав затрещал и наполовину оторвался по шву.

Несколько секунд Лиза стояла и сама недоумённо таращилась на порванную блузку, как будто не понимала, как такое произошло. Потом, ни слова не говоря, пулей вылетела из кабинета.

- Сто пудов жаловаться помчалась, - предрекла Анжела. - Но это ты круто сказанула, что она ни с кем...

- Она сама напросилась, - буркнула Полина. Злость улеглась, и на душе теперь стало тошно из-за этой безобразной сцены. - Просто вывела меня из себя. Обычно я не бью по больному.

- Да всё правильно ты сказала! Так ей и надо! Достала уже... - затем Анжела повернулась к притихшему Берковичу. - Что, стучать мамочке побежишь?

- Никому я стучать не собираюсь. А почему это я - Додик?

На секунду все смолкли, а затем Анжела и Аня - вторая девушка - разразились смехом. Только Полине было не до веселья. Эта стычка с Лизой, чувствовала она, ей ещё отольётся.

Затем в кабинет вернулась Лиза, и все затихли. Она упорно делала вид, что не замечает Полину. Сухо велела Анжеле приготовить выкладку по новым договорам за апрель, а сама уткнулась в монитор.

Полине без дела не сиделось, а спрашивать Лизу, чем заняться, как-то язык не поворачивался. Поэтому решила сунуться в интернет. Зачем-то набила в поиске Ремир Долматов, как будто дома на него не насмотрелась.

Нашла фото, где он один, без своей длинноногой подружки. То был, очевидно, какой-то приём или светский раут. Вообще-то, он сидел в окружении двух женщин: дамы постарше - в чёрном. И помладше - в золотом. Но только он с ними явно просто соседствовал.

Его лицо казалось расслабленным и отрешённым. Даже поперечной складки между бровями не было. И взгляд такой мечтательно-задумчивый. Удачный, редкий кадр. Она и загляделась. Тем более не видела его с понедельника. А очень хотелось увидеть... А ещё возникло смутное ощущение, что где-то она его уже встречала. Не здесь точно, но где - неизвестно. Да и вообще, может, просто он ей кого-то напомнил. Встречаются ведь похожие люди.

В гнетущем безмолвии, разбавляемом лишь размеренным постукиванием клавиатур, сиплый и дребезжащий звонок внутреннего телефона показался прямо-таки артиллерийской канонадой. Лиза ответила:

- Да... да... хорошо... сейчас будем.

Затем встала с торжественно-серьёзным, преисполненным драматизма лицом и сказала в воздух, не глядя в сторону Полины:

- Ремир Ильдарович велел немедленно явиться к нему нам обоим.

Полина поймала взгляд Анжелы, полный сочувствия.

Теперь, когда запал полностью иссяк, на неё накатил вдруг приступ страха. Ей никак нельзя терять эту работу. Зачем она только повелась на слова этой ненормальной? Мало ли кто что треплет. Давно пора привыкнуть. В конце концов, собака лает - ветер уносит. Можно ведь было просто не обращать внимания, пропустить её слова мимо ушей... А вдруг теперь он её уволит, наверняка ведь Лиза себя всячески выгородила, ещё и в красках всё расписала?

Ну уж нет! Эта ведь Лиза на неё напала. И оскорбила первая. Очень обидным словом, между прочим, обозвала, и совершенно несправедливо. Вот она и огрызалась в ответ. Причём только огрызалась, даже пальцем её не тронула. Должна же быть справедливость.

Идти к директору в разодранной блузке она и помыслить не могла. Но что делать? Нельзя же просто взять и не пойти. И булавки, как назло, ни у кого не оказалось. Полина, как могла натянула оторванный рукав повыше, подоткнула его под плечико, для верности прижала ладонь к предплечью. Вот так вроде всё держится и незаметно.

Как же ей было страшно. Вот тогда, когда он ругал её за неподобающий вид, она совсем не боялась, а сейчас почему-то умирала от страха и ещё больше от стыда...

Пока ехали в лифте, обе молчали. В приёмной секретарша уже поджидала их. Словом она никак не проявила своего отношения, но взглядом - вполне. Лизу ободрила, даже улыбнулась, а на Полину посмотрела, как на презренную попрошайку, вульгарно нарушившую покой достопочтенных граждан.

Лиза вошла первой, Полина, робея, следом.

Он восседал в своём кресле, чуть отодвинувшись от стола. Не сказать, что он был слишком уж рассержен - во всяком случае, с тем взглядом, каким он одарил её тогда в кафе, не сравнить. Скорее, в лице его застыло выражение раздражения и брезгливости. Но это ранило сильнее любых злых слов. Это просто убивало. Уж лучше б гневался!

«Ну что, довыступалась, - со злостью на себя подумала Полина. - Хотела его увидеть? Вот он, смотри, дура».

Обе остановились посреди кабинета. Он молчал, они тоже, даже Лиза, которой явно не терпелось жаловаться. И непонятно, что её сдерживало. Затем он неспешно поднялся и так же неспешно направился к ним.

И снова, как тогда на собеседовании, в приёмной, в кафе, внутри забило, затрепыхалось что-то совсем ей неподвластное. Волнение? Смущение? Или... нет, об этом лучше не думать. Эта вибрация словно по венам разбежалась по всему телу, усиливаясь с каждым его шагом, переходя буквально в лихорадку.

Он остановился в метре от них. И одна лишь его близость подавляла настолько, что Полина боялась поднять глаза.

- Вы сдурели обе? - услышала его голос, спокойный и холодный. - Вы вообще представляете себе, где вы находитесь? Вы осознаёте, что это не базар? Что здесь, вообще-то, серьёзная организация, что здесь работают люди? Что здесь неуместно скандалить, как уличная шваль? А вы, как две собаки, устроили мерзкую склоку. Раз вы не понимаете элементарных вещей, если ведёте себя как базарные торговки, так и дуйте туда. В приличном месте вам делать нечего.

Его слова били безжалостно и мощно. Уличная шваль, собаки, базарные торговки...

Рядом сопела Лиза, тоже низко опустив голову и разглядывая текстуру паркета и начищенные до блеска чёрные туфли директора.

- Окончательно вопрос с вами решу позже, - сухо произнёс он. - Но думаю, после этой отвратной выходки одна из вас лишится квартальной премии и, уж конечно, ни о каком и.о. речи в дальнейшем уже быть не может. Ну а с другой мы распрощаемся. Ибо подобное поведение здесь просто недопустимо.

Нет! Пожалуйста, нет!

Полина вскинула голову и умоляюще взглянула на него. Но он, хоть и стоял в шаге, сунув руки в карманы, смотрел куда-то мимо, за их спины.

- Простите, - горячо прошептала она. - Такое больше никогда не повторится.

Голос вдруг отказал. Руки тоже от отчаяния ослабли. Повисли безвольно плетью вдоль туловища. Но Ремир услышал её шёпот, посмотрел на неё, но с горьким разочарованием и всё с той же невыносимой брезгливостью. Хотел что-то сказать, явно жёсткое, судя по раздувшимся крыльям носа. И как назло проклятый рукав в этот самый миг выскользнул из-под плечика и позорно обвис. Он среагировал на движение, опустил глаза на её плечо и вдруг... залип. Мгновенно и взгляд, и выражение лица изменились. Он уставился в эту прореху с таким пылом и жадностью, что кожу там буквально загло огнём.

Затем сглотнул и отвёл глаза. И больше уже вообще не смотрел в её сторону. Отошёл к окну и глухо сказал:

- Свободны.

Лишь в приёмной Полина смогла нормально вдохнуть, но дрожь не отпускала. И плечо горело, точно прижжённое раскалённым клеймом.

- Ну что сказал он? - услышала она за спиной тихий голос Алины.

- Что уволит её, - поделилась Лиза.

- Хоть бы!

- Ой, не говори! - согласилась Лиза. - Только вот из-за этой козы...

Полина не дослушала их разговор, хотелось скорее найти укромный угол - хотя бы минуту, полминуты, побыть одной, отдышаться, успокоиться...

Она вошла в кабину лифта, привалилась спиной к прохладной металлической стене и сомкнула веки. Глубокий вдох, медленный выдох... Противоречивые чувства так и раздирали изнутри. Слова его жалили беспощадно, кровь от них леденела. Но тут же перед мысленным взором снова возникал взгляд его горячий, и сердце, ухнув, провалилось... И глупая надежда нащёптывала: «Если он так смотрит, то ещё не всё потеряно. Сейчас он просто зол, но позже...».

Дурной день по всем законам логики и закончиться должен был какой-нибудь пакостью. Так оно и случилось. Лиза, наплакавшись после встречи с директором, в конце концов всё-таки пришла в себя и поручила Полине опять копировать какие-то документы.

- Потом отнесёшь их в бухгалтерию, - сухо велела она.

Выведав у Анжелы, где находится бухгалтерия, Полина понесла туда объёмную кипу, ещё тёпленькую и пахучую после копира.

А находилась бухгалтерия по соседству с кадрами, но если из кабинета кадровой службы не доносилось ни звука, то тут трепали языками вовсю. Полина, подперев стопку подбородком, уже потянулась к дверной ручке, как услышала своё имя.

- Алина говорит, эта Горностаева сразу на нашего Ремира глаз положила.

- Шустрая. Ну-ну... - хохотнул кто-то.

- Ага, раскатала губу. Особенно после всего, что Жмурик про неё рассказал. Подумала бы адекватно, кто он и кто она.

- А мне её, девочки, немного жалко. Глупая она просто, раз не видит, что не его поля ягода, - голос принадлежал явно женщине преклонного возраста. - Она, конечно, смазливая, отсюда все беды. Не понимает, что этого мало, что нужно иметь хотя бы вкус. Ну и конечно, гордость. И ум. Что на такую, как она, Ремир даже не взглянет. И уж точно не позарится. А она, глупенькая, даже не понимает, что этим только себя унижает.

- Да ну, Надежда Ивановна! Да какая она там смазливая? Просто размалёванная и вульгарная. Любую так наштукатурить, тоже будет казаться смазливой.

- Вот я и говорю, что нет у неё ни вкуса, ни ума, ни гордости. Видели ведь, в чём она ходит? Эта блузка ужасная... на какой помойке только она её откопала? А туфли? Калоши какие-то.

- Да-да-да, блузка у неё - это нечто! А думает, поди, про себя, что такая вся крутая, модная, в атласе ходит.

Снова смех.

- Хотела бы я видеть её физиономию, когда Ремир её отбрил...

Слушать их дальше сил не было, и она со злостью дёрнула ручку. В кабинете тотчас стало тихо. Все, как одна уставились на неё с немым любопытством.

Полина хлопнула всю стопку на первый попавшийся стол и пулей вылетела прочь. Почему все так любят сплетничать, говорить гадости, раздувать из малого черт-те что? Почему ей-то плевать, что они делают, в чём ходят и с кем спят?

Глава 14

Глава 14

Седьмое мая выпадало на воскресенье, так что празднование дня связиста перенесли на пятницу.

В каком ресторане устраивать корпоратив, каких артистов приглашать для развлекательной программы и прочие организационные вопросы решала кадровая служба. Ремиру только подносили счета на оплату.

В этот раз празднование намечалось в «Ресторане Охотников», где гостей поджидали только к четырём. Однако уже с утра в головном офисе традиционно никто не работал, и атмосфера там царила самая расслабленная. С дозволения Ремира, конечно же. И это несмотря на то, что в вопросах управления он бескомпромиссно придерживался авторитарного стиля и, слегка переиначив Макиавелли, считал, что босса подчинённые любят по своей воле, а боятся - по воле босса, и умный босс всегда выберет то, что зависит от его воли. А ещё он считал, что закручивать гайки непрерывно нельзя, и время от времени надо непременно отпускать хватку и давать народу отдохнуть и расслабиться. Поэтому никогда не зажимал корпоративы, не скупился на всякие тим-билдинговые мероприятия, ну а в предпраздничные дни на всеобщее тунеядство и лёгкую разнузданность поглядывал сквозь пальцы.

В этот день он и сам оставил дела насущные. Занимался лишь тем, что поздравлял руководителей других операторов и провайдеров и получал поздравления от них.

- Кого это ты там, Рем, высматриваешь? - с улыбкой спросил Макс, вразвалочку заходя к нему в кабинет.

По блеску в глазах было ясно - технический уже принял на грудь. Наверняка, со своими технарями - он с ними всегда был запанибрата.

Ремир, сунув руки в карманы, стоял у окна. К центральному входу уже заранее подъехал заказанный красный Hyundai Universe. Через два часа все отчалил в ресторан веселиться. Астафьев встал рядом, посмотрел вниз через плечо.

- О, уже и карета подана. «Сарму» будешь поздравлять?

Ответил Ремир ему без слов, тяжёлым, мрачным взглядом.

- Ты чего такой злоющий? - усмехнулся Астафьев. - Наш же праздник, расслабься. Ты как народ-то поздравлять будешь с такой миной? Им же плохо станет от одного твоего присутствия.

- Не волнуйся за народ. Я не поеду.

- Что вдруг так? - удивился Макс.

- Не хочу. Мне, знаешь, вообще как-то не до веселья.

- Из-за этой фигни с «Сармой»?

- Угу, - подтвердил Ремир, хотя это лишь частично было правдой. Даже не так. Ситуация с тендером и "Сармой", если уж честно, отъехала на второй план. Сильнее прочего тревожило его другое.

Только теперь он начал осознавать, какую грандиозную ошибку совершил, взяв на работу Горностаеву, да и просто встретившись с ней. Точнее, он всегда понимал, даже когда ещё и не взял её, что лучше этого не делать и сам себе не мог объяснить внятно, почему всё-равно поступил так упрямо, глупо, почему повёлся на необдуманный порыв. Но только теперь осознал, какие масштабы и последствия лично для него нёс этот опрометчивый шаг.

Чем там он прикрывался? Накажет? Отомстит? Какая, к чертям, месть? Когда при ней он совершенно голову теряет и чуть ли в безвольного идиота не превращается, стоит столкнуться с ней взглядом. Никогда такого с ним не случалось, и как с этим совладать, он попросту не знал. И даже когда её нет рядом, она никак не идёт из мыслей.

Ладно, из мыслей. Но после первой же встречи с ней, ещё тогда, на собеседовании, внутри как занозой засело тягучее, неотвязное чувство. Иной раз оно пекло невыносимо, иной раз - болезненно саднило, но чаще всего - просто тянуло и ныло, но никогда не стихало полностью. Даже ночью, даже с другой. И что ещё хуже - с каждым днём оно как будто набирало силу и остроту. Это мешало не на шутку, угнетало и подрывало веру в собственные силы, а этого никак нельзя было допустить. Ведь только на этом он всегда и держался.

У него уже испортились отношения с Наташей хуже некуда. Ну, ладно, это, допустим, потеря не самая великая. А вот то, что он совсем утратил контроль над собой - тут впору бить тревогу и срочно, срочно принимать контрмеры.

Взять вчерашнее. Когда Алина сообщила, что «эта новенькая» сначала опоздала с обеда, потом устроила скандал и драку с Лизой прямо на рабочем месте, как же его это взбесило! Он, конечно, знал, что Поля отнюдь не великосветская леди, что от такой куртуазных манер ждать глупо, но скандал! На работе! Это просто в голове не укладывалось. Даже от неё такого срама он не ожидал. Его аж замутило от нахлынувшей брезгливости. Ну и от злости, конечно. Хотелось тряхнуть её как следует и прямо немедленно вышвырнуть прочь. Но сдержался, дал себе несколько минут, чтобы немного остыть.

Затем понял - как бы гадко всё это ни выглядело, оно даже к лучшему. Теперь он сможет избавиться от неё со спокойной совестью и предложений никаких не нужно. И от наваждения этого дикого заодно избавиться. А потом увидел Полину, плечо её голое, так неожиданно выглянувшее из разорванного рукава, и в ту же секунду как рассудком помутился. Почему, чёрт возьми? Откуда такая реакция? Что он женских плеч не видел? В том-то и беда, что с другими женщинами даже откровенная нагота на него так не действовала. А тут глаз не мог отвести, до одури хотел коснуться её кожи, да не просто коснуться - вдруг безудержно захотелось разорвать всю блузку, а потом... От этого «потом» даже сейчас, спустя сутки бросало в жар. И то, что вчера рядом топталась Лиза, вообще никак не расхолаживало. Не опомнился, пока сам вдруг не ужаснулся силе, остроте и неуместности этого желания. Сжал кулаки, отошёл к окну, отослал обеих.

Это ведь ненормально. Даже тогда, в лагере он так с ума не сходил. Если не считать один короткий миг на складе. И теперь сам себе становился до отвращения неприятен от того, что впадал в зависимость от такой вульгарной, беспринципной и дешёвой девки. Что будучи снобом даже в мелочах, брезгливым и не к таким вещам, воцелел её, как никогда и никого. И ни вид её, ни поведение непотребное не могло охладить этот пыл. Разве так бывает, спрашивал сам себя, презирать женщину, ненавидеть её и при этом безумно желать?

«Надо от неё избавиться и срочно», - снова повторил Ремир про себя. Вот он и освободится от этого проклятого наваждения.

- Всё равно сегодня ничего не решишь, - прервал Макс его мысли.

- Что? - не понял он.

- Говорю, поедem, развеешься. Нельзя же всё время только о работе думать.

- Да не хочу я праздновать. Настроения нет. Поздравлю сейчас сотрудников по громкой связи и домой поеду. С Наташей помирюсь, может, сходим куда-нибудь...

Пиликнул селектор. Ремир подошёл к столу, нажал кнопку:

- Что?

- Ремир Ильдарович, - нежно проворковала Алина, - тут к вам гости. Господин Чернов из «Байкалтранса».

- Проводи.

В кабинет вошёл представительный мужчина средних лет. Высокий, плотный, с густой седой шевелюрой. В руках - фирменный подарочный пакет, по всему видно - тяжёленький.

Мужчина широко улыбнулся и раскинул руки. Пакет качнулся, внутри что-то звякнуло.

- Ремир, дорогой, позволь поздравить тебя и твою компанию с профессиональным праздником! Дальнейшего ей процветания! И вас, Максим, с праздником, - обратился он уже к Астафьеву. - Работать с вами - одно удовольствие. Такие надёжные партнёры - редкость.

- Спасибо, спасибо, Георгий Иванович, - Ремир улыбнулся ему вполне искренне. - Нам тоже в радость наше сотрудничество.

- Вот вам, ребята, небольшой презент. Коньячок коллекционный и ирландский виски. Так сказать, на вкус.

- Георгий Иванович, так может, выпьем немного за наш профессиональный праздник? - подал голос Макс.

- Почему нет? С хорошими людьми я всегда рад пропустить рюмочку, другую. Но я, братцы, ненадолго, у нас там с таможенной накладки...

Ремир распорядился, чтобы Алина накрыла столик в комнате отдыха, и буквально через четверть часа она впорхнула, держа в руках поднос с закуской. Ловко выставила бутерброды с красной и чёрной икрой, нарезанный прозрачными ломтиками лимон, сыр, шоколад.

Откровенно говоря, пить Ремиру совсем не хотелось, но обидеть давнего партнёра отказом он не мог. Да и невелика жертва - подумаешь, пригубит пару раз виски. Не надо же будет потом работать.

Однако Чернов неожиданно засиделся. Взахлёб травил производственные байки, пока ему не позвонил кто-то нужный и важный и не призвал срочно вернуться. К тому времени они уже успели ополовинить «Мидлтон».

Ремир особо и не налегал, буквально цедил по глоточку крепкий, пряный напиток, но организм его всегда был очень гостеприимен к алкоголю. Так что с Черновым прощался уже крепкими объёмами, хотя вообще подобный обычай считал несусветной дикостью.

- Ну что? Ты сейчас домой? - поинтересовался Макс, когда гость уехал. - А то нам уже скоро пора выдвигаться в ресторан.

- Не хочу домой. Тоже в ресторан поеду.

- Ясно, - хмыкнул Макс.

Оба вышли на улицу. Встали поодаль, чтоб никого не смущать. Решили - пусть сначала разъедутся сотрудники, а потом уж они следом.

Рядом с автобусом отдавала команды Супрунова, тоже явно уже навеселе, руководила посадкой. Из дверей то и дело вываливался народ, по двое, по трое, по одиночке, и, довольные, семеня к автобусу. Нежный майский ветерок доносил лёгкие ароматы парфюма и алкоголя, смех, обрывки разговоров.

- Кот спит, мыши резвятся, - хмыкнул Макс.

Ремир поглядывал на людей, скрестив руки на груди, и благодушно улыбался.

Дамы все сплошь выглядели ярко и празднично: каблучки, укладки, наряды. Макса аж на лирику потянуло. Начал разглагольствовать о всякой сентиментальной ерунде, мол, весна, май, сама природа велит влюбляться и размножаться, а они вот в бумагах зарылись, счастливые моменты упуская.

Девушки из бухгалтерии выпорхнули галдящей стайкой, но, спустившись с лестницы, отошли чуть в сторону и приостановились, буквально в паре шагов от них с Максом. Достали длинные сигаретки, но прежде чем прикурить, оглянулись на него, пошушукались.

- Ремир Ильдарович, - обратилась к нему Инга Миц, бухгалтер по налогам и сборам, - можно мы быстренько покурим?

Конечно, они видели, что и он уже слегка расслабился, а то бы чёрта с два стали такое спрашивать. Вот и сейчас он лишь небрежно махнул рукой, мол, валяйте.

- Блин, Рем, ты не хочешь пересмотреть дресс-код? - заглядывался Макс чуть ли не на всех подряд дам. - Ты только погляди - как хорошо и приятно будет работать в таком цветнике.

Ремир не ответил, но разулыбался всё с тем же благодушием, мол, да, цветник, хорошо, приятно...

А потом из здания вышла Горностаева и тотчас выдернула его из вязкой полуэйфории. Сердце тут же дрогнуло, и дыхание перехватило.

Выглядела она так, что глаз не оторвать. Ярко-зелёное, под цвет глаз, платье, явно дорогое, как и туфли. Густые, тёмные локоны собраны наверх, но несколько завитков выбились из причёски. Длинная шея открыта и кажется такой нежной и хрупкой. С грацией как минимум королевы она прошествовала к автобусу, заставив добрую часть мужской половины на миг забыть. Макс вот, например, присвистнул, кто-то издал звук наподобие «Вау!», кто-то отпустил комплимент, а Никита Хвощевский, самый расторопный, ринулся ручку подать, в автобус сопроводить, а там уж и устроился, видимо, рядом.

Ремир и сам, пока она не скрылась в автобусе, с жадностью пожирал глазами её прямую спину, тонкие руки, изящные лодыжки.

- Рем, не хочешь в автобусе поехать, со всеми? - с усмешкой спросил Астафьев. - А то смотри, у Хвощевого, по-моему, намерения конкретные.

- Да мне плевать, какие у него намерения, - буркнул Ремир.

- Разве? Мне казалось, что ты всё-таки к ней...

- Неправильно казалось, - перебил он Макса. - Если хочешь знать, я её собрался уволить.

- Вот как? - Макс взметнул брови в неподдельном изумлении. - За что?

- Не поверишь, за драку. Не слышал? Блин, вы с технарями как будто параллельно существуете. Короче, они с Лизой вчера устроили кошачий концерт прямо в отделе.

Но эта новость почему-то Макса только развеселила.

- Вы видели, девчонки? - услышал Ремир возглас Инги Миц. - Откуда у этой дешёвки Касадей? Такие босоножки стоят не меньше пятисот евро. Они, конечно, из старой коллекции, но это точно настоящий Касадей.

- Ой, да понятно, откуда, - хмыкнула Вера, кассир. - Нас***ла.

Девушки засмеялись, а Ремира как кипятком обожгло.

- Поехали, - позвал он Макса. - А то Коля уже заждался.

Проходя мимо бухгалтерии, оживлённо обсуждающей Горностаеву, он вдруг рывкнул:

- А ну марш в автобус!

И девушки, и Супрунова, и все остальные, которые топтались у здания и почему-то не спешили садиться, смолкли и быстро-быстро заскочили в автобус, тот наконец тронулся, дополз до перекрёстка, неуклюже повернул и скрылся.

Директорский Maybach подъехал к ресторану первым.

- Надо было тебе их раньше отправить. А теперь ждать придётся, когда эта колымага дотащится.

Однако ждать не пришлось. Вскоре показался и красный Hyundai Universe, откуда тотчас один за другим стали шустро выпрыгивать сотрудники и сотрудницы.

- Коля, - обратился к водителю Ремир, - меня не жди. Я домой на такси.

Отпустив водителя, оба не спеша направились к гостеприимно распахнутым дверям «Ресторана охотников». Когда они поравнялись с автобусом, оттуда, оступившись, с чертыханьем выкатился Никита Хвощевский. Но удержался на ногах, выпрямился и протянул руку вверх:

- Осторожнее, Полиночка, тут порожек у ступеньки отогнут, не запнись!

«Он с ней уже на «ты». Она ему уже Поляночка. Однако быстро они! Хотя чему тут удивляться...», - подумал Ремир, закипая, но вовремя сообразил отвернуться.

Не надо на неё смотреть. Не видеть её - вот верный способ оставаться более или менее спокойным и выдержанным. Поэтому за вечер он ни разу на неё не взглянет. Словно её и нет.

Хостес радушно встречала всех входящих, подсказывала, куда идти, но Ремира пожелала проводить в зал лично, будто он сам не знал дорогу.

Вообще, «Ресторан охотников» был довольно небольшой. Длинный, просторный холл, налево - большой зал, направо - маленький, прямо - коридор и уборные, дальше по коридору - кухня и всякие служебные помещения.

«ЭлТелеком» арендовал оба зала, хотя празднество шло только в одном. Маленький зал пустовал. Просто Ремиру не хотелось, чтобы на их празднике присутствовали посторонние лица.

Столы выставили буквой П. Они вместе с Максом традиционно сели во главе. За этим же столом разместились административный директор, финансовый, Влад Стоянов, главбухша и Супрунова. Ремир краем глаза подметил, что Горностаева села почти в самом конце левого ряда столов, где расселись все коммерсанты, а возле неё устроился настырный Хвоцевский, любезный весь такой, обходительный. Оградил собой её от всех вокруг. Да плевать, решил Ремир и отвернулся к правому ряду.

«Всё, теперь точно - больше ни одного взгляда в ту сторону, - твёрдо сказал себе он. - Смотреть только вперёд или вправо».

А справа заняли места девочки-кадровички, бухгалтерия, плановики, а дальше - не видно.

В качестве ведущего выступал приглашённый артист, плотный, круглолицый, с усиками, в смешном пиджаке и шляпе. Внешне и повадками артист до изумления напоминал куплетиста Бубу Касторского. Наверняка, этот образ и был взят на вооружение, когда создавался собственный. Но вечер вёл этот лже-Буба отменно, тут уж не отнять. Говорил бойко, задорно, острил смешно, причём шутки порой рождал явно вот прямо сейчас, спонтанно, заставляя публику хохотать до слёз. Ну и напаявал всех, как заправский тамада. Улыбчивые официантки только знай себе успевали подносить новые бутылки. Ну и закуски, конечно.

Ремиру нравилось всё: Буба этот с его остротами, еда, вино, кадровички, девчонки из бухгалтерии, Супрунова, даже Стоянов его не раздражал. А на Макса так он вообще взирал, как на самого дорогого сердцу человека. Ну и даже что-то такое ему высказывал время от времени.

Макс на это улыбался, но занудствовал:

- Рем, я тоже тебя люблю, но ты ешь давай побольше. Мясо вон, салаты, сёмгу. Закусывай!

Но Ремир лишь улыбался счастливо и ему, и официанткам, и кадровичкам, и бухгалтерии. А те - смущённо цвели в ответ.

А влево он не смотрел, даже ни разу глаза не скосил. И легко ему было, и приятно.

После парочки иллюзионистов в чёрном, которые глотали огонь, кололи себя ножами и топтались голыми ступнями по битым стёклам, Буба объявил танец живота, и мужская часть заметно встрепенулась.

Девушка, очень худенькая и совершенно славянской наружности, но в восточном костюме двигалась под музыку кругами, раскинув руки, унизанные браслетами, и то плавно, то энергично качая бёдрами. Однако не прошло и пары минут, как слева раздался шум, и вскоре на импровизированную сцену уверенно вышла Лиза. Взгляд слегка косой, но решительный.

- Неправильно она танцует! - заявила во всеуслышание. - Танец живота надо танцевать вот так!

Она неожиданно подняла блузку, подвязав её узлом под грудью и пошла в пляс, оттеснив девушку в пурпурном балади. На миг все смолкли, опешив, потом вдоль столов прокати-

лись смешки. А затем и вовсе открыто захохотали. То тут, то там слышалось: «Блин, она сдурела! Такой живот прятать нужно», «Фу, трясёт жиром», «Позорище», «Сейчас стошнит, но смешно»...

Даже Астафьев, смеясь, бросил:

- Рем, нафига ты тратился на артистов, когда у нас свои такие кадры?

Ремиру, наверное, одному смешно не было. Противно было, это да. Только не от того, что там Лиза исполняла, чем трясла и как выглядела, хотя и он искренне не понимал, зачем она оголила живот. Просто с юности не выносил, когда все смеялись над одним, когда все травили одного, стаей, скопом. Когда видел такое, откуда-то из глубины поднималась горечь и злость.

«Горностаева, поди, тоже смеётся. Это же как раз в её вкусе - все на одного. А тут тем более позорят её недруга».

Он метнул взгляд в ту сторону, где сидела она, но её не обнаружил. Ни Полины, ни Хвощевского вообще не было за столом. Это почему-то ещё больше рассердило. Он наполнил себе рюмку, выпил и поднялся из-за стола.

- Ты куда? - перестал смеяться Макс.

Не отвечая, Ремир прошёл на сцену и присоединился к Лизе. Все вокруг тотчас смолкли. Лиза и сама приостановилась, но глядя, что шеф вдруг тоже стал танцевать, разошлась ещё больше. С его стороны это, конечно, был совсем не беллиданс, а вообще какая-то эклектика, но ведь, главное, от души. А танцевал он всегда хорошо, плавно, раскованно, хоть и только спьяну. Потом, протрезвев, очень сокрушался на этот счёт. Сетовал Макс на бабкины гены и её же дурное влияние - она, мол, была танцовщицей и его, ещё ребёнком, приучила.

Однако на каждом корпоративе он снова и снова всей душой отдавался танцам. Правда, не так рано, как на этот раз, и по велению сердца, а не затем, чтобы прекратить смешки над пьяной дурочкой.

К нему почти сразу присоединился Макс, вытянув за собой какую-то девчонку из коммерческого, вроде новенькую. А Горностаева так и не появилась. И Хвощевский тоже.

Да и плевать на них, думал в который раз Ремир, возвращаясь на место, когда закончился танец.

Абсолютно плевать, говорил себе, произнося очередной тост за связистскую братию.

Плевать, плевать, плевать, повторял, снова танцуя, теперь уже по своему желанию, с душой, с восточной страстью, увлекая за собой женщин и напропалую с ними флиртуя.

Глава 15

Глава 15

После жуткого четверга, прямой угрозы увольнения и, как и следовало ожидать, бессонной ночи со всеми полагающимися атрибутами: самоедством, метаниями, горячими слезами в подушку и фантазиями, как «он бы подошёл, она бы отвернулась...», пятничное празднество виделось чем-то вроде пира во время чумы.

Да и связистом она себя почувствовать не успела и, возможно, не успеет. Но тут она ещё собиралась побороться. Напроситься к нему на приём на следующей неделе и всё объяснить, растолковать. Он ведь не зверь, должен понять. Вон и Анжела вечно твердит, что он, в принципе, понимающий.

Хотя после вчерашнего инцидента, после его уничижительных, хлёстких слов даже представить трудно, как она взглянет ему в глаза так, чтоб со стыда сразу не умереть. И если б не Сашка, она бы, наверное, сама после такого в контору ни ногой. А уж тем более приходить к нему и что-то просить. Но теперь и о гордости, и о стыде, и о всех прочих личных чувствах надо было забыть.

Да в общем-то, она и забыла, давно забыла. Какие уж там чувства, когда последние три года её жизнь - это сплошная гонка по кругу, причём в каком-то совершенно диком темпе и напряжении. Ведь сделаешь что не так, не успеешь, проглядишь - и трагедии не миновать. Частенько она и поест забывала, что уж говорить обо всём остальном.

А сейчас, на этой работе она вдруг снова стала ощущать себя красивой женщиной, которая может и умеет нравиться. И это как будто вдохнуло свежий, пьянящий воздух в беспросветную серость жизни. Господин Долматов заставил её это почувствовать. Вновь ощутить себя желанной и привлекательной. И вот теперь из-за глупого, хоть и позорного недоразумения он гонит её прочь.

Нет, она будет не она, если просто так сдастся. В конце концов, ведь он же и разбудил в ней прежнюю Полину этими своими жаркими взглядами. Он же влез к ней в душу, всё там вывернул наизнанку, заставил мучиться, томиться, заставил снова думать о себе, о нём, заставил слёзы лить, что уж вообще последнее дело. Так что она не отступится, пока есть хоть малейшая надежда.

А значит, выглядеть надо на этом корпоративе на все сто, чтобы ни у него, ни у кого-то ещё не возникло мысли, что она чувствует себя, как побитая собака.

С макияжем, конечно, пришлось изрядно повозиться. Ночные слёзы аукнулись наутро покрасневшими, припухшими веками. К счастью, по случаю дня связиста дозволили явиться на работу как угодно накрашенной и разодетой. И грех было этим не воспользоваться. Тем более после подслушанного у бухгалтерии разговора.

Одно плохо, почти все наряды, когда-то подаренные её щедрым банкиром, стали велики. Впрочем, отыскалось платье из старой коллекции Emporio Armani, цвета морской волны, которое имело такой фасон, что вполне хорошо сидело и сейчас. Его она и выбрала. А к нему - серьги с изумрудными капельками. В итоге, осталась вполне довольна собой.

Посмотрим, решила, как этот восточный князь будет на неё реагировать.

«О, хоть бы он передумал её увольнять!».

Может, и следующей недели ждать не придётся? Может, удастся на вечере поговорить с ним? Попросить? Объяснить ситуацию. Ведь она тоже ему нравится. Она это чувствует, знает.

До четырёх день тянулся ни шатко ни валко. Лиза разговаривала с ней сквозь зубы, но особо не наезжала. Если утром ещё оставались кое-какие дела, то с обеда атмосфера в отделе, да и, видимо, во всей конторе, и вовсе стала расхлябанной.

Все откровенно расслабились и начали, не стесняясь, закладывать за воротник. И Лиза, похоже, тоже на пару с новеньким Берковичем. Потому что на этот раз она даже не обратила внимания, когда Полина вернулась с обеденного перерыва, снова опоздав на четверть часа.

Опоздала она не нарочно. Нарываться на очередные неприятности ей очень не хотелось, но надо было съездить к Саше, потому что кто знает - вдруг с этого корпоратива не получится уйти вовремя.

Лиза окинула её уже нетрезвым взглядом, фыркнула:

- Вырядилась.

Полина смолчала, хотя с собственным нравом сладить было сложно, так и хотелось съязвить в ответ. Но после вчерашнего не стоило ухудшать своё и без того плачевное положение. Да и Лиза на месте не сидела, не нервировала. Ходила «по гостям» и везде таскала за собой Додика, как комнатную собачку.

А в половине четвёртого по громкой связи всех пригласили спуститься - автобус ждёт, пора ехать.

На площадке перед зданием толпился народ, пёстрые, весёлые, шумные. Все галдели и рассаживаться никто не торопился. Полина поискала глазами директора, но было слишкомлюдно, да и многие тут же уставились на неё. Стало не по себе. Вот так же, молчаливо на неё все и каждый смотрели в институте после скандала с замдекана. Тут, правда, не молчаливо. Косились, перешёптывались, а некоторые и вполне отчётливо шипели вслед.

Да что им всем от неё надо, негодовала Полина. Что она им сделала? Половину из присутствующих она вообще впервые видела и тем не менее...

К ней подлетел Никита, осыпал комплиментами, обдал винными парами.

У них что тут, традиция такая - заправляться заранее? И куда суровый директор смотрит? Но Никита, во всяком случае, проявил к ней доброжелательность, уже спасибо. И из автобуса потом помог выйти, руку подал, как истинный джентльмен.

Только тогда, у входа в ресторан она увидела Долматова, правда, со спины, но так даже и лучше. Встретаться с ним внезапно она пока оказалась не готова, надо ведь сначала собраться с духом, «сделать лицо». И к тому же так, сзади, можно было вдоволь им полюбоваться.

В ресторанах она не бывала уже давным-давно. И на минуту у неё возникло ощущение, будто вернулась в прошлое. Правда, вместо её банкира рядом вился Никита, лощёный, обходительный и неинтересный.

А тот, кто действительно был интересен, кто заставлял сердце учащённо биться и болеть, казался сегодня недостижимым, как никогда. Он и сидел от неё далеко, но это полбеды. Самое неприятное, что он её как будто не замечал. То есть не как будто, а в самом деле не замечал. Он и вообще сам по себе был какой-то другой. Не хмурился, не смотрел мрачно, наоборот - улыбался всем подряд. Так и светился радостью.

- Что сегодня с директором? Газа веселящего вдохнул? - искренне недоумевая, спросила Полина у Никиты, который, вообще-то, уже утомил её своим вниманием. - Я его прямо не узнаю.

- А-а-а, он всегда такой, когда выпьет, - ответил тот. - Подожди немного, он потом ещё танцевать будет с нашими тётками. Они все его пьяного любят.

Полина удивилась. Выходит, и ему ничто человеческое не чуждо?

Она тоже цедила вино, по чуть-чуть - знала, что с непривычки можно влёт окосеть, а ей только этого для полного счастья не хватало. И без того в голове зашумело после первого же глотка.

Зато Никита налегал вовсю, и не на вино, а на водку. И она бы с удовольствием отсела от него, да только к кому? Даже Анжела и та увлечённо беседовала с каким-то лысеющим дядькой. Всем было весело. Долматову было весело. А ей - вдруг горько. Она и сама не ожидала, что его невнимание так сильно её ранит. Почему он не смотрит на неё? Не замечает совсем? Будто она пустое место, будто её здесь нет?

Ещё этот Никита замучил своими занудными разговорами, слушать которые терпения не хватало. Извинившись, что обрывает его на полуслове, она поднялась из-за стола.

- Ты куда? - поймал он её руку.

- Ну конечно же, носик припудрить, - аккуратно высвободила она пальцы и, чтобы смягчить уход, улыбнулась.

Всё не так, как надо, думала она раздосадованно, разглядывая себя в зеркало, занимавшее целиком одну стену уборной. И для кого она так наряжалась, спрашивается? Для кого так хотела быть красивой, если он даже ни разу за весь вечер не взглянул на неё.

Зато этот Никита утомил так, что сил нет. Что зубы сводит. И как от него отвязаться, чтобы не очень обидеть? Но надо сказать уже сейчас, решила она, а то он, похоже, совсем раздухарился, уже вон и за руки её хватает. Эти приметы хорошо знакомы и примерно понятно, что вскоре последует, так что самое время идти на попятную, а то потом отбиваться придётся.

Но когда она вышла из уборной, то обнаружила, что Никита поджидал её в коридоре прямо за дверью. Она и охнуть не успела, как он ввалился в туалет и втолкнул её обратно.

- Э-э, ты чего?

Он промышал что-то невнятное, сграбастал так, что не вывернуться. И откуда только у этого тщедушного программиста столько сил взялось?

- Отпусти! Ты что творишь? Отпусти, я сказала! - Полина отчаянно заколотила его кулачками по плечам, царапнула по щеке. - Я кричать буду!

Никита не реагировал, только ещё крепче сжимал. Он нацелился на губы, она отвернула лицо и мокрый рот принял к шее. Волна брезгливости придавала сил, она сумела извернуться и оттолкнуть его.

- Совсем с ума сошёл! - взвизгнула она, отскочив в сторону. Но обходительного Никиту как подменили. Он тяжёло дышал, смотрел на неё оловянным взглядом и снова медленно надвигался.

- Не подходи! Я закричу! Сюда придут, что про тебя подумают? Ты же...

Никита резко рванул к ней, она отпрыгнула чуть в сторону, но он успел поймать её за руку и дернуть на себя. Полина вскрикнула, попыталась выдернуть руку, но тонкие, цепкие пальцы вцепились как клешни.

- Отпусти, урод!

В следующую минуту дверь открылась, и в уборную вошли две девушки из бухгалтерии, чьих имён Полина не знала, но мельком видела в офисе. В первый миг они опешили, явно не ожидая застать подобную картину. Уставились во все глаза на неё, на Никиту.

Он оглянулся, убрал от Полины руки и, покачнувшись, вышел.

- Спасибо, - выдавила она срывающимся голосом.

Те в ответ переглянулись, насмешливо поджав губы.

А когда она, мало-мальски приведя себя в порядок, выскочила из женской комнаты, услышала за спиной ядовитые смешки.

Неужто эти дуры подумали, что она тут по своей воле уединилась с этим пьяным психом? Впрочем, она всё равно была им благодарна - в конце концов, если б не их появление, то ненормальный Хвоцевский, похоже, доставил бы ей неприятностей. И без того её всю трясло после этой стычки, аж руки ходуном ходили.

Возвращаться в зал не хотелось - вдруг этот урод там?

Полина остановилась на пороге, пошарила глазами по залу - нигде его не обнаружила. Зато увидела, что Ремир Ильдарович танцует, и не просто с ноги на ногу перетаптывается, а такие пируэты выписывает, что она аж опешила.

Она проскользнула на своё место, озираясь по сторонам, и лишь убедившись, что Никиты действительно нет в зале, облегчённо вздохнула.

С Ремиром танцевали ещё Максим Викторович, Супрунова, новенькая Юля и Лиза.

Но вскоре к ним стали подтягиваться и остальные, замыкая Долматова в постепенно расширяющийся круг. Пританцовывали они все как-то однообразно, больше топтались на месте, ну и немного взмахивали руками, локтями, покачивали бёдрами, плечами.

Он же ушёл в танец с головой, и при этом так и лучился счастьем. Вскидывал голову, сиял белозубой улыбкой. Двигался он, пожалуй, даже чересчур раскованно, но при этом с какой-то животной, завораживающей грацией.

Она залюбовалась, даже не понимая, что это за танец у него такой. А он не только самозабвенно выплясывал, но и с азартом подпевал Джо Джонасу: «U! Na-na-na-na-na! Kissing strangers»*.

Полина поймала себя на том, что невольно улыбается, глядя на него, а на душе разливается тепло так, что даже недавняя встряска с Хвощевским стала казаться далёкой и как будто ненастоящей.

А потом он вдруг вытянул из круга за руку какую-то девушку, кажется, тоже из бухгалтерии. Обнял её, смеясь, закружил. И смотрел на неё, не отрываясь.

Полине показалось, будто сердце бритвой исполосовали. И тепло в один миг обернулось колючим холодом.

На пустующее место Хвощевского подсел какой-то мужик, она вроде его и не видела ни разу прежде, но он обратился к ней по имени:

- Что, Полиночка, груstim? Предлагаю выпить, познакомиться поближе...

Она лишь мрачно на него взглянула.

- Уйдите, а?

Мужичок, к счастью, оказался более понятливым, чем Хвощевский и сразу же отсел.

Зато Ремир отрывался по полной. Бесстыжая бухгалтерша висла на нём, прижималась пышной грудью, а он улыбался и мле! А потом ещё и поцеловал её не то в висок, не то в ухо!

Полина задыхнулась от боли. Сжала в пальцах салфетку, опустила голову, сморгнула, раз, другой, пытаюсь... нет, не успокоиться, а хотя бы не заплакать при всех.

«Не смей! Не будь тряпкой!».

А губы у самой не слушались, дрожали. Что вообще такое? Сама себя не узнавала. Сидит тут, страдает, еле сдерживая слёзы, как неудачница, как отвергнутая воздыхательница, как невзрачная, одинокая, незванная гостья на чужом празднике. А ведь это она всегда блистала, она могла понравиться почти любому...

Только когда это было? Да и не надо ей любому. Плевать на всех. А вот он... Он такой, что аж сердце щемит...

«Ну посмотри на меня! Взгляни хоть раз!».

Но Ремир глаз не сводил с ненавистной бухгалтерши.

Выйти бы туда, в их развесёлый кружок, затмить бы их все, чтобы он наконец заметил её!

Однако странное дело - сейчас она даже сил в себе не могла найти на такую, в общем-то, ерунду. Казалось, под страхом смерти она не смогла бы танцевать рядом с ним. И непонятно откуда взялись это дурацкое стеснение, эта совершенно чуждая ей робость.

Но он-то... Зачем он так поступает? Зачем весь вечер игнорирует её? Зачем в открытую флиртует с другой? Зачем так мучит? Ведь ему она, Полина, нравится. Это точно, не может она ошибаться.

И он знает, что нравится ей, во всяком случае, догадывается, не может не догадываться, если уж по всему офису слухи ходят. Да даже и не в слухах дело, он просто знает и всё. А Полина это чувствует, по взгляду видит, по напряжению, что всегда возникает между ними.

И вот зная про неё, он ведёт себя так? Намеренно делает ей больно? Но почему? Зачем так её мучить? К чему такая жестокость?

Полина щедро плеснула себе в бокал Ле Деньер. Не хотела же пить... Но такой ком встал в горле, что дышать больно.

Однако и вино не помогало. В голове разлилась тяжесть, а в груди как болело, так и продолжало болеть. Точно нож воткнули. Да какой там нож! Будто искромсали всю.

Она наполнила ещё один бокал. Нечаянно всхлипнув, выпила и его. А потом ресторанный диджей включил «Под веткой омелы»**, и Ремир ещё откровеннее прижал к себе чёртову бухгалтершу, сцепил руки у неё на талии, низко наклонил к ней голову...

Уж это вынести Полина совсем не смогла. В глазах нестерпимо защипало.

«Какая ж я дура, размечталась!», - снова вырвался предательский всхлип.

Хорошо, что никто не услышал. Надо уходить. Проигрывать тоже нужно уметь, не теряя лица. А если она пробудет здесь ещё хоть чуть-чуть, от этого лица, похоже, и вовсе ничего не останется. Она залпом допила бокал, взяла клатч и вышла из зала.

В холле присела на банкетку. Набрала телефон такси, сообщила адрес.

Не надо было вообще приходить на этот проклятый корпоратив! Ещё и надеяться на что-то. Не вечер, а какая-то пытка. На глаза всё-таки навернулись слёзы.

«Нельзя! Не здесь!», - шмыгнув носом, велела себе она. Но дрожащий плач уже всюю рвался наружу.

Полина кинулась в уборную, уповая, что там никого нет.

Ну, хоть тут повезло. Глубокое дыхание обычно помогало совладать с собой, но сейчас и вдохнуть толком не получалось. Губы непослушно кривились, горячие слёзы струились по щекам, и чем яростнее она их вытирала, чем отчаяннее приказывала себе прекратить истерику, тем сильнее заходила в плаче.

Пару минут спустя кто-то зашёл в туалет, и она, зажав ладонью рот, затаилась в кабинке.

И надо же - нервная дрожь стихла, слёзы высохли. Этот кто-то, сам того не ведая, помог ей успокоиться. Точнее, помогла и, сделав всё, что нужно, отправилась веселиться дальше.

И тут же позвонили из службы такси, сообщили, что машина подъехала, ждёт.

Полина посмотрела в зеркало и поморщилась. Ну и ужас! Тушь вокруг глаз размазалась, щёки исчерчены тёмными от слёз дорожками. Глаза лихорадочно горят. Больная, измученная панда. Вот кого она сама себе сейчас напоминала.

Полина пустила воду и тщательно умылась. И затем даже припудриваться не стала. Пусть будет как есть. Всё равно не для кого быть красивой. Ну а что делать со своими чувствами, она разберётся уже дома.

Да, скорее бы очутиться дома. Так что быстро на выход и в такси!

* Сингл группы DNCE "Kissing strangers"

** композиция Sia "Underneath the Mistletoe"

Она торопливо выскочила в коридор. Из зала доносилась «Girl you'll be a woman soon» Оверкилла.

«Он там, поди, с этой... нет, даже думать не хочу», - болезненно поморщилась она, решительно шагая по коридорчику в сторону холла, когда из-за угла вдруг вывернул Ремир.

Это было так неожиданно, что она растерялась и на миг приостановилась, затем пошла, замедлив шаг. Дыхание замерло в груди, зато сердце тотчас пустилось в дикий неуправляемый галоп, загрохотав в ушах барабанной дробью.

Долматов тоже явно не ожидал её увидеть. Даже, кажется, вздрогнул слегка в первый момент, а потом так и впился взглядом своим жгучим. Он неспешно двигался навстречу, приближаясь словно неотвратимое препятствие, налетев на которое она разобьётся вдребезги. У неё вдруг возникло странное ощущение обречённости, словно это гибель её неминуемая надвигается. Словно её затягивает в эти чёрные бездны, и вот-вот она попросту утонет с концами. И всё равно не могла отвести глаз, как, похоже, и он.

До столкновения осталось три шага, два, один... Сердце бесновалось, сходило с ума, рвалось из груди. Внутри всё сжалось в страхе, отчаянии и непонятном предвкушении. Они поравнялись и... разошлись.

Но не успела она и вдохнуть наконец - потому что, оказывается, не дышала, не успела почувствовать облегчение и разочарование, как он поймал её за руку, развернул к себе, прижал так тесно, что она почувствовала даже сквозь одежду его крепкие мышцы, горячую кожу. Почувствовала, как обволакивает и одуряет его запах. Почувствовала, как напряжённо и часто вздымается его грудь, как бешено колотится сердце, как будто наперегонки с её собственным.

Одна его рука легла на спину, прижигая, вторая - на затылок, властно, крепко, и захочешь - не сбежишь. Он рвано выдохнул и впился ей в губы отчаянно, неистово, словно наконец-то дорвался. От такого напора у Полины вмиг отказали ноги, а разум заволокло тягучим туманом. И всю её, от кончиков до кончиков, захлестнуло жаркой волной. Мелкая звенящая дрожь не утихала, наоборот, набирала силу, будто пыталась пробиться изнутри наружу.

- Поехали куда-нибудь, - хрипло прошептал он, с трудом оторвавшись от её губ.

Всю дорогу до Новоленино Ремир всё с тем же безудержным пылом целовал её, не обращая никакого внимания ни на таксиста, с ухмылкой косящегося на них в зеркало, ни на надрывающийся сотовый. Целовал он жадно, нетерпеливо, словно изголодался и никак не мог насытиться.

А уж дома, в её квартире, обрушился с такой страстью, что едва дал дойти до разложенного дивана, сметая по пути стулья, журнальный столик, какие-то баночки, склянки, со звоном падающие на пол.

Потом вдруг остановился, часто, шумно дыша. Подхватил её на руки, легко, как пёрышко, прижал к себе крепко, уткнулся носом в макушку, втянул запах, издал хриплый, почти болезненный полустон. Полина сквозь марево дурмана почувствовала, как в груди его дрогнуло, толкнулось... Приоткрыла губы спросить, но он тут же вновь приник поцелуем, отчаянным, выжигающим душу. Внутри всё сжималось, как будто она взмыла ввысь на смертельно-опасном аттракционе, но вдруг сорвалась и летит в пропасть. И страшно, и сладко, и головокружительно, аж дух захватывает.

Он снова прервал поцелуй, но лишь на мгновение. Одежду, жалкое препятствие - рывком прочь. Переплетенье рук, кожа к коже. Она у него смуглая, гладкая, горячая, так и пышет жаром, а под кожей бьётся, пульсирует нетерпение.

Его прикосновения стали всё откровеннее, распаяя, доводя до исступления. И снова с его губ сорвался полустон и рваный шёпот: «Что ж ты со мной делаешь? Я не могу так больше. Я с ума по тебе схожу».

Полина и сама как будто лишилась рассудка - до одури хотелось ощущать его каждой клеткой всего, везде. Она выгнулась навстречу ему, теперь уже и сама сгорая от нетерпения. По телу прокатилась дрожь, когда он наконец вошёл в неё. И в самый острый миг, в момент такого

долгожданного и болезненного наслаждения подумалось вдруг с упоением: «Мой мужчина, мой...».

Потом он крепко прижал её к груди, сбивчиво шепча в макушку: одна... единственная... самая... всё время думаю... не могу так больше...

Счастливая, наверное, впервые за долгое-долгое время, она почти сразу уснула на плече Ремира, вдыхая его пьянящий запах.

Глава 16

Глава 16

Ремир проснулся в пятом часу, едва за окном начало светать. Голова побаливала, но во всём теле гуляла приятная истома.

По запахам, по ощущениям, пока ещё смутным, он понял, что ночует не дома. Антураж в полумраке угадывался с трудом, но уже понятно - всё незнакомое: диван у стены, обои с узорами, прямоугольник потолка над головой, без всяких ступенек и светильников, но с одинокой люстрой по центру. Значит, он даже и не у Макса. Что, вообще-то, странно. Тот всегда строго бдит, чтобы Ремир с корпоратива не умотал к какой-нибудь сотруднице. И за это он ему бесконечно благодарен, понимая, протрезвев, что такие связи, пьяные, случайные, бездумные, очень осложняют и жизнь, и работу. Поэтому после корпоративов просыпался традиционно у Астафьева. Уже и привык к этому, а тут что... Точнее, где...

При том сам он голый, а на затёкшем плече спит девушка. Куда, спрашивается, смотрел Макс на этот раз?

Девушка... Её тёплое дыхание приятно щекотало. Волосы пахли вкусно... чем - не знал. Перемешано как-то всё: шампунь, духи, чистая кожа. В женском парфюме он не разбирался, но явно то был аромат не из дешёвых. А вот запах чистой кожи, кожи молодой женщины... нет его слаще. Этот запах, странное дело, одновременно и расслаблял, и возбуждал.

Ремир вдохнул поглубже, насладиться, потом скосил глаза к девушке и... внутри всё сжалось от ужаса. Зажмурился крепко-крепко. Снова взглянул. Она! Полина! Мирно спит у него плече, закинув ногу на его бедро. И эта простая мысль, что она, да ещё и совершенно обнажённая, сейчас у него в объятьях, просто сносила голову.

И тут же, как яркие фотовспышки, всплывали один за другим фрагменты вчерашнего вечера, вчерашней ночи. Как поймал её в коридоре - а хотел ведь пройти мимо, но не смог. Как впился поцелуем, и от губ её рассудок помутился окончательно. Как любил её на этом самом диване с такой неистовой страстью и отчаянием, будто иначе погибнет. Он и правда, чуть не погиб, когда всё, что полыхало, бушевало, болело внутри, наконец взорвалось мощным и нестерпимо ярким, до слепящих кругов перед глазами, оргазмом.

Кровь вновь прихлынула, и тело сразу ожило, забив на волю хозяина. Пах стремительно наливался жаром и тяжестью, так что ситуация грозила вот-вот стать бесповоротной и непоправимой. Впрочем, непоправимое уже случилось, но пусть оно хотя бы не повторится!

Ремир осторожно высвободил руку, сдвинул её ногу и, призвав всю силу воли, встал с дивана, изнемогая от мучительного и острого желания. Голова еле соображала.

Одежда и его, и её беспорядочно валялась по всему полу. Брюки и рубашку, точно изжёванные, достал из-под дивана, даже стыдно надевать, а носков он и вовсе не нашёл. Но пока оставались хоть крупинцы разума в дурной голове, Ремир поспешно оделся, только вот перед тем, как малодушно сбежать, зачем-то остановился, снова посмотрел на неё, на спящую. И в груди так остро, так пронзительно защемило, что до боли захотелось наплевать на всё: на здравомыслие, на положение и работу, на прошлое, наконец. Наплевать и остаться с ней. И чтобы они опять, как вчера ночью... Потянулся невольно рукой к её волосам, размётанным по подушке, но тут же спохватился.

«Что ты творишь?! Прекрати, идиот!», - стиснув челюсти, приказал себе он и решительно вышел из комнаты.

К счастью, замок на входной двери оказался с защёлкой, иначе пришлось бы её будить, а Ремир даже помыслить не мог, как теперь, после всего, в глаза ей взглянуть, не то что заговорить.

Он тихо выскользнул в подъезд и осторожно затворил за собой дверь.

Несколько минут он петлял по дворам - спросить дорогу было не у кого.

Наконец вышел к автобусной остановке, тоже безлюдной. Собственно, чему удивляться - суббота, пять утра. Хотя даже и пяти, наверное, ещё нет. Он поднял запястье, но часов не обнаружил. Здорово! Похлопал по карманам - ни портмоне, ни телефона при нём тоже не оказалось. Вообще замечательно! Забрался к чёрту на рога, и куда теперь?

Он растерянно оглянулся. Никого. Ни дворников, ни бомжей, ни собак. И что делать? Как из этой дыры выгребать без денег, без связи, ещё и без носков? Главное, и в какую сторону-то идти не знал, поскольку не бывал тут ни разу, а внутреннего компаса, к сожалению, не имел.

В конце концов, решил дожидаться тут, на остановке, хоть кого-нибудь. А там попросить телефон, позвонить Макс, пусть приедет заберёт.

Прождал по ощущениям полчаса, не меньше, озяб до дрожи, когда наконец увидел двух парней лет восемнадцати-двадцати в трениках и олимпийках. Рванул к ним:

- Эй, пацаны! Стойте!

Они остановились, уставились на него с прищуром, мол, кто такой и что надо?

- Дайте телефон позвонить?

Они недоумённо переглянулись, хмыкнули.

- А ты ничего не попутал?

- А-а, ну да - пожалуйста.

- Такой большой дядя... свой надо иметь, - ухмыльнулся один, зачем-то обходя его со спины.

Второй тоже криво улыбнулся и, оглядев Ремира с ног до головы, придвинулся ближе:

- Хорошие у тебя ботиночки. Сразу видно - дорогие. Дай поносить?

- Ты охренел, что ли? У тебя...

Договорить ему не позволили. Тот, что со спины, вдруг резко ударил по почкам, видимо, ногой. Ремир охнул, задохнулся и тут же получил удар самодельным кастетом в челюсть. Хорошо хоть, в последнюю секунду сработала реакция, и он успел отклонить голову назад, а иначе перелома точно не избежал бы. А так отделался лишь разбитой губой.

Ну а дальше пошло по накатанной: отключить на время ощущение острой боли в пояснице, предельно сконцентрироваться, круговой блок, удар ребром ладони в шею тому, что с кастетом, и тут же, в довесок - хидза-гэри* (удар коленом) в лицо. Молниеносный разворот - блок - выпад - удар. Сотомаваши** (маховый круговой удар ногой), и тот, что напал сзади, хватая воздух ртом, корчится на земле.

Морщась от спазма в пояснице, Ремир наклонился к одному из поверженных, обшарил карманы, выудил сотовый.

- Сссука, - прошипел пацан. - Я тебя ещё найду.

Ремир на него даже не взглянул, набрал по памяти номер Астафьева, выслушал пятнадцать безответных гудков. Повторил ещё пару раз. Выругался. Пацаны тем временем с трудом, крича, стали подниматься с земли. Ремир набрал телефон службы такси. С ними повезло больше - ответили сразу.

- Где вы находитесь? - вежливо спросил диспетчер.

Ремир заозирался - самому бы понять, где он находится.

- В Новоленино. На остановке.

- Пожалуйста, сообщите точный адрес.

- Эй, пацаны, - позвал он парней, - это что за место?

- Пошёл ты, козёл, - отозвался один, сплюнув.

Но тут на глаза попала табличка с номерами маршрутов и названием остановки.

- Спутник... Остановка «Спутник»! - радостно прочёл он.

Потом подошёл к парням, но бить передумал. Швырнул им небрежно телефон, а там уже и такси подоспело.

А дома его ждал сюрприз в лице Наташи. Ремир чертыхнулся про себя: когда, зачем дал ей ключи?

- А предупредить о своём визите нельзя было? - буркнул.

- Я звонила тебе, ты не отвечал, - с упреком сказала она. - Ты вообще где был? Ты подрался? А Астафьев где?

«Сказать ей правду? - подумалось вдруг. - Нет, потом, сейчас нет никаких сил выяснять отношения».

Он скинул туфли и прошлёпал босиком в ванную. Наташа за ним.

- Куда ты? Я же тебя спросила...

- Сейчас я хочу помыться и лечь спать. Всё. Остальное - потом.

- Он хочет! А я тут, значит, сиди в неизвестности, умирай от волнения... - начала заводиться Наташа.

Ремир посмотрел на подругу устало. А Макс ведь прав, Наташа и впрямь чем-то походила на Горностаеву, если приглядеться. Не совсем, но нечто общее явно угадывалось. И тут же поймал себя на мысли, что впервые, подумав о Полине, испытал не злость, а волнение. Сердце так и ёкнуло. Ну, не идиот ли?

- Слушай, иди к себе?

- Что?! Ну, знаешь ли... Может, мне вообще уйти? Навсегда?

- Давай. Ключи только верни.

Ключи Наташа вернула, запульнула их в него с яростью, с красноречивыми, трёхэтажными эпитетами. Как ещё увернулся. Захлопнул дверь ванной. Наташа продолжала стучать и ругаться, а перед глазами всё равно стояла Горностаева. Да такая, какой прежде, до вчерашней ночи, он её не видел. Разделся перед зеркалом, осмотрел себя, как будто с удивлением: она спала у него вот тут, на груди, целовала его... в голову снова ударила кровь, внизу живота тягуче заныло.

"Так нельзя!", - рассердился он на себя.

Чтобы стряхнуть наконец наваждение, Ремир долго терзал вероломное тело контрастным душем, резко переключая ледяную воду на кипяток и обратно.

За дверью вроде всё стихло. Однако, когда он вышел из душа, Наташа всё ещё сидела в комнате. С виду вполне спокойная, но Ремир знал по опыту - спокойствие это обманчиво и влёт может вылиться в очередной скандал с воплями и швырянием всего, что под руку попадёт.

Интересно, какая Горностаева, когда злится? Почему-то вдруг некстати представилось, как зелёные глаза полыхают огнём.

- Кто она? - без всяких переходов холодно спросила Наташа, выдернув его из мыслей. - От твоей рубашки так и разит женскими духами, и на воротнике помада...

До чего же не хотелось сейчас ввязываться в эти выяснения! Да и вообще ничего не хотелось. Хотелось побыть одному, спокойно подумать... И помада, кстати, не её, точно. Она не накрашенная была совсем, это он почему-то запомнил.

- Какая-нибудь шлюшка с работы? - с презрением сказала, как плюнула Наташа.

- Ты же собиралась уйти? - вскипел Ремир. В глазах сверкнула злость.

Моментально уловив перемену его настроения, Наташа замолчала, поднялась с дивана, прошествовала в прихожую.

- Я всё равно выясню, - процедила тихо, а на пороге бросила: - Мало тебе навалили!

- Мало-мало, иди уже.

Прямо удивительно, что она даже ничего не разбила.

Расстались они раз в двадцатый, но только теперь возникло уверенное ощущение, что навсегда. И никакой досады, никакого огорчения. Наоборот, казалось, будто он оставил старый, громоздкий и тяжёлый чемодан, забитый всякой ненужной дребеденью, и теперь шагает налегке.

Ближе к вечеру к нему заскочил Макс. Принёс пиджак, оставленный в ресторане. Но ни телефона, ни портмоне в карманах не оказалось. Значит, оставил у неё? Ну, здорово!

Как было бы хорошо, никогда больше с ней не видаться. И пусть бы даже сначала было плохо. Пусть бы даже очень плохо. Он бы перетерпел. Когда её нет, он хотя бы сам себе хозяин.

А при мысли, что хочешь-не хочешь, а предстоит-таки с ней встретиться, ну и конечно, объясняться, о чём-то говорить, да и не о чём-то, а том, что между ними произошло, и при этом в глаза её смотреть, внутри всё тотчас обмирало. И жарко становилось, хоть снова под ледяной душой.

Ещё вопрос: что вот он ей скажет? Правду?

"Я тебя ненавижу-презираю, но меня к тебе невыносимо тянет, потому так и случилось. Прости, этого больше не повторится" Или: "Извини, я был просто пьян".

Всё это какой-то тупой, беспомощный лепет. Самому аж противно. Да и какой бы она ни была, любые его слова ранят её чувства. Хотя какие там чувства могут быть? Ведь наверняка с её стороны был голый расчёт. Причём с первого дня предсказуемый. Она ещё на собеседовании наглядно продемонстрировала свои намерения. А вдруг нет? В ту ночь она казалась такой настоящей...

"Не будь идиотом! - обрывал он себя зло, не позволяя размечтаться. - Она тебе и в лагере казалась настоящей".

Такие, как она, твердил, в принципе неспособны на искренние чувства. Только зачем ей...? И тут же вспомнились слова сисадмина Жмурова про её интригу с замдекана, про то, как она училась, не учась...

Всё же очевидно, с горечью подумал он. Полина и тут, наверняка, решила пойти проторённой дорожкой. Тем более он накануне объявил, что увольняет её. Неужели она всерьёз думала, что после этого он переменит решение? Да он теперь наоборот ещё твёрже решил от неё поскорее освободиться.

Ещё и Астафьев вцепился, как клещ: куда пропал вчера? Что с таблом? Кто начистил? Почему не отвечал на звонки? Где ночевал? У кого? Уж не в Новоленино ли? Колись! Ведь в Новоленино же? По лицу видно!

Ремир отпирался. Не хотел насмешек, взглядов "я-так-и-знал", непрошенных советов и всяких пошлых комментариев, которые всенепременно так и польются из Макса.

Ну а главное, было почему-то очень стыдно за то, что случилось. За то, что оказался таким безвольным и не смог устоять перед ней. И за то, что сбежал, стыдно. Даже перед самим собой стыдно. Так что нет, пусть уж лучше никто не знает, где и с кем он вчера ночь провёл.

Только Астафьев, как показалось Ремиру, не очень-то ему поверил. Да и плевать.

В воскресенье Долматова вообще никто не тревожил - вот она жизнь без телефона во всей красе. Хотя спокойно всё равно не было. Он буквально места себе не находил. Из всех сил старался не думать про пятницу, пытался отвлечься на одно, на другое, но что бы ни делал - никуда не мог деться ни от этих мыслей навязчивых, ни от ноющего чувства в груди, ни от томительного жара, что время от времени накатывал волной. Тут ничто не помогало: ни тренировка с усиленной нагрузкой, ни контрастный душ.

И ведь как знал, когда не хотел идти на этот корпоратив! А ночью и вовсе снилась всякая пошлость.

В понедельник они съездили с Максом на могилу к отцу, ну а следующий день он провёл у матери, с которой по негласному соглашению встречался раз в месяц.

Вообще, длительные праздники его утомляли. Иной раз он просто не знал, чем себя занять. А когда на сердце мятежно, вот как сейчас, когда неясное волнение прямо изводит всего, праздничное безделье и вовсе было невыносимым.

Так что в среду на работу Ремир летел чуть ли не с радостью.

В десять утра Алина вместе с кофе принесла ему пакет.

- Доброе утро, Ремир Ильдарович! Вот - с охраны позвонили, передали. Сказали, что вы в пятницу в ресторане оставили.

В пакете оказались портмоне, часы и телефон.

Ну надо же, удивился Ремир. А он ожидал, что Горностаева не преминет вручить потерю лично, а заодно и поговорить о своём положении. Он, конечно же, испытал облегчение, но вместе с тем и лёгкое чувство досады, что ли. Чего уж сам от себя не ожидал.

- Ремир Ильдарович, вы в курсе, - вывела его из раздумий Алина, - что в ресторане в пятницу опять произошёл скандал с участием Горностаевой?

- Нет, - мотнул он головой. А внутри всё напряглось.

- Может, это случилось уже после вашего ухода?

- Случилось - что?

- Её застукали в женском туалете вместе с Хвощевским прямо во время... ну вы сами понимаете.

Алина вышла, заявилась главбухша. Принесла документы, что-то долго и нудно втолковывала, а Ремир с трудом ухватывал суть её слов. Пару раз даже поддакнул невпопад.

После неё пожаловал Макс с дурной вестью: под Читой на станции крупная поломка. Надо срочно выдвигаться, причём самому Ремиру, так как грядут разбирательства с надзорными органами.

Поэтому до обеда Долматов работал в режиме цейтнота: делал всё, что можно было сделать, созванивался, раздавал чёткие указания, рассылал по службам и отделам распоряжения, подписывал срочные бумаги, в том числе и пакет документов к тендеру с Авиазааводом.

- Напоминать не нужно, что всё это надо прошить, запечатать, заклеить в плотный, непрозрачный пакет и лично отвезти в комиссию по госзакупкам?

- Да-да, - с готовностью закивала Лиза, - я знаю. Сама сегодня же отвезу.

- Паспорт при себе есть?

Она снова кивнула.

Всё-таки, подумал он, плохо, что в такой момент вместо надёжной Штейн осталась эта придурковатая Лиза.

- Тогда ступай, действуй. И давайте без сцен и мордобоя, ясно?

Лиза в третий раз кивнула и удалилась.

На обед куда-то ехать времени не оставалось, поэтому в кои-то веки решил спуститься в кофе-бар, быстро перекусить и в путь. Как только он подошёл к стойке, тотчас все оживлённые разговоры разом смолкли. Оглянувшись - дамы из бухгалтерии, маркетинга, коммерческого, планового сосредоточенно жевали, не поднимая глаз от тарелок. Вспомнились слова Макса.

«И впрямь, как бы не подавились», - хмыкнул он и отошёл к дальнему столику, чтобы не смущать сотрудниц.

Постепенно атмосфера разрядилась, и девушки вновь начали шушукаться и посмеиваться. Говорили они тихо, но обрывки всё равно долетали: «Горностаева... Хвощевский... туалет...».

- Вон она! Пошла... - довольно громко воскликнула Инга Миц.

И все как по команде устремили взгляд в сторону холла.

И правда, мимо увитой лианами перегородки, отделявшей холл от кофе-бара, прошла Горностаева. Видимо, и она уловила возглас Миц, потому что на миг приостановилась и обернулась. Взглянула на неё, а его, похоже, не заметила. И лицо у неё такое было, что в груди больно сжалось.

Затем она направилась к лифтам, волоча за собой шлейф смешков, шепотков, оскорблений...

С трудом доев несчастный бургер, Долматов поднялся к себе. Сунул в портфель нужные документы, смену белья, зубную щётку, благо всё это предусмотрительно хранилось «на всякий пожарный» в комнате отдыха. Напоследок, уже перед самым выходом, попросил Алину призвать Никиту Хвощевского.

Тот явился незамедлительно и с виду не то чтобы робел, но заметно нервничал.

- Что у вас произошло с Горностаевой?

- Ничего, - покачал головой Никита.

- Уточню: в пятницу, в уборной ресторана.

- Да ничего такого, - отвёл глаза Хвощевский.

- А если её спрошу?

Никита закусил губу.

- Я не хотел... я просто напился, перекрыло меня... И ничего такого я не сделал, так только...

Ремир сжал кулаки до онемения, стиснул челюсти до скрежета, пытаясь совладать с собственным гневом, яростно пульсирующим в висках. Неудержимо захотелось вытрясти всю душу из этого Хвощевского. Но нельзя, нельзя.

- Ничего такого не сделал... - процедил Ремир зло. - Сюда подойди.

Хвощевский приблизился к его столу.

- Ты в курсе, что из-за твоего «перекрыло меня», её сейчас на каждом углу обсуждают?

Он потупил взгляд.

- Сейчас я включу громкую связь, и ты перед ней извинишься. Минуту тебе на размышления. Хорошо подумай, что сказать. Учти, мне не надо, чтобы тут сплетни разводили вместо того, чтоб работать.

Хвощевский густо покраснел.

- Готов?

Ремир включил громкую связь:

- Полина Андреевна Горностаева, прошу минуту внимания. Вам желает кое-что сказать господин Хвощевский.

Никита склонился над микрофоном и глухим, надтреснутым голосом произнёс:

- Полина, простите меня, пожалуйста, за... тот неприятный инцидент... в пятницу... за то, что оскорбил вас своим поведением. Мне очень стыдно. Я поступил как последняя ско...

- Хватит, - Ремир выключил тумблер. - Это уже перебор. Выражения-то подбирай в эфире, не на кухне. Ну всё, ступай, последняя скотина. Стой. Ещё одно - чтоб к ней больше близко не подходил.

Хвощевский вдруг вспыхнул, немного помешкал, но всё же разотважился и выпалил:

- Вы не имеете права запрещать...
 - Зато имею право уволить тебя по такой статье, что ты вообще работу не найдёшь, -
- Ремир поднялся из-за стола, закинул на руку пиджак, взял портфель. - Вон отсюда.
- Хвощевский скрылся. Следом за ним вышел Долматов.
- Ремир Ильдарович, вы надолго уезжаете? - спросила Алина.
 - Дня на два...

Глава 17

Глава 17

Полина долго думала, как вернуть Долматову его вещи. Видимо, он удирал от неё в такой спешке, что позабывал половину. Сейчас в ней клокотала не только обида, но и злость, и даже чуточку презрения она к нему, такому замечательному и такому, оказывается, трусливому, испытывала.

Но в этом состоянии Полина, во всяком случае, могла держаться уверенно и владеть собой. А вот все выходные, начиная с субботнего утра, когда обнаружился позорный побег героя, она хандрила так, что из рук всё валялось. Оплакивала свою несбывшуюся любовь, чувствовала себя обманутой, раздавленной и глубоко-глубоко несчастной. Вспоминала его горячие поцелуи, от которых сердце замирало, и тут же слезами уливалась. Ну и ругала себя, конечно же, на чём свет стоит за глупость, за слабость, за напрасные надежды. Размечталась! Возомнила! И ведь ей не семнадцать лет, чтобы о принцах грезить, чтобы так опрометчиво голову терять.

Но он тоже хорош! Какие слова ей нашёптывал. Единственной, называл, самой-самой... А потом сбежал, даже не попрощался, даже слова не сказал. Разве люди так делают? А он поступил с ней, как с продажной девкой. Сделал дело и - ноги в руки. Вон даже кошелек оставил. И плевать ему на её чувства. Или что, он думает - раз директор, то можно вести себя вот так? С любой? А если бы она ему не подвернулась в коридоре, он бы вот так же уехал с той бухгалтершей?

Подушка ещё пахла чёртовым Клайвом Кристианом. Она сначала сдёрнула наволочку, но загрузить в машинку так и не решилась. Осела в ванной и разрыдалась в неё. Самой сейчас противно вспоминать, как она там сидела на корточках на холодном полу, вдыхала запах и плакала, ощущая себя слабой, одинокой, униженной и никому не нужной. А это ведь не так! Она сильная, она нужна Сашке, а унижить человека вообще можно только тогда, когда он это позволяет, когда сам себя чувствует униженным.

Но это сейчас она переболела, сумела настроиться, а тогда являла собой очень жалкое зрелище. Только приезжая к Саше, получалось кое-как собрать себя в кучу, нацепить гримасу счастья и источать радость, пока не попросят на выход.

А вечера в пустой квартире! А ночи! Четыре ночи ада! Нет, три. В последнюю она неожиданно быстро и крепко уснула. И проснулась в среду пусть всё такой же несчастной и с тяжёлым сердцем, но вполне себе бодрой и решительной. Даже надела ему назло шёлковой нежно-розовой кофточке с рукавами-крылышками. Хотя назло - это самообман, конечно, вообще-то ничего другого просто не было. Но ей нравилось думать, что назло, что это вроде как протест.

Ну а вещи, им забытые, собрала в плотный бумажный пакет. Предварительно осмотрела, конечно. Часы «Ролекс» - ох, ну, разумеется, что ещё может носить такой сноб? Портмоне Боттега Венета - из той же оперы. Внутри - кредитки, визитки, и денег прилично. Погуглила - стоит такой кошелек столько, сколько она за месяц не проживает. А уж про последний айфончик и говорить нечего. И вот такое добро своё он не побоялся бросить? Неужто ему мысль о ночи, проведённой с ней, была настолько невыносима и неприятна?

Какой же он подонок, всхлипнула Полина. И ничем, оказывается, он не лучше Назара. Один лишь вид серьёзный.

Эти его вещички она решила передать через охрану. Посчитала, что они её даже по имени не знают, так что в случае чего растрепать не смогут. Да и наплела им, что директор забыл всё это в пятницу в ресторане - те с пониманием ухмыльнулись, но пакет, конечно, взяли и пообещали тотчас связаться с приёмной.

Можно было, конечно, отдать ему лично, а заодно и в глаза его бессовестные посмотреть, но обида не позволила. Нет уж, теперь она и сама не хочет его видеть.

А дальше, стоило подняться на второй этаж, начался просто какой-то сюр, причём кошмарный. На неё косились все и каждый, как на чумную. Полина недоумённо озиралась, сию минуту поняв, что опять не так.

Ближе к обеду ситуация обострилась ещё сильнее. Из всех углов доносились шепотки. Стоило ей пройти мимо людей, как тут же все замолкали, оглядывались, тарасились на неё, а вслед - опять говорили о ней. Что о ней - это точно, несомненно, потому что свою фамилию всегда улавливаешь чётче всего. Но вот о чём конкретно говорили? Не разобрать.

Полина даже приостановилась возле группки женщин и с вызовом спросила:

- О чём шепчемся? Если вас что-то интересует, может, лучше у меня лично спросите?

Но женщины молча разошлись, оставив её в полной растерянности.

Чем она вдруг им насолила? Случай с Лизой, что ли, до сих пор мусолят? Или вдруг стало известно про директора?

От этой мысли прямо подурнело. Мозг начал судорожно соображать: мог их кто-нибудь увидеть?

Когда они шли на выход, когда садились в такси - им по пути точно никто не попался, а вот когда целовались в коридоре - неизвестно, но вполне. Вдруг кто-то выбрел именно в тот момент из зала и подглядел? А потом и сопоставил их одновременное исчезновение?

Однако Лиза не дала долго томиться в безвестности. Вообще-то, она ругалась с Анжелой. Требовала что-то по работе, напирала, срывалась на крик с переходом на личности.

Потом Анжела, психанув, высказала нечто понятное, наверное, только им двоим. Что-то там про танец живота, Полина особо не вслушивалась и не вникала. А зря, потому что это заветное «танец живота», точно заклинание ведьм, пробудило вдруг в Лизе зверя. Она стала гадости говорить, причём всем без разбору - Анжеле, Ане, Полине. Только вмиг притихшего Додика обошла вниманием.

Вот тогда Лиза и ляпнула: «Эта вообще чпокалась в туалете с Хвоцевским».

В первый миг Полина оцепенела от шока. Потом началась тихая истерика.

- В каком туалете? Вы совсем тут, что ли, с ума все посходили? Вам заняться нечем, кроме как гадости всякие придумывать? Почему ко мне-то все прицепились? Ваш Хвоцевский, чтоб вы знали, - с надрывом, со слезами выкрикивала Полина, - напился как свинья, вломился в уборную и чуть меня... Это и так был ужас! А ещё тут вы!

Ладно, она могла сказать правду Анжеле, Ане, даже Лизе и Додику. Но, по словам Лизы, весь офис об этом твердил. И детали смаковали, и свидетели этому сраму нашлись. Не будешь ведь к каждому подходить, объяснять, рот затыкать...

Подумалось вдруг с противным холодком, пробежавшим под кожей: «Ведь и до директора наверняка эта гадость докатилась. И что он подумал? Что она сначала с Хвоцевским, потом с ним?».

Впрочем, плевать, что он там подумал, тут же одёргивала сама себя. Он сам поступил некрасиво и малодушно. А значит, его мнение волновать вообще не должно. Тем более он сидит там, на троне, к челяди своей спускается изредка и их перешёптывания ему, похоже, до лампочки. Хотя что уж скрывать - как бы она себя ни убеждала, а его мнение волновало и очень сильно.

Только б до него не докатились эти слухи! Он ведь в обычные дни держится очень отстранённо, общается только с техническим директором и с... Алиной, вспомнила она, и аж тошнота накатилась. Уж эта секретарша не только передаст, то и от себя присочинит. И это будет ужасно.

Полина и так не знает, как ей теперь работать дальше, среди всех них, перешёптывающихся. Даже вон Анжела косилась на неё исподтишка, что уж говорить об остальных.

Перед обедом Лиза примчалась в кабинет совершенно заполошная, трясая перед носом стопкой документов, которые до этого Полина целый час копировала.

- Это пакет к тендеру! Директор сказал - срочно! Это надо прошить! Где дырокол? Где суровая нить? - суежилась Лиза и тормозила всех. - А конверт? У нас же были где-то плотные конверты? Такие коричневые?

Потом она вдруг спохватилась:

- Ой, чёрт, паспорта-то у меня всё равно нет... Тогда завтра...

Лиза сунула уже прошитую стопку в ярко-розовую папку и убрала к себе в лоток. Суэта мгновенно стихла и все занялись своими прежними делами. Ангела и Аня уткнулись в простыни экселевских таблиц, Додик - в изучение клиентской базы, ну а Полину вновь заслали носить тяжеленные регистраторы в бухгалтерию.

Заходить сейчас в бухгалтерию ей совсем не хотелось. Если б имелся выбор, она бы скорее ткнула голым пальцем в осиное гнездо, но выбора такого, увы, не было.

Полина занесла стопку регистраторов, спросила, куда всё это сгрудить.

Инга Миц с полуухмылкой кивнула на широкий подоконник. Остальные девушки на неё вроде как и не смотрели, но многозначительно переглядывались между собой, а воцарившееся в кабинете ядовитое молчание буквально жгло кожу.

Именно в этот тягостный момент небольшой динамик над дверью засипел, захрипел, а потом вдруг оттуда полился голос Долматова, чёткий, твёрдый, уверенный. Он обращался к ней, к Полине, по имени-отчеству, во всеуслышание. Обращался, считай, по радио!

Потом слово взял урод-Хвощевский. Извинился. Тоже, получается, при всех.

В кабинете бухгалтерии по-прежнему стояла тишина, но теперь уже это была совершенно другая тишина. Сложно объяснить, но это чувствовалось. Минуту назад безмолвие давило и жалило, а теперь нет. Теперь девушки взирали на Полину с откровенным недоумением. Да она и сама остолбенела от изумления.

Про неё по-прежнему шептались и в лифтах, и в кабинетах, и в коридорах, но иначе. И в собственном кабинете сразу антигероем стал Хвощевский, а не она. И Ангела сразу припомнила, что год назад на новогоднем корпоративе он тоже к ней приставал. И даже Лиза пробурчала что-то солидарное.

Полина сразу возликовала. Выходит, не такой Ремир и гад! Услышал, но не пропустил мимо ушей и в сплетни не поверил, а решил вступить и заткнуть всем рты.

Значит, всё-таки она не ошибалась, и он к ней правда неравнодушен! Вон даже удивляются все, с чего он вдруг сподобился вмешаться.

Работа сразу закипела. Полина, с трудом сдерживая ликующую улыбку, бойко перенесла все регистраторы и вдохновенно принялась за новое поручение.

Через полтора часа Лиза уже и не знала, что ещё ей доверить такого, чего по незнанию испортить нельзя. Но тут позвонили снизу, из центра обслуживания клиентов. Сообщили, что недовольный клиент скандалит и требует начальство.

- Вот блин, принесло же опять этого Пуртова! Сейчас всю кровь мне свернёт, - скривилась Лиза. Даже слово «начальство» её не утешило.

- А что за Пуртов? - полюбопытствовал Додик.

- Тёмочка, ты же изучаешь базу, найди там всё про него, он к нам часто бегаёт ругаться. А вообще, он ипэшник. Очень противный мужик. Всё ему не так. И доходов-то с него штук пятнадцать в месяц, а воплей-то, воплей, мама дорогая!

Лиза, обречённо вздохнув, поплелась из кабинета, а спустя пару минут позвонила Анжеле, потребовала выкатить распечатку переговоров для этого Пуртова.

- Полин, будь другом, отнеси это вниз, - попросила её Анжела, протянув несколько распечатанных листов.

Полина подхватила бумаги и понесла их Лизе. Крики разгневанного клиента слышались даже в коридоре.

- Я ещё раз повторяю. Мне обещали в этом самом офисе, что новые номера будут подключены по другому тарифу, со скидкой. Вот у меня даже доп.соглашение с собой. А счёт посмотрите. По новым номерам, как и по старым - никакой скидки. Вы обманули меня! Я не буду платить, я вообще сейчас на вас жаловаться пойду в Россвязьнадзор и в прокуратуру.

Лиза лепетала что-то невразумительное, но мужчина только распалялся ещё больше.

- Мы обязательно разберёмся! - пообещала ему Полина, ослепительно улыбаясь. Он обернулся на голос и замолк. Она уловила его перемену настроения, подошла ближе, посмотрела прямо в глаза. - Мы обязательно решим эту проблему в самое ближайшее время. Вы же дадите нам несколько дней, чтобы понять, в чём ошибка, и всё исправить?

- Конечно, - просипел клиент, кивнув, и смущённо улыбнулся.

- Вот и хорошо, спасибо вам за ваше терпение и понимание.

- И вам спасибо.

Ушёл он слегка обескураженный, но вполне довольный.

- Ух ты! Как ты его! - воскликнули девочки.

- Да, спасибо, - буркнула Лиза. - Только вот с номерами что за фигня? Он ведь прав - новые подключения в апреле шли по скидочному тарифу. Ну-ка проверьте остальных. Если мы и с другими так накосячили, то нас же сейчас порвут.

Так оно и получилось. Не все, но добрая половина номеров требовала перерасчёта. Девчонки переполошились. Пока сами вручную выкатывали в бешеном темпе новые счета, Полину выставляли на баррикады - уговаривать и успокаивать разволнованных клиентов. И это было совсем несложно. Даже самые нервные уходили в приподнятом настроении. А всё потому что радость, которая её так и распирала, оказалась вдруг заразной.

В пятом часу к ним заглянула девушка-кадровичка и пригласила Полину пройти в кадровую службу.

Полина взлетела на четвёртый этаж, впорхнула к ним в кабинет и звонко поздоровалась, щедро одарив девушек цветущей улыбкой.

Супрунова кивнула на свободный стул и протянула ей какую-то бумагу:

- Полина Андреевна, ознакомьтесь с приказом.

А там чёрным по белому: Прекратить действие трудового договора с 24 мая 2017 года... Её имя, должность, табельный номер... Внизу подпись Долматова и сегодняшнее число.

В первый момент она глазам своим не верила - это наверняка какая-то ошибка. Он же... И осеклась. А что он? Переспал? Может, для него это обычное дело. Ведь он же сбежал потом.

Полине показалось, что её ударили наотмашь, так сильно, что острым спазмом скрутило лёгкие и вдохнуть не получается. В груди, пульсируя, стремительно разрастался сгусток острой боли. Глаза зажгло, губы непослушно задрожали, пришлось прикусить их. И пальцы свело, так что ручка, которую всучила Супрунова, выпала.

- Эй, ну, ты чего это? Воды дать?

Супрунова повернулась к своим сотрудницам.

- Девчонки, подайте воды Полине Андреевне.

Та, что за ней приходила, поднесла стакан.

Супрунова наклонилась поближе и тихо сказала:

- Глупая, надо было в пятницу на корпоративе к нему подойти, поговорить, он бы простил... Не подсказал, что ли, никто из ваших? А теперь-то что слёзы лить? Если тебя это утешит, Лизку вон тоже квартальной премии лишил и из ведущего в обычного специалиста разжаловал. Вон уже девчонки капли ей приготовили. Она ещё не в курсе. Может, тебе тоже успокоительное накапать?

Полина, оглушённая новостью, качнула головой. Потом подняла ручку, быстро расписалась и вылетела из кабинета.

С минуту помешкав у лифта, решительно двинулась на седьмой.

Анжела рассказывала, что он помогает своим сотрудникам в критических ситуациях. А у неё разве не критическая? Конечно, очень не хочется давить на жалость, припоминать ту ночь, спекулировать здоровьем Сашки и вообще что-либо у него просить не хочется, но что делать?

В приёмной её встретила Алина, на этот раз даже не просто холодно, а откровенно в штыки.

- Мне нужно к директору, - обратилась к ней Полина.

- Ей нужно! - хмыкнула Алина. - К вашему сведению, к директору можно входить только мне, директорам, начальникам служб, ну и приглашённым. А просто так залетать к нему по собственному желанию категорически нельзя. Это вам не проходной двор.

- Значит, сообщите ему, пусть пригласит.

- Да вы в своём уме?!

Из соседнего кабинета вышел Астафьев. Увидев Полину, разулыбался:

- Полина, верно? Какие-то проблемы? Вы к Ремиру? А его нет. Он в командировку уехал. Я за него. Может, я смогу чем-то помочь?

Она, внезапно обессилев от расстройства, опустилась на диван. Уехал... Уволил и уехал. Нет, даже не так - переспал, уволил и уехал. Она низко опустила голову, чтобы Алина и Астафьев не видели её лица. Но он всё равно не отставал, сел рядом, даже приобнял за плечи. Стал расспросами одолевать. Может, и правда, хотел помочь, да только чем он тут поможет?

Впрочем, Полина, наверное, даже и рассказала бы ему - так тяжело вдруг стало носить всё в себе, но не при секретарше ведь. Если бы он пригласил её в свой кабинет... но тут зазвонил сотовый.

- Простите, - извинилась она и вышла из приёмной.

Потому что на экране высветилось «Назар».

- Привет, Поля, - голос у него был бодрый, весёлый.

«Вдруг передумал насчёт денег?», - трепыхнулась в груди надежда.

- Слушай, давай вечером сегодня встретимся, потолкуем кое-о-чём?

- О чём?

- Ну, о твоей просьбе. Тебе всё ещё нужны деньги?

- Да, конечно.

- Отлично. Может, я смогу тебе помочь... Давай сегодня подъеду к твоей работе часиков в шесть?

- Хорошо...

- Вот и ладненько, - обрадовался Назар и отключился.

У Полины вырвался дрожащий вздох. Неужели Назар ей поможет? Даже не верилось! Только вот откуда ему известно, где она работает? Даже не уточнил, куда подъезжать, будто и сам знает. Впрочем, знает-не знает - не всё ли равно...

Глава 18

Глава 18

- Влад, Влад, да погоди ты, не быкуй. Ты выслушай меня, что предлагаю.
- Дан, сука, ты уже подвёл меня под монастырь! Ты это понимаешь? - Стоянов в сердцах стукнул кулаком по крышке бардачка.
- Э-э! Машину мне не круши! - прикрикнул Назаренко и тут же добавил миролюбиво:
- Успокойся, не нервничай.
- Не нервничать? Ты подставил меня! А сколько раз я тебе на той неделе звонил? Ты, сука, тупо все звонки игнорировал. А теперь вдруг звонишь, встретиться предлагаешь, ещё и какое-то дело навязываешь? После всего?
- Не какое-то, а очень выгодное.
- Иди ты со своими выгодными делами сам знаешь куда. Я вообще сейчас согласился с тобой встретиться, только чтобы сказать тебе...
- Понял, понял. Сказать, что я - сука.
- Не только! - запальчиво прикрикнул Стоянов. - Как так вообще? Сначала, б***, давай посидим, выпьем, потом выпросил...
- Влад, - усмехнулся Назаренко, - ну ты вспомни хорошенько. Я ведь тебя ни о чём не выпрашивал. Я просто предложил посидеть после тренинга в тихом месте, выпить за знакомство и всё. А то что тебе приспичило хвастать, какой ты крутой продажник и каких випов затянул в свою контору, ну я тут при чём?
- Это подло! Это вообще по-чмовски. Я тебе как приятелю рассказал, а ты...
- О-о-ой, давай оставим эту лирику, а? - поморщился Назаренко.
- Какая в ж**у лирика? С меня Долматов за этих випов, что ты так нагло увёл, кожу заживо сдерёт, если я их не верну. И это он ещё не догадывается, что это я тебе... с тобой... тогда... Да, блин, я даже представить себе боюсь, что он со мной сделает, если узнает правду...
- Стоянов опустил голову, зажмурился, крепко прижал ладони к лицу. Назаренко наблюдал за ним с водительского кресла равнодушно, даже, скорее, с лёгким раздражением.
- Да перестань ты трагедию разводить. Откуда он узнает?
- Да хоть откуда! Симку мою пробьёт или вон камеры посмотрит. Ты мог бы, кстати, выбрать место и понадежнее, какого чёрта палиться у конторы? Отъехал бы хоть...
- Да брось ты, у тебя уже паранойя, - хмыкнул Назаренко.
- Да ты его не знаешь!
- Долматова-то? Ошибаешься. Я его знаю гораздо лучше, чем ты думаешь.
- Откуда? - удивился Стоянов.
- Ну-у-у... мы давние знакомые, скажем так.
- Мне от этого не легче. Ты меня серьёзно подставил!
- Ну всё, кончай истерить. Влад, послушай, это такая мелочь. Ну, подумаешь, пара випчиков перешла к конкуренту, в общих масштабах - это капля в море.
- Дан! Он меня за эту каплю утопит в собственной крови.
- Назаренко вдруг хохотнул:
- Ну да, эта сука может... Да нет, ничего он тебе не сделает, потому что ничего не узнает.
- Узнает! Он уже велел Анчугину, нашему безопаснику, рыть землю. А тому стоит только пробить мои звонки...
- Тогда тем более тебе пора перестать квохтать и начать готовить себе запасной аэродром. Ведь я к тебе действительно по делу приехал.

Они оба замолкли, будто приготовившись к чему-то важному. Назаренко потянулся к бардачку, достал оттуда пачку Парламента, предложил Стоянову. Тот отказался.

- Ну а я закурю, если ты не возражаешь.

- Ты кури, сколько хочешь, - буркнул Стоянов, - А я пойду. У меня скоро обед заканчивается, а у нас с этим строго.

- О, как вас Ремирчик приструнил, - снова хохотнул Назаренко, затягиваясь. - Да, подожди ты. Тут вот какое дело. Ты слышал, что Авиазаовод объявил тендер?

- Естественно, - вмиг напрягся Стоянов.

- Так вот мы там участвуем. И вы, как я понимаю, тоже. В общем, нужно-то мне от тебя совсем малость. Но! За хорошее, я бы даже сказал, отличное вознаграждение. Сколько вы им предлагаете? По цене?

- Ты, гляжу, совсем спятил.

Назаренко усмехнулся.

- Только скажи, сколько вы предложили, и я даю тебе пять штук. Не рублей, само собой, баксов!

- Нет-нет, Дан, ты, видно, ничего не догоняешь. Какие пять штук? Жизнь, б***, дороже.

- Да кто узнает? Чего ты паникуешь, Влад? Мы тут вдвоём. Ты сказал, я услышал, всё. Свидетелей никаких. А бабки я тебя прямо завтра подгоню.

- Нет-нет, я даже слушать ничего не хочу...

- Ну ты подумай. Выиграете вы этот тендер, Ремирчик ваш, конечно, озолотится. А лично ты что с этого поимеешь? Ничего, Влад. Ровным счётом ничего. А так я тебе даю - ты только вдумайся - триста тысяч рублей! Хорошая сумма за сущую мелочь! За одно-единственное слово!

У Стоянова задёргался на щеке нерв. Он стиснул челюсти.

- В общем, так, Дан, будем считать, что этого разговора не было. Рыть себе могилу я не собираюсь...

- Да пойми ты... - начал было Назаренко и вдруг осёкся, устремив глаза куда-то в сторону, причём явно с недоумённым видом. - Ты её знаешь?

Стоянов проследил за его взглядом. Через дорогу перебежала девушка в розовой блузке, стройная, длинноногая, с копной каштановых кудрей. Она поднялась по ступенькам и скрылась за тёмными стеклянными дверями «ЭлТелекома».

- А-а, ну да, видел. Долматов сам её принял, так что я пока... Короче, это новая сотрудница у нас в коммерческом отделе. Полина, кажется. А ты что, и её знаешь?

- Знаю-знаю, - хмыкнул Назаренко. - В коммерческом, говоришь? Ну ладно, ты иди, Влад, если надумаешь, звони. Но моё предложение в силе только до... завтрашнего утра.

- Не надумаю.

- Ну и дурак, - равнодушно прокомментировал Назаренко.

Стоянов неуклюже вывалился из тёмно-синего BMW, припаркованного в аккурат напротив кафе, и торопливо засеменил к центральному входу «ЭлТелекома».

Мысли его терзали самые невесёлые. Вкупе с нехорошими предчувствиями.

Нет, триста тысяч - сумма, конечно, нелишняя. Но, чёрт возьми, он подавится этой суммой, если вдруг Долматов о чём-то пронюхает. Он и так на него зол из-за World of Tanks. Три планёрки подряд ему эти дурацкие танчики припоминает, срамит при всех. А если узнает, что на том злополучном управленческом тренинге, куда, вообще-то, Долматов сам его и отправил, с ним в одной группе занимался Назаренко, то... даже страшно представить.

Долматов не дурак, более того, он и на ровном месте бывает не в меру подозрителен, а тут ему одного этого факта хватит, чтобы сделать выводы и учинить расправу.

Назаренко-то что? Он живёт себе под крылышком своего всесильного отца, и реалий вообще не знает. Да и плевать ему на судьбу Влада. Поймают его или нет, потонет он или нет -

тому абсолютно всё равно. Вот он и припёрся к самому зданию, а ведь тут в самом деле камеры кругом! Ремир их, конечно, не просматривает, но если вдруг... В общем, самоуверенный болван этот Назаренко.

А как бесит это его глупое хихиканье: «Что он тебе сделает?».

Да, блин, что угодно сделает! Естественно, иглы Долматов под ногти загонять не станет, но элементарно опозорит и пнёт под зад (и не факт, что фигурально), уволит по статье, да ещё и разнесёт в своих кругах мнение о бывшем коммерческом директоре. Ославит так, что всё, жизнь, что называется, под откос. Нигде и никто его и коммивояжёром-то не возьмёт, не говоря уж... Ну или придётся уезжать куда-то далеко-далеко, и то с современными технологиями расстояние ни для чего не преграда.

И чёрт же дёрнул его тогда пойти с этим мажором в кабак и спьяну всё выболтать. Только лукавит Назар, утверждая, что не выпрашивал. Выпрашивал, только исподволь, завуалированно. Вроде как хвалил: «Ух ты! Невероятно! Да как это у тебя получилось?» и всё в таком духе.

А он, дурачок, и рад стараться, доказывать, какой молодец и рассказывать в подробностях, как и с кем всё получилось.

Ну а когда стало известно, что «СУОЛ» и «Облмаш», два самых крупных клиента, которых он сам так кропотливо обрабатывал, вдруг стали потихоньку сливаться, Влад сразу просёк - это дело рук Назаренко.

И вот с тех пор ни сна, ни покоя. Живёт как на пороховой бочке, в вечном ожидании разоблачения и неминуемой казни. В глаза шефу смотреть не может. Бойтся, что тот догадается. Разговаривает с ним с трудом, преодолевая позорную дрожь. Аппетит пропал. Ночью кошмары снятся. Дома всё раздражает: и жена, и даже сын. А на работу и вовсе идёт, как на Голгофу. Измучился - сил нет. И выхода никакого не видит.

И с тендером что теперь делать? Назаренко ведь не успокоится, начнёт искать кого-нибудь другого. К той же новенькой вдруг подкатит, раз они знакомы?

Если тендер они продуют, то Долматов, само собой, всех собак на него спустит. Надо же найти крайнего и на ком-то отыграться.

А если Ремира предупредить, то он логично поинтересуется, откуда ему об этом известно. И тогда... ой, нет, уж лучше молчать...

Глава 19

Глава 19

Назаренко заехал за Полиной в шесть, как и договаривались. Остановился у самого входа, коротко пикинул клаксоном.

Мог бы вообще-то и выйти, и дверь даме открыть, с неудовольствием подумала Полина. Хотя если он действительно поможет с операцией, то плевать на эти политесы.

Она села в тёмно-синий BMW с госномером А 295 НД.

- Что, специально номер именной заказывал? Типа день рождения двадцать девятого мая, потом инициалы... - усмехнулась Полина.

- О! Ты помнишь, когда у меня день рождения? Польщён, - разублачился Назаренко.

- Я всё помню: и хорошее, и плохое.

- Да ладно тебе, Поля. Кто старое помянет... - подмигнул ей Назар, завёл мотор, и машина тронулась с места. - Предлагаю где-нибудь поужинать, а заодно и наши дела обсудить.

- Нет, Назарчик, отвези меня к детской больнице на Гагарина, а по дороге поговорим.

- Как скажешь... - не стал он настаивать. Но начал разговор не сразу, да и явно издалека.

- Сколько, говоришь, тебе на операцию нужно?

- Восемьсот тысяч. Если совсем точно - восемьсот тридцать тысяч.

- Я дам тебе триста сразу, прямо завтра на карту закину. Остальные пятьсот дам в долг, без процентов и жилы тебе тянуть не буду. Но дам их после одной маленькой услуги.

Ну, конечно, усмехнулась про себя Полина. Сразу можно было догадаться, что Назару от неё что-то нужно, даром-то он ведь никогда ничего не делает. Связываться с ним не хотелось до содрогания, тем не менее она спросила:

- О чём ты?

- А-а, так, о сущей мелочи. Мне надо, чтобы ты кое-что для меня выяснила. Буквально пару цифр.

Полина молчала, то, что он говорил, понимала она ещё смутно, но это уже ей не нравилось.

- Ты, может, не в курсе, но на днях должен состояться один тендер, который очень меня интересует. Ну это... а, впрочем, неважно. Я знаю, что «ЭлТелеком» собирается участвовать. Мне нужно, чтобы ты выяснила, какую цену вы предложите за подключение и в месяц. Технические тонкости тоже, конечно, интересуют, но, подозреваю, ты в этом не сечёшь. В общем, главное сейчас - цена. По-любому доки к тендеру готовят у вас в отделе. Так что доступ у тебя должен быть...

Полине вспомнились слова Лизы: «Это пакет к тендеру! Директор сказал - срочно!» и розовая папка-файл в Лизиним лотке. Она и до сих пор там лежит. Но рыться в ней...

Тонкости бизнеса Полина плохо понимала, но чувствовала - просьба Назара дурно пахнет.

- Послушай, ты найди эти документы, найди, где там про цену,ними на мобильник, и всё. Никто ничего не узнает, ты решишь свою проблему, и мы оба будем довольны и счастливы.

- Назар, ты мне предлагаешь шпионить?

- Какой шпионить? Это слишком громкое заявление для такого пустячка. Мне нужны только две цифры и всё. Это секунда делов. Или тебе уже не нужны деньги?

- Да, нужны, нужны. Просто это как-то всё нехорошо...

- Да что тут нехорошего, Поль? Ну, упустит Долматов лакомый кусок, но, уверяю, он от этого не обеднеет. Он такими бабками ворочает, что тебе и не снилось. Для него этот тендер

особо погоды не сделает. А нехорошо, знаешь, что? То, что твоя дочь больна. А я тебе предлагаю реальный выход.

Они подъехали к больнице, остановились возле опущенного шлагбаума с табличкой «Проезд не занимать», но выходить Полина не спешила, терзаемая сомнениями и противоречивыми мыслями.

Ведь это и правда выход, твердила себе. Но, чёрт возьми, всё её существо восставало против.

А с другой стороны - ну, какое ей дело до какого-то там тендера? Какое дело до Долматова? Особенно теперь, после того, как он поступил с ней с такой изощрённой жестокостью? Попользовался и выбросил, как надоевшую вещь...

А ей Сашку надо спасать любыми правдами и неправдами. Ну а всё остальное - дело десятое.

- Так когда ты дашь денег? - деловито спросила она после долгого молчания.

- Говорю же, триста тысяч переведу тебе на карту прямо завтра. Ещё пятьсот одолжу тебе сразу после того, как получу фото с ценами. Только учти приём документов для участия в тендере скоро заканчивается, так что, если надумала, поторопись. И если завтра раздобудешь то, что мне нужно, всю сумму получишь уже в пятницу. Через два дня, Поль, вдумайся!

- Ясно.

- Ну, я так понял - мы договорились? Скинь мне номер карты.

- Сейчас. Кстати, хотела спросить, как ты узнал, что я именно в «ЭлТелекоме» работаю?

- Не поверишь! Случайно увидел тебя сегодня, как ты в здание входила. Аж офигел.

- То есть? Почему офигел? В смысле, что тут такого удивительного?

- Ну как? Всё-таки, думал, Маугли и на тебя зуб имеет. Он же, сука, злопамятный. И мстительный. Все рёбра мне тогда переломал. Ты не в курсе?

Полина мотнула головой, не понимая, к чему сейчас Назаренко припомнил ту давнюю историю, того мальчика...

- Ну, мы потом, - продолжил он, - года два спустя после лагеря, встречались. Точнее, он меня разыскал. Прикинь, какая падла - специально, разыскал, чтобы отомстить. И отмудохал, сука, так, что я в больничке две недели провалялся. Поэтому, конечно, я офигел, когда узнал, что ты у него работаешь. Зря, кстати, тогда я тебя послушал и удалил фотки. Вот бы сейчас его потроллил...

- Я тебя вообще не понимаю. Назар, ты о чём? Какая больничка? При чём тут Маугли, фотки и эта работа?

- В смысле - при чём? - Назаренко перестал смеяться и посмотрел на неё с неподдельным изумлением. - Ты чего? Ты директора вашего видела? Знаешь?

- Ну да, - пожала плечами Полина. - Ремир Ильдарович.

- Блин, понятно, что Ремир Ильдарович, но это же Маугли! Ты что, не узнала его?

- Да ты врёшь!

- Делать мне нечего. Ты глаза разуй! Говорю тебе, это Маугли. Ну да, он теперь большой, высокий, важный, все дела, но это он! Я его после лагеря встречал раза три. Он это, говорю тебе!

Она ещё спорила по инерции, но уже знала - Назар прав.

Это он, Ремир и есть тот мальчик со склада, которого она так жестоко унизила восемь лет назад.

Да, он сильно изменился, прямо до неузнаваемости. Из тощего пацанёнка превратился в высокого, красивого и статного мужчину, но глаза - те же. Чёрные, горящие. Недаром подсудно ей чудилось в нём что-то знакомое.

Но если это так, то ведь и Ремир узнал её. Конечно, узнал. Как он там говорил? Ты - первая, кто мне понравился. А первых ведь не забывают. Тем более после такой жестокой выходки. Тем более злопамятные.

Как сказал Назар? Два года выжидал, чтобы потом найти и расквитаться? А с ней терпения хватило аж на восемь лет. Впрочем, недаром же говорится: «Мсть - это блюдо, которое подают холодным».

- Ну что, Поль, тогда постарайся всё узнать поскорее, окей? А деньги я тебе завтра на карту скину, - вывел её из раздумий Назар.

Она молча кивнула и вышла из машины. Новость про Ремира буквально оглушила её - настолько невероятной, невозможной казалась вся эта ситуация.

Сегодня дежурил Яков Соломонович, а он, хоть и старик довольно суровый, а подчас и холодный, буквоедом не был. Так что позволил Полине проторчать у Саши час с лишним, приструнив недовольную медсестру, но потом насел:

- Нужна операция, срочно! Мы всё делаем, поддерживаем, как можем, но...

- Яков Соломонович, деньги будут. Буквально на днях, - пообещала Полина.

- Так это замечательно! Рад за вас, Полина. Уверен, всё будет хорошо, - старик и впрямь искренне обрадовался.

Полина тоже радовалась и не верила - неужели всё это - вечная гонка, кошмарные ночи, страхи постоянные - скоро закончится?

Правда, радость сильно горчила. Как себя ни убеждай, а расплачиваться придётся дорого.

Для Назара - это мелочь: предал-забыл и живёт преспокойно дальше. А она так не умеет, ей ещё предстоит как-то ужиться с собственной совестью. Но об этом лучше не думать, и так решимости не достаёт.

Но стоило приехать домой, мысли, словно вопреки воле, так и полезли, терзая душу.

То, что Назар называл пустячком и мелочью, на самом деле имело вполне конкретное название - разглашение конфиденциальной информации, за что полагалось вполне конкретное наказание, вплоть до уголовного.

Последнее, правда, если верить Интернету, бывает в исключительных случаях. Чаще всего просто увольняют, правда, по такой статье, что потом чёрта с два кто на работу примет. Ну и возмещение убытков, конечно, навешают через суд. А какие там будут убытки, и представить страшно.

Но даже не это тяготило больше всего. А сам по себе поступок - как ни крути, как ни оправдывайся, а это всё равно подло. Шпионить, вынюхивать, стучать, предавать - противно.

Ну а с другой стороны, кто он ей, когда на другой чаше весов здоровье Сашки?

И хотя из-за него до сих пор судорожно сжималось сердце, сейчас всё виделось в другом свете. Всё встало на свои места. Жгучие его взгляды, которые она по самоуверенности принимала за страсть, значили лишь ненависть. Тоже, в своём роде, страсть, но с другой полярностью.

Теперь всё стало понятно - и почему он её принял на работу, и почему унижал прилюдно, и почему переспал, и почему затем уволил.

Непонятно только, зачем он вынудил Хвощевского извиниться перед ней во всеуслышание. Но сути это не меняет.

И что самое поразительное - он ведь это сразу задумал: поступить, по сути, так же, как когда-то поступила с ним она. Привлечь, обмануть, опозорить и бросить. В его случае - вышвырнуть вон.

Не было ничего между ними, никакого взаимного влечения, никаких чувств. Она всё напридумывала, точнее, повелась на его представление. Теперь это понятно, теперь это так ужасающе очевидно.

Разумеется, она сама перед ним виновата. И стыдно перед ним, и неловко. Но, чёрт возьми, она тогда была совсем девчонкой, глупой, легкомысленной. И сделала всё не со зла, хотя шутка, конечно, получилась очень дурная.

Но он-то ведь мужчина! Взрослый, состоявшийся, и вот пойти на такие мелкие счёты, опуститься до таких низких и жестоких методов... И не полениться при этом - построить такую комбинацию, такой спектакль разыграть! Слов нет...

А она ещё, глупая, хотела пойти к нему, умолять, унижаться... Вот бы он возликовал!

Так что это даже хорошо, что он уехал.

Но как же чёрт возьми, больно!

Глава 20

Глава 20

Ночь выдалась тяжёлая, бессонная, и на утро голова шумела, как чугунный колокол.

Полина и обычно-то просыпалась рано - в шесть утра уже на ногах, ну а тут пришлось встать на час раньше.

На душе было так тяжело, словно каменной плитой грудь придавило. Каждый вдох давался с трудом, с тупой, ноющей болью.

На работу Полина приехала самая первая, как и хотела.

Охранник, который откуда-то знал её имя, даже удивился:

- И что вам, Полиночка, не спится? Полтора часа ещё до начала рабочего дня.

- Да у меня со вчерашнего дня осталось задание недоделанное, - как можно беззаботнее ответила она, мазнув по считывателю турникета электронным пропуском.

Идти по совершенно безлюдным коридорам было странно. Ещё более непривычным выглядел их кабинет, пустой, погружённый в полумрак и безмолвие.

Первым делом Полина подняла жалюзи, впустив нежный утренний свет. Открыла окна, чтобы птичьи переливы разогнали давящую тишину. Теперь, по крайней мере, исчезло неприятное ощущение острого одиночества.

Розовая папка так и лежала в Лизиним лотке, притягивая взгляд. Подходить к ней Полина боялась. Хоть и страх этот казался иррациональным, как будто если тронешь её - непременно заразишься. Да и риск был - вдруг ещё кто-нибудь заявится в такую рань?

Пару минут Полина потопталась в нерешительности возле стола, но затем быстро, пока не передумала, выудила из папки бумаги, толстенную прошитую стопку. Пролистнула уставные документы «ЭлТелекома», технические выкладки, схемы, таблицы, пока не добралась до тарифов.

Вот оно! Стоимость подключения... ежемесячная плата... за телефонию... за интернет.

Сердце трусливо ёкнуло и учащённо забилося. Полина достала телефона, навела фокус. Рука дрогнула, и первое фото получилось смазанным. При желании разобрать, конечно, можно, но для верности она сделала ещё несколько снимков. Затем убрала бумаги обратно в папку, папку - в лоток, сама села на место, как будто ничего и не было. перевела дух, только нервная дрожь никак не утихала.

Ждать пришлось долго. Видимо, командировка шефа всех расслабила. Поэтому раньше положенного прийти никто не торопился. Но постепенно коридор наполнялся шумом, разговорами, размеренными шагами.

Наконец начали подтягиваться и коммерсанты.

Лиза, увидев, что Полина уже на месте, заметно удивилась.

- Ты чего так рано?

- Так получилось, - пожала плечами Полина, снова занервничав.

Ближе к девяти пришли Анжела и Аня, а Беркович, запыхавшись, влетел минут на десять после часа X.

- Прости, прости, Лиза! - кинулся он к ней с виноватой улыбкой, сложив ладони в молящем жесте. - В пробке стоял!

Но Лиза милостиво махнула рукой.

- Ничего, Тёма, с кем не бывает.

Анжела многозначительно посмотрела на Полину, мол, каково? Да и сама Полина в другой раз наверняка съязвила бы по этому поводу, но сейчас было не до стычек. Её и без того внутренне потряхивало от перенапряжения.

Отсутствие директора сказывалось на всеобщем настроении. Не то, чтобы никто не работал, но темпы сбавили в разы. Даже Лиза, которая вечно всех подгоняла и пыталась строить, открыто бездельничала, полушёпотом болтая с Берковичем явно не о работе.

В одиннадцать от Назаренко прилетела смс-ка: «*Ну как? Получилось?*».

Она набила короткое: «*Да*».

И тут же: «*Скинь mms*».

Руки снова задрожали.

«*Нет*».

«*Хорошо. Встречу тебя после работы. Ок?*»

«*Да*».

Она отбросила телефон, словно он жёг пальцы.

Ну, вот и всё, сказала себе, шаг сделан, назад дороги нет. Только вот ощущение было такое, будто шагнула она в пропасть.

За полчаса до обеда Лиза принесла из приёмной большой конверт из плотной тёмно-коричневой бумаги, запаковала документы к тендеру, объявив, что с обеда сильно задержится, потому что повезёт пакет в комиссию по закупкам.

Как только Лиза ушла, Анжела надела на Полину.

- Пойдём в кафе пообедаем?

Полина сначала вяло отнекивалась. Какой обед, когда у неё кусок в горло не полезет? Но, в конце концов, сдалась. Сидеть в кабинете в одиночестве и прокручивать одни и те же мысли на сто рядов тоже сил не осталось. А так хоть Анжела своими разговорами отвлечёт.

- Опять на овощные салатики перешла? - хмыкнула Анжела, оценив её выбор.

Полина неопределённо пожала плечами.

- Ты, кстати, слышала? Хвощевского совсем замордовали наши мужики. Сегодня в курилке только и разговоров было что о нём. Какой он козёл, да какое чмо, да как надо его нагнуть за такие дела. Говорят, никто ему руки теперь не подаёт.

- Ну, не только ж мои косточки мыть, - равнодушно сказала Полина.

- А ещё всех волнует, с чего вдруг Ремир за тебя вписался. Знаешь, обычно его все эти сплетни мало трогают. Вообще, по-моему, он их не замечает, а тут аж... Слушай, - Анжела хитро прищурилась, - а вы с ним как-то оба одновременно и незаметно с корпоратива исчезли. Максим его бегал искал... Уж не вместе ли вы уехали?

- Не вместе, - соврала Полина.

Зачем она завела этот разговор? Зачем напомнила то, что хочется скорее забыть? И без того внутри болит, не переставая. Но Анжела не унималась:

- Правда? Ремир, говорят, аж пиджак забыл, так сорвался... И тогда, в кафе, помнишь, он ведь глаз с тебя не сводил? Если что-то было, ты не думай, я никому не скажу!

Полину так и подмывало ответить резко и оборвать наконец этот мучительный разговор, но Анжела - одна из всех в этом гадюшном коллективе относилась к ней по-дружески. Не хотелось её обижать.

- Ничего не было, не выдумывай.

- А мне кажется, всё-таки что-то есть... Ведь почему-то же он...

- Знаешь, что есть? - всё-таки прорвалось у Полины раздражение. - Приказ о моём увольнении, он вчера его подписал. Такие вот дела.

Анжела сочувственно свела брови домиком, потом вдруг рассердилась:

- Всё эта Лизунья! Хорошо, что ей тоже досталось...

Вторая половина дня тянулась ещё мучительнее. С одной стороны, хотелось, чтобы всё поскорее закончилось: показать Назару эти чёртовы фотки и забыть всё, как дурной сон. А с другой - её аж потряхивало и тошнило от одной мысли о том, что предстоит сделать.

Незадолго до конца работы пришла смс-ка с оповещением: «*На ваш счёт поступил платёж в размере 300 000 RUB...*»

Радоваться бы, но стало вдруг ещё тягостнее.

Назаренко подъехал к «ЭлТелекому» ровно в шесть. На этот раз встал чуть поодаль, Полина не сразу и увидела его тёмно-синий BMW. Хотя это даже хорошо, что он додумался встать подальше, решила она. Может, никому и дела нет, но лучше, если их вместе никто не увидит.

- Заждался тебя, - криво улыбнулся Даниил. - Ну?

В его взгляде, в мимике, в жестах так и сквозило суетливое нетерпение.

- Давай сперва в сбербанк заедем? По пути есть отделение.

- Ты думаешь, я тебя кину? - хмыкнул он, но завёл мотор.

Полина промолчала.

В банке он пробыла не дольше десяти минут. Вышла, прижимая к груди сумку.

- Ну что? - ухмыльнулся Назаренко. - Всё в порядке?

- Угу, - кивнула она. - Подожди секунду.

Она открыла сумку и достала три плотные пачки новеньких, ещё пахучих, тысячных купюр. Протянула их Назаренко.

- Что это?

- Деньги, твои деньги. Я их не возьму.

- Не понял, - нахмурился Назаренко. - Это шутка, что ли?

- Да какие уж тут шутки.

- Ты же... ты сказала, что фотки сделала, так покажи их. В чём проблема?

- Назарчик, я бы сказала, в чём, но мне кажется, ты не поймёшь.

- Естественно, я не понимаю! Нихрена, б***, не понимаю! Ты же нормальная была, без этих всяких заморочек. А сейчас-то что за идиотская щепетильность? Тебе этот Долматов кто? Никто ведь. Почему тебя волнуют его интересы?

- Его интересы тут абсолютно ни при чём. Просто я не могу этого сделать. Я, может быть, даже и хотела бы, но не могу... не могу.

- Да, б***, почему?!

- Не ори! Потому что это подло.

- Зашибись! А какого хрена... А вчера это было не подло? Ты пообещала. Я тебе поверил. Время упустил, деньги тебе перевёл...

- Деньги я тебе вернула, а вчера - это было необдуманно. А насчёт обещала и поверил - помолчал бы уж. Ты мне тоже кое-что обещал, и я тебе тоже поверила.

- Ой, это-то тут причём, - он раздражённо поморщился. - Или ты что, типа мстишь?

- Делать нечего.

- Ну и нечего тогда собирать всё в кучу. Ты мне вот что скажи. Тебе нужны бабки или нет? Ты же говорила, что там операцию какую-то срочно нужно сделать...

- Я что-нибудь придумаю, ты не беспокойся. У меня есть ещё варианты, после которых не придётся, знаешь ли, мучиться угрызениями совести.

- Это твоё окончательное решение? - хмуро спросил Назаренко.

- Абсолютно.

С минуту он молчал, потом повернулся к Полине и зло бросил:

- Ну и вали отсюда, дура. Чего уставилась? Вали, я сказал, или помочь?

Полина посмотрела на него слегка ошарашенно, но затем усмехнулась и, не говоря ни слова, вышла из машины.

Какая-то дикая, безвыходная ситуация - сто раз за сегодняшний день она представила себе, как возьмёт у Назара деньги, как покажет ему фото, и понимала, что после этого возненавидит себя. Но всё равно настроилась пойти до конца.

И вот ведь - не взяла деньги, поступила вроде как честный человек. А на душе гаже некуда.

Выходит, что собственное самомнение для неё оказалось важнее Сашки? Пусть ребёнок болеет, но зато она не будет чувствовать себя подлой предательницей, так получается? Да кто она после этого?

В больницу пришлось ехать на такси, и то едва успела перед самым закрытием. Выслушала претензии сначала от охранницы, потом и от дежурной медсестры.

«Уже без пяти семь. Нельзя, что ли, пораньше прийти? Вот не пушу, будете знать».

Пустить-то пустила, но лицо скроила такое, словно Полина, припозднившись, нанесла ей личное оскорбление.

И, видимо, от того, что всё вдруг навалилось разом: увольнение, жестокость Долматова, стресс, хамство Назаренко - её вдруг точно прорвало. Крепилась, как могла, но губы упрямо кривились и дрожали, и чёртовы слёзы никак не удавалось сдержать. И понимала, что пугает Сашу, что нельзя так, а ничего не могла с собой поделать. Прижимала мокрое лицо к её ладошке и горячо шептала, что просто так сильно соскучилась, вот и плачет. Саша тихонечко лопотала в ответ, что тоже скучает, просилась домой и нежно звала её мамой. И слова её ещё больше рвали сердце и заставляли думать про себя ещё хуже.

«Ничего, - повторяла она в мыслях, - завтра же вплотную примусь за продажу родительской квартиры. Наверняка ведь быстро найдутся покупатели, если продавать её в разы дешевле».

Ночью снова металась: а вдруг упустила шанс? Грызла себя: не захотела запачкаться, а ребёнок теперь страдай. Какая же она после этого мама?

Тягостные мысли прервал звонок. Номер незнакомый, но местный и, к счастью, не городской - значит, не из больницы. Но кто мог так поздно звонить?

Поколебавшись, Полина всё же ответила. Но на том конце молчали.

Она отчётливо слышала чужое дыхание, вдалеке - какие-то возгласы, женский смех, музыку.

Несколько раз она повторила: «Вас не слышно» и нажала отбой. А утром обнаружила, что ночной звонивший буквально забомбил её пустыми эсэмэсками. Ошиблись, наверное, решила она, или баловались.

С самого утра Полина безуспешно пыталась дозвониться до знакомого риэлтора. Он в своё время подыскивал ей жильцов, когда она надумала сдавать квартиру родителей, и нашёл вполне приличных - тихих, аккуратных, платёжеспособных. Даже жалко будет с ними расставаться. И с квартирой тем более жалко - выросла ведь в ней, всё там родное, напоминает о маме, о детстве...

Но лучше не предаваться сентиментальным мыслям. Так будет проще действовать.

Только вот риэлтор, как назло, находился вне зоны доступа или попросту отключил телефон.

На обед Анжела вновь вытянула Полину в кафе. Щебетала о чём-то, пересказывала последние новости с полей, но её слова в одно ухо влетали, в другое - вылетали, не задерживаясь.

- Ты меня вообще слушаешь? - обиделась наконец Анжела.

Полина хотела извиниться, как вдруг пиликнул сотовый, оповестив, что долгожданный риэлтор снова в сети.

- Прости, Анжела, мне надо срочно позвонить! - Полина вскочила, подхватив сумочку.

- Ты куда? Ты ничего не поела...

Но Полина уже мчалась на выход.

Рядом с кафе, чуть в стороне от дороги, среди зарослей сирени заметила укромную лавочку, там и присела.

На этот раз риэлтор отозвался сразу. Правда, сообщил, что находится сейчас за городом, связь там плавающая, и вернётся он только после выходных, но зато обнадёжил, что за такую смешную цену, какую запросила Полина, продаст квартиру моментально. Хоть успокоил.

Выдохнув, Полина посмотрела на чёрное стеклянное здание «ЭлТелекома» почти с ненавистью.

Всего две недели назад она радостно порхала, когда её сюда приняли. А что ей дала эта работа, кроме страданий и унижения? Может, вообще ну её, работу эту? Развернуться и пойти домой. И забить на всех. Что он ей сделает? Два раза уволит?

Но тут она увидела, как на парковку въехал директорский Maybach.

Спустя пару минут появился и сам Долматов. Вышагивал себе вальяжно вдоль здания, направляясь к центральному входу. В одной руке - портфель, другой - держит пиджак через плечо. Вернулся, значит, из своей командировки.

Сердце тоскливо сжалось и заныло, словно ему плевать на все доводы и увещания, словно оно живёт и чувствует само по себе и рассудку подчиняться не желает.

Правда Полина от этого ещё сильнее разозлилась. Только непонятно на кого больше - на Долматова за такую продуманную жестокость или на себя за такую безграничную глупость.

Вот он медленно, будто нехотя поднялся по ступеням, распахнул двери, в последний момент вдруг обернулся, точно почувствовал на себе её взгляд.

Она невольно отпрянула, хотя среди кустов он и так вряд ли сумел бы её разглядеть на таком расстоянии.

Когда Долматов скрылся из виду, она поднялась и уверенно двинулась в сторону «ЭлТелекома».

До конца обеденного перерыва оставалось ещё полчаса.

Полина поднялась на лифте на седьмой этаж. Перед приёмной остановилась в нерешительности. Вдруг эта Алина не ушла на обед? Как объяснить сейчас свой визит? Да там как ни объясняй, а она и на пушечный выстрел не подпустит её к Долматову. Прямо цербер.

Полина осторожно приотворила дверь, заглянула в приёмную - за стойкой никого не оказалось. Вошла - действительно пусто. Путь открыт. Но вместо облегчения, она вдруг разволновалась до дрожи. Ещё и сердце снова припустило, как ненормальное. Пришлось разбедерить рану - напомнить себе, как он с ней обошёлся, всколыхнуть боль и злость.

Никуда дурацкая дрожь, конечно, не делась, но хоть решимости прибавилось.

Глубоко вдохнув, как перед прыжком в неизвестность, Полина распахнула дверь в кабинет директора.

Ремир сидел за столом, сосредоточенно глядя в монитор.

Повернулся на шум, увидел её, и тотчас выражение лица его разительно переменилось. Хмурая складка между бровей разгладилась. Губы слегка приоткрылись, как будто он хотел что-то сказать, но не решился. И столько всего промелькнуло в его глазах: и удивление, и растерянность, и смятение, и что-то новое, непривычное, отчего на душе вдруг стало так трепетно, что дыхание перехватило.

Впрочем, Полине удалось быстро с собой справиться.

Призвав злость, она подошла ближе, вперилась в него немигаю

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.